

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1888.

№ 13.

ЮЛЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера	1—31
Авторитеты и факты въ вопросѣ о развитіи церковныхъ догматовъ (продолженіе). А. Шостыина	32—67
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Метафизическій анализъ идеальнаго познанія (продолженіе). В. Бударяцева.	1—20
О физиологическомъ методѣ въ психологіи (продолженіе). М. Остроумова	21—51
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе: Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Комитета завѣдующаго продажей духовно-нравственныхъ книгъ и учебниковъ для церковно-приходскихъ школъ.—Разрядный списокъ учениковъ Харьковскаго духовнаго училища за 1887/88 учебный годъ.—Разрядный списокъ учениковъ Ахтырскаго духовнаго училища за тотъ-же годъ.—Разрядный списокъ учениковъ Купянскаго духовнаго училища за тотъ-же годъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, НѢМЕЦКАЯ, № 26.

1888.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ общирномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ чловѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Иѣменская, № 26 и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія ливні; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

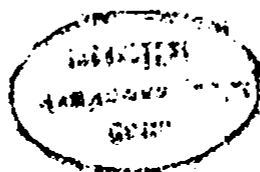
Πίστει νοοῦμεν

Въ рою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Юля 15 дня 1888 года.

Цензоръ, Протоіерей Т. Павловъ.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

Наполеонъ готовъ былъ, повидимому, повторить свои блестящіе маневры въ февралѣ мѣсяцѣ; катастрофа, обрушившаяся тогда на силезскую армію, должна была разразиться теперь надъ главною арміею. И въ какомъ положеніи находилась эта армія? Она была растянута на большомъ разстояніи между Сеною и Марною и что могло теперь помѣшать Наполеону уничтожить ее по частямъ? Вотъ къ какимъ результатамъ привели странная нерѣшительность Шварценберга, его непостижимое бездѣйствіе, его стремленіе обезпечить и прикрывать все. И что всего ужаснѣе, теперь не оставалось дѣйствительно иного средства избѣгнуть самаго страшнаго несчастія,—какъ отступить поспѣшно назадъ и сосредоточить, пока есть еще время, войска въ сильной оборонительной позиціи. Такъ казалось императору Александру и всѣмъ его совѣтникамъ; ошеломленные внезапностью удара, они готовы были теперь сами сдѣлать именно то, въ чемъ такъ упрекали они до сихъ поръ Шварценберга. Но

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 11.

одна неожиданность слѣдовала за другою, или лучше сказать, Провидѣніе, спасавшее столько разъ отъ гибели правое дѣло, избрало на этотъ разъ своимъ орудіемъ именно того человѣка, который такъ систематически тормозилъ до сихъ поръ ходъ военныхъ операцій и столько разъ останавливалъ союзныя арміи на ихъ пути къ побѣдѣ.

Князь Шварценбергъ, получивъ отъ императора Александра извѣстіе о движеніи Наполеона къ Реймсу и о пораженіи Сенъ-При, остановился въ первый моментъ на той-же мысли, за которую ухватился и Александръ. Немедленно рѣшилъ онъ отвести назадъ всю армію и сосредоточить ее въ крѣпкой позиціи при Траннѣ на Обѣ; но обычная медленность и нерѣшительность, задерживавшія до сихъ поръ каждый шагъ впередъ, замедлили теперь и это отступательное движеніе. Прошло два, три дня въ новыхъ колебаніяхъ и отъ передовыхъ войскъ получены были свѣдѣнія, что Наполеонъ двигается на Эперне и на Арсисъ на Обѣ, что его войска вошли уже въ районъ занятый корпусами союзной арміи. Очевидно, что теперь некогда уже было думать объ отступленіи, о сосредоточеніи войскъ при Траннѣ, такъ какъ непріятель, наступавшій со стороны Марны, могъ легко врѣзаться въ средину разрозненныхъ союзныхъ массъ и разбить ихъ по частямъ. Несравненно удобнѣе и легче было сосредоточить войска въ равнинѣ при Арсисѣ, такъ какъ этотъ маневръ могъ быть совершенъ въ самое короткое время и безъ всякой помѣхи со стороны непріятели. Но понятно, что сосредоточеніе при Арсисѣ легко могло повести къ рѣшительному столкновенію, т. е. именно къ тому, чего такъ систематически и упорно избѣгалъ до сихъ поръ союзный главнокомандующій. Всѣ знавшіе князя были твердо убѣждены поэтому, что онъ никогда не отважится стянуть свои массы къ Арсису тѣмъ болѣе, что императоръ Александръ и король Фридрихъ-Вильгельмъ, всегда настаивавшіе прежде на наступательныхъ дѣйствіяхъ, только что одобрили диспозицію отступленія къ Транну и намѣрены были твердо требовать ея исполненія. Каково-же было всеобщее изумленіе, когда фельдмаршалъ внезапно объявилъ, что онъ

отмѣняетъ диспозицію къ отступленію, что онъ рѣшилъ собрать всѣ войска въ Арсиской равнинѣ и атаковать приближающагося Наполеона. К. Ф. Толль былъ внѣ себя отъ радости, когда Шварценбергъ сообщилъ ему о своемъ новомъ рѣшеніи. „Впервые“, говоритъ онъ, „замѣтилъ я въ немъ качества настоящаго полководца. Причины, побуждавшія его измѣнить свой первоначальный планъ, были настолько убѣдительны, его новыя распоряженія такъ разумны, что я не могъ удержаться, чтобы тутъ-же не обнять его самымъ сердечнымъ образомъ. Я поспѣшилъ увѣрить его, что императоръ Александръ будетъ крайне обрадованъ его рѣшеніемъ“ 1).

Но спрашивается, чѣмъ можно объяснить такую поразительную перемѣну, кто и что могло побудить Шварценберга выйти такъ неожиданно изъ своей обычной роли? Трудно допустить, чтобы князь дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ по собственному побужденію, чтобы героическое рѣшеніе могло возникнуть въ немъ лишь на основаніи собственныхъ соображеній и собранныхъ имъ свѣдѣній о слабости непріятельскихъ силъ и о направленіи, принятомъ Наполеономъ къ Вуарѣ въ обходъ праваго союзнаго крыла. Скорѣе слѣдуетъ допустить, что князь дѣйствовалъ въ этотъ моментъ подъ вліяніемъ Радецкаго, единственнаго настоящаго воина и полководца во всемъ своемъ штабѣ. Такъ полагаетъ и Бернгарди, хотя источники, бывшіе въ его распоряженіи, не даютъ въ сущности никакого права на подобное заключеніе 2).

К. Ф. Толль спѣшилъ увѣдомить императора Александра о новомъ рѣшеніи главнокомандующаго. „Изъ донесеній генераль-майора Кайсарова“, читаемъ мы въ его письмахъ къ князю Волконскому, „оказывается, что Наполеонъ переправляется съ значительными силами черезъ Обу у Планси, что 6,000 конницы находятся уже на этомъ берегу и что за ними слѣдуютъ 25,000 пѣхоты. Вслѣдствіе этого фельдмар-

1) См. Бернгарди, т. IV, 2 полов. стр. 273.

2) Самъ Бернгарди замѣчаетъ, что австрійскіе источники, пытающіеся всегда и повсюду выставить Шварценберга волюнѣ самостоятельнымъ, хранятъ на этотъ счетъ полное молчаніе.

шалъ поручилъ мнѣ донести черезъ посредство вашего сіятельства его величеству императору, что онъ намѣревается сосредоточить завтра всѣ корпуса нашей арміи между рѣками Сеною и Обою, т. е. между Труа и Лемономъ и дать неприятелю сраженіе. Фельдмаршалъ полагаетъ, что Наполеонъ, переправляясь черезъ Обу у Планси, рассчитывалъ отрѣзать наши войска на Обѣ отъ войскъ, расположенныхъ на Сенѣ. Соединеніе корпусовъ Раевскаго, кронпринца виртембергскаго и Гиулая предупреждаетъ такое намѣреніе непріятели, и если Наполеонъ будетъ продолжать свое движеніе въ этомъ направленіи, то всѣ выгоды будутъ на нашей сторонѣ, ибо онъ не будетъ въ состояніи отрѣзать наши сообщенія“. Отправляя это письмо, Толль и не подозрѣвалъ, что оно не только не обрадуетъ императора, а приведетъ его еще въ большее безпокойство и смущеніе.

Въ то время, когда Шварценбергъ сосредоточивалъ войска свои у Арсиса, намѣреваясь атаковать непріятели у Планси, Наполеонъ предупредилъ его наступленіе. Какъ подъ Лаономъ, такъ и теперь Наполеонъ находился въ полнѣйшемъ заблужденіи и на счетъ силъ, и на счетъ намѣреній противника. Ему казалось, что армія Шварценберга, узнавъ о его приближеніи, начала поспѣшное отступленіе, что ему остается только преслѣдовать ее, чтобы довершить ее разстройство. Онъ думалъ довершить катастрофу непріятели движеніемъ черезъ Арсисъ на Витри, т. е. обходомъ его праваго фланга. Этотъ маневръ, направленный на сообщенія союзниковъ, долженъ былъ посѣять ужасъ и смятеніе въ ихъ рядахъ.

Рано утромъ, 21 марта войска Наполеона двинулись къ Арсису. Уже въ 10 часовъ утра французская конница подъ начальствомъ Себастиани и двѣ пѣхотныхъ дивизіи подъ командою маршала Нея явились подъ Арсисомъ. Немедленно завяли они городокъ, возстановили мостъ черезъ рѣку; и продвинувшись нѣсколько далѣе вверхъ по Обѣ, расположились двумя колоннами у деревни Грандъ-Торси. Неслышанная смѣлость Наполеона видимо озадачила Шварценберга. Проходили часъ за часомъ и фельдмаршалъ не рѣшался

подать сигналъ къ атакѣ, хотя на сторонѣ его было громадное, по крайней мѣрѣ, четверное превосходство силъ и хотя союзныя войска готовы были къ нападенію уже съ ранняго утра. Пробилъ уже часъ дня, когда прибыли на позицію императоръ Александръ и король Фридрихъ-Вильгельмъ. Александръ подъѣхалъ къ фельдмаршалу, видимо разстроенный и раздраженный. Сказавъ нѣсколько любезныхъ фразъ князю, императоръ обратился къ Толлю и тонъ его голоса разомъ измѣнился. Императоръ заговорилъ по-русски, не сдерживая своего негодованія и досады. „Что побудило фельдмаршала“, спросилъ онъ Толля, „измѣнить такъ внезапно весь операціонный планъ, и почему армія не продолжаетъ отступленія въ позицію при Траннѣ?“—Толль въ своемъ отвѣтѣ старался оправдать распоряженія фельдмаршала, онъ замѣтилъ, что армія, дѣйствующая оборонительно, никогда не можетъ предусмотрѣть своихъ движеній за 24 часа впередъ. Онъ старался доказать, что союзники не должны опускаться удобнаго случая атаковать непріятеля, пользуясь своею численностью и выгодами мѣстности; но императоръ вимало не убѣдился его доводами. Онъ прервалъ его, наконецъ, словами: „Я опасаюсь самаго худшаго. Наполеонъ будетъ занимать насъ здѣсь пустыми маневрами, а самъ обойдетъ съ главными силами наше правое крыло и двинется на Бриеннъ, а оттуда на сообщенія нашей арміи“.— Не слушая никакихъ дальнѣйшихъ объясненій, императоръ поворотилъ лошадей и, сопровождаемый королемъ прусскимъ и свитою, уѣхалъ въ сосѣднее селеніе Пужи, предоставивъ князю Шварценбергу полную свободу дѣйствій ¹⁾).

Тотчасъ-же послѣ отъѣзда монарховъ, фельдмаршалъ подалъ сигналъ къ атакѣ, но въ тотъ-же самый моментъ двинулась впередъ и вся непріятельская линія. Маршалы и генералы были въ изумленіи отъ безумной смѣлости своего императора. Себастиани и Ней осмѣлились доложить Наполеону, что онъ имѣетъ передъ собою всю союзную армію и что рассчитывать на отступленіе непріятеля нѣтъ ни ма-

¹⁾ Подробности этой сцены см. у Беригарди, т. IV, 2 полов. стр. 279.

лѣйшаго основанія. Но Наполеонъ не терпѣлъ въ этотъ періодъ своей жизни никакихъ противорѣчій. Съ насмѣшкою отвѣчалъ онъ своимъ маршаламъ, что ихъ увѣренія неосновательны, что молодой ординарецъ, посланный имъ на развѣдку, доноситъ, что на непріятельскихъ позиціяхъ находится всего лишь нѣсколько тысячъ казаковъ. Ней и Себастьяни должны были замолчать и повиноваться.

Сраженіе началось около двухъ часовъ. Въ центрѣ союзники атаковали деревню Грандъ-Торси и быстрымъ натискомъ вырвали ее изъ рукъ непріятеля, но Наполеонъ поспѣшилъ ввести въ дѣло новыя войска и предписалъ своимъ генераламъ удержать деревню во что бы то ни стало. Въ теченіи цѣлыхъ восьми часовъ кипѣлъ здѣсь самый ожесточенный бой. Вреде, распорядившись въ союзномъ центрѣ, ввелъ мало по-малу въ дѣло двадцать два батальона и русскую гренадерскую бригаду; французы съ своей стороны двинули на деревню всю свою пѣхоту. Грандъ-Торси переходила нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, но французы, одушевленные своимъ императоромъ, восторжествовали надъ всѣми усиліями союзниковъ и удержались въ деревнѣ до наступленія темноты. Безумная отвага Наполеона увѣнчалась, такимъ образомъ, въ центрѣ успѣхомъ, но на лѣвомъ крылѣ, гдѣ двинулись въ атаку массы его конницы, дѣла приняли иной оборотъ. Едва только кавалерійская дивизія Кольбера выстроилась къ атакѣ, какъ на нее ударили внезапно австрійскіе гусары и казаки Кайсарова. Французы не выдержали натиска и въ разсыпную бросились назадъ, оставивъ въ рукахъ союзниковъ четыре орудія. Тщетно старались поправить дѣло другіе французскіе кавалерійскіе отряды. Осыпанные картечью союзныхъ батарей, они ринулись назадъ, увлекая за собою въ бѣгство резервы. Вся масса французской конницы, пораженная паническимъ страхомъ, бѣжала по направленію къ Арсису. Тщетно пытался Наполеонъ съ шпагою въ рукѣ остановить бѣгущихъ, никто не слушалъ его приказаній ¹⁾. Что случилось-бы со всею французскою арміею,

¹⁾ Бонапартистскіе авторы, и во главѣ ихъ баронъ Фенъ, рассказываютъ при этомъ случаѣ чудеса о личной храбрости Наполеона и о страшной опа-

если-бы союзные вожди сумѣли воспользоваться этимъ моментомъ страшнаго смущенія, но моментъ былъ опущенъ и на этотъ разъ. Никто не преслѣдовалъ бѣглецовъ и Наполеонъ успѣлъ вновь привести въ порядокъ свою разбитую конницу. При наступленіи темноты, французы произвели даже новую атаку на союзныя войска, расположенныя позади Грандъ-Торси; но русская гренадерская бригада, поддержанная кавалеріею, побѣдоносно отразила эту послѣднюю попытку непріятеля.

Наступила ночь. Несмотря на блестящія кавалерійскія атаки, въ средѣ союзныхъ вождей господствовало подавленное настроеніе. Неслыханное упорство и смѣлость, обнаруженная непріателемъ, его частныя успѣхи въ центрѣ, невольно наводили на мысль, что Наполеонъ рассчитываетъ вѣроятно на скорое прибытіе сильныхъ подкрѣпленій, а извѣстія, полученныя отъ партизановъ и разъѣздовъ, о появленіи сильныхъ непріятельскихъ отрядовъ на правомъ флангѣ союзной арміи вызвали съ новою силой опасенія за собственныя сообщенія. При такихъ условіяхъ многіе изъ союзныхъ генераловъ считали самымъ благоразумнымъ не возобновлять сраженія и отвести, какъ можно скорѣе, всю армію въ оборонительную позицію при Траннѣ. Князь Шварценбергъ не согласился, однако-же, на этотъ разъ съ сторонниками отступленія. Поддерживаемый Толлемъ, Дибичемъ и Радецкимъ, онъ рѣшился оставаться на позиціи у Арсиса. Но само собою понятно, что теперь не было уже и рѣчи объ атакѣ непріятеля. Фельдмаршалъ рѣшилъ держаться строго оборонительной системы, выжидать дальнѣйшихъ дѣйствій непріятеля и предоставить инициативу Наполеону.

Совершенно иное настроеніе господствовало въ французскомъ станѣ. Въ теченіи ночи къ Наполеону подошли значительныя подкрѣпленія и силы его почти удвоились. Рѣши-

спости, грозившей ему. Историкъ объективный замѣтитъ, что и въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Наполеонъ исполнялъ лишь долгъ полководца, останавливая съ шпагою въ рукѣ своихъ бѣгущихъ солдатъ.—Фраза Фена: *La mort ne veut pas de lui*, едва-ли тутъ у мѣста. Фенъ *Manuscrit de l'annee 1814*, стр. 191.

мость и самонадѣянность императора не были поколеблены нисколько событіями минувшаго дня. По прежнему, онъ былъ твердо убѣжденъ, что Шварценбергъ отступаетъ передъ нимъ, что въ теченіи ночи онъ навѣрно очиститъ свои позиціи. Рано утромъ Наполеонъ отправился самъ на рекогносцировку, но вопреки своему обычаю произвелъ ее крайне поверхностно и небрежно. Онъ не потрудился даже вѣхаться на небольшую цѣпь холмовъ, отдѣлявшую его позиціи отъ союзныхъ, и замѣтивъ лишь небольшіе непріятельскіе отряды, возвратился въ свой лагерь, окончательно убѣжденный, что Шварценбергъ отступилъ въ теченіи ночи съ главными массами своей арміи. Ней и Себастиани осмѣлились еще разъ предостеречь своего повелителя, но Наполеонъ не удостоилъ ихъ даже отвѣтомъ, и въ 10 часовъ утра вся французская армія двинулась впередъ. Впереди шла густыми колоннами конница, за нею двигалась вся пѣхота. Безъ труда оттѣснили французы союзный авангардъ подъ начальствомъ графа Палена и поднялись на возвышенности къ югу отъ Арсиса. Страшное и величественное зрѣлище открылось тутъ внезапно передъ ихъ глазами. По всему горизонту, безконечною дугою, края которой скрывались изъ виду, тянулись стройныя, сверкающія оружіемъ, прикрытыя грозными батареями, союзныя массы. Французы остановились какъ вкопанные, пораженные видомъ стотысячной арміи, превосходившей ихъ числомъ по крайней мѣрѣ вдвое. Наступили минуты, рѣдко повторяющіяся въ исторіи. „Оба вождя“, говоритъ очевидецъ, „взвѣшивали, должны или они двинуться впередъ, или ожидать атаки, или-же подать сигналъ къ отступленію. Рѣшенія этихъ часовъ должны были рѣшить судьбу міра. Провидѣніе произнесло свой приговоръ въ пользу союзнаго ополченія, прежде нежели его вожди успѣли извлечь какое либо рѣшеніе изъ лабиринта своихъ мыслей“ ¹⁾.

Раздумье Наполеона продолжалось, впрочемъ, очель не долго. Увидѣвъ громадныя непріятельскія массы, готовыя къ бою, онъ тотчасъ-же убѣдился въ невѣрности своихъ раз-

¹⁾ Плото, der Krieg in Deutschland und Frankreich III томъ, стр. 332.

счетовъ и ожиданій, и послѣ нѣкотораго колебанія рѣшилъ немедленно начать отступленіе, перевести свои войска обратно за Обу и двинуть ихъ на Витри въ обходъ праваго фланга союзниковъ. Рѣшаясь на подобный маневръ въ виду стотысячной непріятельской арміи, Наполеонъ обнаружилъ все свое пренебреженіе къ союзнымъ вождямъ. Онъ слишкомъ хорошо зналъ Шварценберга и былъ убѣжденъ, что фельдмаршалъ не отважится помѣшать его отступленію, что онъ будетъ собираться и раздумывать до тѣхъ поръ, пока французскія войска скроются у него изъ виду. И Наполеонъ не ошибся въ своихъ расчетахъ. Французы производили свои маневры на глазахъ союзнаго полководца. Съ высоты, на которой стоялъ князь Шварценбергъ со всѣмъ своимъ штабомъ, все было видно какъ на ладони. Отсюда можно было наблюдать, какъ быстро измѣнился боевой порядокъ французской арміи, какъ двинулись поспѣшно назадъ къ Арсису сначала массы пѣхоты, а затѣмъ и кавалерія. Отрядъ за отрядомъ переходили французы черезъ Обскій мостъ и взбирались затѣмъ на противоположную, береговую возвышенность ¹⁾. Все совершалось въ стройномъ порядкѣ какъ на учебномъ полѣ; все обнаруживало полнѣйшее пренебреженіе къ непріятелю. Шварценбергъ не рѣшился распорядиться своею властью. Онъ созвалъ на совѣщаніе начальниковъ отдѣльныхъ частей, хотя совѣщаться было въ сущности

¹⁾ Плото говоритъ по поводу этого отступленія Наполеона: „движеніе это казалось союзному войску обыкновеннымъ отступленіемъ непріятеля, Наполеонъ считалъ его рѣшительною стратегическою операціею; но Провидѣніе рѣшило въ эту минуту и этимъ движеніемъ судьбу міра; имъ было разрушено владычество тирана“. Чтобы понять эти слова, надо имѣть въ виду, что отступленіемъ при Арсисѣ начались тѣ маневры Наполеона, которые подали союзникамъ возможность идти безпрепятственно на Парижъ и, взятіемъ столицы Франціи, положить конецъ войнѣ, опустошавшей міръ въ теченіи цѣлой четверти вѣка: приведенное мѣсто важно для насъ и въ другомъ отношеніи. Оно показываетъ какія мысли возбуждались въ тогдашнихъ людяхъ при созерцаніи чудныхъ событій той эпохи, и какъ сознаніе руководства высшей Божественной силы само собою проникало въ умы и согрѣвало сердца. Съ этой точки зрѣнія и императоръ Александръ не представляетъ что либо исключительное; онъ былъ лишь полнымъ и сознательнымъ представителемъ того, что смутно чувствовалось и сознавалось другими. Плото, Т. III, стр. 333.

не о чемъ, а каждая напрасно потерянная минута была невознаградима. Совѣщаніе было, впрочемъ, очень коротко и рѣшено было немедленно атаковать тремя колоннами отступающаго непріятели. Прошло, однако-же, цѣлыхъ три часа, пока войска двинулись, наконецъ, впередъ, да и тутъ послѣдовала новая задержка. Съ высотъ, на которыхъ находился фельдмаршалъ, было замѣчено, что французскія колонны, перейдя черезъ Обу, повернули направо и двинулись по направленію къ Шалону, или быть можетъ Витри. Новыя опасенія пробуждались въ головѣ фельдмаршала. Непритель направляется очевидно на Бриеннь и Баръ, онъ идетъ въ обходъ праваго фланга союзниковъ, онъ угрожаетъ сообщеніямъ съ Рейномъ. Эта тревожная мысль вызвала новыя совѣщанія и новыя распоряженія. Нѣсколько союзныхъ корпусовъ получили приказъ перейти на правый берегъ Оби и занять позиціи между Донеманомъ и Доммартемомъ ¹⁾. Только войска, находившіяся подъ начальствомъ кронпринца виртембергскаго, двинуты были прямо на Арсисъ. Союзники не могли уже настигнуть главныхъ массъ непріятели. Передъ самымъ Арсисомъ они встрѣтили нѣсколько полковъ французской кавалеріи. Осыпанные картечью изъ восьмидесяти орудій, непріятельскіе всадники бѣжали въ страшномъ безпорядкѣ. За то три бригады французской пѣхоты, оставленныя Наполеономъ въ Арсисѣ съ приказаніемъ защищать городъ до ночи, оказали упорное, отчаянное сопротивленіе. Тщетно штурмовали войска кронпринца нѣсколько разъ городъ; только вечеромъ удалось, наконецъ, двумъ австрійскимъ баталіонамъ взять замокъ, находившійся вблизи моста. Опасаясь быть отрѣзанными, французы перешли черезъ мостъ и успѣли разрушить его въ глазахъ союзниковъ. Укрѣпившись на противоположномъ берегу, они продолжали безпощадно оттуда союзниковъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ. Французскія гранаты сыпались на Арсисъ; городъ, зажженный ими, пылалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Пальба прекратилась только съ наступленіемъ полной темноты. Подъ пок-

¹⁾ Беригарди т. IV, 2 полов. стр. 290.

ровомъ ночи остатки французскихъ бригадъ отступили спокойно по дорогѣ къ Витри.

Сраженіе при Арсисѣ стоило Наполеону 4500 солдатъ и нѣсколькихъ орудій. Потеря чувствительная, особенно, если принять во вниманіе, какими ограниченными силами располагалъ въ это время императоръ, какъ дорогъ былъ для него каждый баталіонъ, особенно старыхъ войскъ. Тѣмъ не менѣе Наполеонъ имѣлъ полное право благодарить свою счастливую звѣзду. Еще разъ счастье спасло его отъ неизбежной гибели; еще разъ бездѣйствіе и ослѣпленіе противника дали ему возможность поправить собственныя ошибки и ускользнуть изъ западни, въ которую попалъ онъ, благодаря своей крайней самонадѣянности. Къ несчастію для властелина Франціи, онъ не сумѣлъ извлечь надлежащей морали изъ этого эпизода. Его самоувѣренность не была поколеблена нимало; а его презрѣніе къ противнику возросло еще болѣе. Онъ началъ относиться еще легче, нежели прежде къ своимъ ошибкамъ, въ твердой увѣренности, что непріятель всегда загладитъ ихъ еще большими промахами съ своей стороны.

Наполеонъ не придавалъ въ сущности никакого значенія своей неудачѣ подъ Арсисомъ. Именно въ этотъ моментъ онъ приступилъ къ исполненію самаго рискованнаго предпріятія своей жизни. Онъ рѣшился обойти правый флангъ большой союзной арміи, зайти ей въ тылъ, отрѣзать ея сообщенія съ Германіею, усилить свою армію гарнизонами лотарингскихъ крѣпостей и тѣмъ заставить союзниковъ очистить предѣлы Франціи. Для этого предпріятія Наполеонъ рѣшился собрать всѣ свои боевыя силы. Онъ не только призвалъ къ себѣ войска Макдональда и Удино, но и отдалъ также приказъ Мармону и Мортье спѣшить на соединеніе съ нимъ. При этомъ онъ не высказывалъ ни малѣйшаго опасенія за Парижъ. Вслѣдствіе его собственныхъ распоряженій, всѣ дороги къ столицѣ Франціи открыты были союзникамъ, но Наполеонъ былъ глубоко убѣжденъ, что его непріятели никогда не посмѣютъ воспользоваться этими путями, что они потянутся вслѣдъ за нимъ и будутъ вынуждены покинуть Францію, единственно благодаря его маневрамъ.

Разсчетъ Наполеона не былъ такъ страненъ и безразсуденъ, какъ можетъ онъ показаться на первый взглядъ. Онъ основывался на довольно точномъ и вѣрномъ знаніи обстоятельствъ и характеровъ лицъ, стоявшихъ во главѣ союзной арміи. Уже позже, когда все было кончено и потеряно безвозвратно, на пути въ изгнаніе, Наполеонъ замѣтилъ на вопросъ австрійскаго генерала Коллера, что побудило его предпринять движеніе въ тылъ союзникамъ: „я пошелъ на Сентъ-Дизье лишь потому, что хорошо зналъ изъ двадцатилѣтняго опыта, въ какое великое смущеніе впадали вы каждый разъ, если я только посылалъ на ваши сообщенія нѣсколько гусаръ“ ¹⁾. Наполеонъ полагалъ, что смятеніе и страхъ въ главной квартирѣ союзниковъ достигнутъ до крайнихъ предѣловъ, когда тамъ сдѣлается извѣстнымъ, что на сообщеніяхъ ихъ съ Рейпомъ стоитъ стотысячная армія подъ его личнымъ предводительствомъ. Онъ былъ убѣжденъ, что подъ вліяніемъ этого страха Шварценбергъ попытается прежде всего обогнать его параллельнымъ, фланговымъ маршемъ и предупредить его во что-бы ни стало на берегахъ Рейна. Онъ допускалъ и другую возможность: Шварценбергъ могъ двинуться вслѣдъ за нимъ и искать съ нимъ сраженія, но онъ не допускалъ возможности, чтобы союзный главнокомандующій могъ пренебречь имъ, Наполеономъ, что, оставляя его въ тылу у себя, онъ отважится идти на столицу Франціи. „Но допустимъ на одинъ моментъ“, рассуждалъ далѣе Наполеонъ, „что Шварценбергъ остановился бы на мысли идти къ Парижу, но въ такомъ случаѣ онъ долженъ-бы былъ заручиться согласіемъ государей и главнымъ образомъ императора Франца, а на все это потребовалось бы такъ много времени, что я могъ-бы достигнуть въ тылу союзниковъ самыхъ важныхъ результатовъ и собрать такіа силы, въ виду которыхъ они никогда-бы не отважились забыть хотя на минуту о моемъ существованіи“.

Движеніе Наполеона на Марну произвело на первыхъ

¹⁾ Свидѣтельство Коллера мы находимъ впервые у Михайловскаго-Даншевскаго.

порахъ большой переполохъ и породило немало недоумѣній. Хотя союзники располагали массою превосходныхъ легкихъ войскъ, хотя въ ихъ распоряженіи были такіе искусные и отважные партизаны, какъ Сеславинъ и Теттенборнъ, однако-же, въ главной квартирѣ долгое время не имѣли точныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о направленіи, взятомъ Наполеономъ. По однимъ свѣдѣніямъ, оказывалось, что Наполеонъ направляется къ Шалону на Марнѣ, тогда какъ изъ другихъ выходило, что онъ идетъ на Витри и Сентъ-Дизье. Шварценбергъ склонялся болѣе въ пользу перваго предположенія, такъ какъ оно основывалось на донесеніи генерала Вреде, находившагося съ своимъ корпусомъ ближе другихъ къ непріятелю и написалъ даже диспозицію, по которой вся армія должна была направляться къ Шалону, когда утромъ 22 марта получено было донесеніе отъ партизана Теттенборна, бросавшее совершенно иной свѣтъ на положеніе дѣлъ. Теттенборнъ доносилъ, что ему удалось захватить въ тылу непріятельской арміи Шалонъ, что Реймсъ занятъ корпусомъ Винцингероде и что вслѣдъ за Винцингероде идетъ вся силезская армія. У Шварценберга и его совѣтниковъ какъ-бы гора свалилась съ плечъ. Они рассчитывали, что Блюхеръ долженъ занять Шалонъ въ теченіи 22 марта и полагали, что Наполеонъ, имѣя такимъ образомъ въ собственномъ тылу стогысячную силезскую армію, не рѣшится продолжать свое движеніе на сообщенія главной арміи; что, по всей вѣроятности, онъ приметъ теперь чисто оборонительное положеніе и сосредоточитъ свои войска между Обою и Марною. Соответственно этому Шварценбергъ считалъ съ своей стороны необходимымъ сблизиться какъ можно скорѣе съ силезскою арміею. Немедленно составлена была новая диспозиція, направлявшая корпуса главной арміи къ Витри и его окрестностямъ. Но и эту диспозицію постигла такая-же участь, какъ и предшествующую. Едва только была она написана и разслана по войскамъ, какъ пришли съ разныхъ сторонъ противорѣчивыя извѣстія, окончательно сбившія съ толку Шварценберга. Не въ одной только главной квартирѣ союзниковъ, но и во всѣхъ ихъ отдѣльныхъ корпусахъ творились

въ этотъ моментъ какія-то непостижимыя вещи. Одни генералы постоянно увѣдомляли, что Наполеонъ идетъ по дорогѣ къ Витри, тогда какъ другіе упорно доносили, что непріятель движется на Шалонъ; и всѣ эти увѣдомленія и донесенія составлялись и посылались въ то самое время, когда непріятельскія силы, двигаясь мимо Витри на Сентъ-Дизье, проходили, такъ сказать, подъ самымъ носомъ у союзниковъ. Съ своей стороны, князь Шварценбергъ, получая то и дѣло извѣстія совершенно противоположныя одно другому, прибѣгъ, наконецъ, къ уловкѣ, вполне достойной мудрости мудрѣйшихъ изъ членовъ гофкригсрата. Онъ приказалъ составить три различныя диспозиціи, изъ которыхъ одна была построена на предположеніи, что непріятель идетъ къ Шалону, другая основывалась на предполагаемомъ движеніи противника къ Витри и Сентъ-Дизье, тогда какъ третья обуславливалась направлениемъ Наполеона на Монмираль. Всѣ три диспозиціи предписывали, разумѣется, совершенно различныя движенія и маневры, всѣ три были разосланы по войскамъ, и, что всего характернѣе, рѣшеніе, какая изъ нихъ должна быть исполнена, было предоставлено генералу Вреде, какъ ближайшему къ непріятелю ¹⁾).

Между тѣмъ Наполеонъ давно уже миновалъ съ своими главными силами Витри и приближался къ Сентъ-Дизье. Макдональдъ слѣдовалъ съ своимъ корпусомъ непосредственно за императоромъ. Французы проходили совершенно безнаказанно въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ союзныхъ массъ. Только одинъ артиллерійскій паркъ, состоявшій изъ 27 пушекъ, случайно отставшій отъ Макдональда и слѣдовавшій безъ всякаго прикрытія, былъ захваченъ у Соммепюи гвардейскою кавалеріею Ожаровскаго. Этотъ случай, самъ по себѣ не важный, долженъ былъ, повидимому, открыть, наконецъ, глаза Шварценбергу и его штабу на счетъ настоящаго направленія непріятеля. И дѣйствительно, фельдмаршалъ не сомнѣвался уже теперь болѣе, онъ долженъ былъ убѣдиться, что Наполеонъ идетъ не на Ша-

¹⁾ Подробности объ этихъ, почти невѣроятныхъ фактахъ, см. у Беригарди т. IV, 2-я пол. стр. 295—300.

лонь, а на Сентъ-Дизье, но результатомъ этого убѣжденія были лишь новыя совѣщанія и новая диспозиція, имѣвшая въ виду сосредоточить всю армію близъ Витри. Диспозиціи писались и перемѣнялись, однако-же, въ послѣднее время такъ часто, что начальники отдѣльныхъ частей давно уже перестали заботиться объ ихъ исполненіи и руководились при всѣхъ передвиженіяхъ лишь собственными соображеніями. Такъ случилось и теперь. Никто не думалъ слѣдовать указаніямъ, полученнымъ изъ главной квартиры и вечеромъ 23 марта корпуса главной арміи очутились въ такихъ пунктахъ, о которыхъ не упоминалось ни въ послѣдней, ни въ предшествующихъ диспозиціяхъ Шварценберга. Казалось, что какая-то невидимая сила управляла событіями и влекла вождей и ихъ воиновъ именно въ тѣ пункты, куда должны они были прибыть, дабы совершилось, наконецъ, то, что рѣшено было свыше. Шварценбергъ хотѣлъ стянуть всѣ войска въ окрестностяхъ Витри, но вопреки его предписаніямъ; отряды, бывшіе подъ начальствомъ Вреде, кронпринца виртембергскаго, Раевскаго и Гюлая, продвинулись по направленію къ Кордеманжу, Соммепюи и Мальи. Совершенно неожиданно столкнулись они тутъ повсемѣстно съ передовыми войсками Блюхера. Соммепюи и Витри были уже заняты массами конницы силезской арміи; вслѣдъ за нею въ небольшомъ разстояніи шли главныя силы Блюхера. Обѣ союзныя арміи соединились, такимъ образомъ, внезапно и притомъ гораздо ранѣе, нежели рассчитывали и надѣялись ихъ вожди.

Бездѣйствіе силезской арміи, наступившее послѣ лаонскаго сраженія, окончилось съ того момента, когда старый Блюхеръ почувствовалъ облегченіе отъ своего тяжкаго недуга. Правда фельдмаршалъ былъ все еще очень слабъ и не въ состояніи былъ сѣсть на коня, но прежняя бодрость духа вернулась къ нему вновь; онъ могъ показаться передъ войсками, онъ могъ распорядиться, онъ могъ двигаться вмѣстѣ съ арміею, сидя въ своей коляскѣ ¹⁾. Убѣдившись,

¹⁾ Блюхеръ страдалъ еще въ это время сильно глазами и для защиты отъ солнца придумалъ носить дамскую шляпу съ широкими полями, обшитую шелковою зеленою матеріею. С. Blasendorf. Blücher, стр. 284.

что Наполеонъ совершенно оставилъ въ покоѣ силезскую армію и двинулся противъ Шварценберга, Блюхеръ рѣшилъ идти вслѣдъ за непріателемъ и ударить ему въ тылъ и во флангъ. 18 марта двинулись впередъ отряды силезской арміи и уже вечеромъ того-же дня войска Йорка и Клейста достигли Бери-о-бака, между тѣмъ какъ корпуса Сакена, Ланжерона и Воронцова дошли до окрестностей Корбени. Что же касается до Бюлова, то онъ былъ отряженъ въ сторону для занятія Суассона и Компьени.

19 марта войска Блюхера обошли маршала Мармона у Бери-о-бака и принудили его отступить послѣдно къ Фиму, гдѣ онъ соединился съ отрядомъ маршала Мортъе. Въ тотъ-же день Винцингероде подступилъ къ Реймсу и послѣ незначительной схватки съ непріателемъ занялъ этотъ городъ ¹⁾. Между тѣмъ Мармонъ получилъ въ Фимѣ приказаніе Наполеона слѣпить на соединеніе съ нимъ, но такъ какъ прямыя дороги на Реймсъ и Эперне были уже заняты союзниками, то Мармонъ и бывший съ нимъ Мортъе рѣшились идти обходнымъ путемъ на Шато-Тьері. Не встрѣчая въ этомъ направленіи непріателя, они благополучно достигли утромъ 23 числа Вертю и Бержера, но отсюда было еще далеко до соединенія съ Наполеономъ. Съ своей стороны, колонны силезской арміи, подвигаясь непрерывно впередъ, достигли въ теченіи этого-же дня своими передовыми отрядами Ульши и Шато-Тьері, тогда какъ Винцингероде дошелъ своею конницею до Эперне, Воронцовъ до Реймса, а Ланжеронъ и Сакенъ до Фима и Брена.

Направленіе, взятое Мармономъ, навело Блюхера на мысль, что Наполеонъ хочетъ соединить всю свою армію на Обѣ и нанести рѣшительный ударъ Шварценбергу. Исходя отъ такой мысли, фельдмаршалъ рѣшилъ съ своей стороны послѣпить также на Обу и ударить всѣми силами въ тылъ французскому императору. Съ этой цѣлью онъ предполагалъ направить три своихъ русскихъ корпуса черезъ Ша-

¹⁾ Подробности взятія Реймса см. въ запискахъ Лифляндца, т. II, стр. 224 и слѣдующія.

лонъ и Эперне на Арсисъ, а войска Гюрка и Клейста двинулись черезъ Шато-Тьеры и Монмираль по пятамъ Мармона ¹⁾. Уже сдѣланы были всѣ распоряженія въ этомъ смыслѣ, когда казаки Теттенборна доставили въ главную квартиру пойманнаго ими на дорогѣ французскаго курьера. Курьеръ везъ собственноручное письмо Наполеона къ императрицѣ Маріи-Луизѣ, разоблачавшее всѣ намѣренія и планы непріятельскаго вождя.

Наполеонъ увѣдомлялъ прежде всего свою супругу о сраженіи при Арсисѣ, при чемъ, по обыкновенію, извращалъ факты, приписывалъ побѣду себѣ и говорилъ о четырехъ орудіяхъ, взятыхъ имъ у непріятеля, тогда какъ въ дѣйствительности орудія эти отбиты были у него союзниками. Далѣе Наполеонъ сообщалъ, что 21 числа армія Шварценберга стала въ боевой порядокъ, чтобы прикрыть свое отступление къ Бріенни и Баръ-на-Обѣ. „Я-же рѣшился идти на Марну, дабы отбросить ихъ подальше отъ Парижа и приблизиться къ моимъ крѣпостямъ. Сегодня вечеромъ я буду въ С. Дизье“ ²⁾.

Великая загадка была раскрыта. Найденъ былъ ключъ, разъяснявшій всѣ непонятные доселѣ маневры непріятеля! Блюхеръ приказалъ снять копію съ императорскаго посланія, а оригиналъ препроводилъ черезъ парламентаря въ Парижъ. Въ собственноручной припискѣ онъ увѣдомлялъ Марію Луизу, что готовъ и впредь препровождать ей аккуратно письма ея супруга, отрѣзаннаго теперь отъ нея союз-

¹⁾ См. Беригарди, т. IV, 2 пол. стр. 301.

²⁾ Провидѣніе осудило Наполеона на гибель. Изъ записокъ Савари мы узнаемъ, что императоръ очень часто присылалъ письма своей супругѣ во время этого похода, но писалъ ихъ всегда не иначе, какъ шифромъ. Только, этотъ единственный разъ, по торопливости-ли или по забывчивости, онъ отступилъ отъ строго принятаго имъ правила и написалъ письмо простымъ шрифтомъ. Сама Марія Луиза сказала по этому поводу: „Императоръ писалъ мнѣ всегда шифромъ, и всѣ его шифрованныя письма доходили благополучно; только это письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ мнѣ о своемъ планѣ, не было шифровано, и именно оно попало въ руки непріятеля. Это что-то фатальное, крайне тревожащее меня!“ Текстъ письма не помѣщенъ въ Correspondance; по словамъ Савари, оно оканчивалось такою фразою: „Этотъ маневръ или спасетъ, или погубитъ меня“. Memoires de duc de Rowigo, т. VI, стр. 374—377.

ными арміями ¹⁾. Но спрашивается какое-же впечатлѣніе произвело письмо Наполеона и какія мѣры вызвало разоблаченіе его намѣреній съ одной стороны въ главной квартирѣ силезской арміи, а съ другой—въ большой союзной арміи, куда немедленно была отправлена копія письма. Какъ и слѣдовало ожидать, впечатлѣніе и рѣшенія были здѣсь и тамъ совершенно различны.

Блюхеръ не колебался ни минуты въ своихъ намѣреніяхъ. Онъ понялъ, что маневръ Наполеона былъ дѣломъ отчаянія, что непріятель находится при послѣднемъ издыханіи, что теперь наступилъ моментъ нанести ему смертельный ударъ. Не теряя ни минуты времени, Блюхеръ рѣшилъ идти по пятамъ непріятеля и принудить его къ рѣшительному бою. Исходъ этого боя не могъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Блюхеръ имѣлъ уже свѣдѣнія, что его передовыя войска сошлись съ войсками главной арміи, а съ другой стороны онъ имѣлъ полное право предполагать, что Мармонъ и Мортъе не успѣютъ уже соединиться съ главными силами непріятеля, такъ какъ между ними и Наполеономъ находились теперь обѣ союзныя арміи ²⁾.

И такъ, императоръ французовъ, уступавшій и безъ того уже въ численности своимъ врагамъ, не могъ располагать теперь всѣми своими наличными силами, тогда какъ союзники могли сосредоточить всѣ свои подавляющія массы. Таковъ былъ неожиданный результатъ послѣднихъ геніальныхъ маневровъ Наполеона, колебаній и медленности союзныхъ вождей. Результатъ по-истинѣ изумительный, странный и непонятный, если онъ былъ только дѣломъ одного случая, если въ немъ не сказалось еще разъ руководство Высшей Божественной мудрости!

Письмо Наполеона подѣйствовало на главную квартиру большой союзной арміи какъ внезапный, громовой ударъ.

¹⁾ Блюхеръ, какъ настоящій кавалеръ, писалъ, между прочимъ, императрицѣ слѣдующее. „Il lui ex primait combien il s'estimait heureux que cette circonstance lui eut fourni l'occasion de mettre à ses pieds l'hommage de son profond respect etc. См. Memoires du duc de Rowigo. T. VI, стр. 375.

²⁾ О рѣшеніяхъ Блюхера см. Беригарди, т. IV, 2 пол. стр. 304.

И такъ, совершилось и совершилось безповоротнo то, предъ чѣмъ трепетали такъ съ самаго начала кампаніи Шварценбергъ и его ученые стратеги. Наполеонъ стоялъ со всею своею арміею на сообщеніяхъ союзниковъ. Онъ занималъ пути къ Вогезамъ и Рейну, онъ отрѣзывалъ союзниковъ отъ лангрскаго плато, этого вѣрнаго убѣжища во всѣхъ бѣдахъ. Что можно было предпринять противъ такого страшнаго несчастія? Отвѣтъ на это долженъ былъ дать военный совѣтъ, послѣшно созванный въ три часа ночи въ Пужи, въ квартирѣ императора Александра.

Настроеніе собравшихся было самое тревожное. Да это и неудивительно! За исключеніемъ императора Александра и короля прусскаго, на совѣтѣ присутствовали почти что одни австрійскіе генералы. Шварценбергъ и его совѣтники задавали тонъ и вѣкому было противорѣчить имъ. Не было ни Барклая, ни Толля, ни Дибича, ни Кнезебека, ни одного изъ тѣхъ лицъ, которые могли посмотрѣть на положеніе дѣлъ съ своей точки зрѣнія. Шварценбергъ началъ совѣщаніе указаніемъ на въ высшей степени опасное значеніе маневра Наполеона. Положеніе союзниковъ было теперь, по его мнѣнію, крайне затруднительное, почти критическое. Прежде всего, говорилъ онъ, слѣдуетъ попытаться возстановить потерянные сообщенія, а для этого необходимо двинуться форсированными маршами по параллельной линіи съ непріателемъ на Вандевръ, Баръ на Сенъ и Шатильонъ. Но возникаетъ вопросъ, добавилъ Шварценбергъ, есть-ли какая нибудь надежда на успѣхъ подобнаго маневра и можно-ли еще обогнать непріателя? Задавая подобный вопросъ, фельдмаршалъ напередъ былъ убѣжденъ, что отвѣтъ на него можетъ быть лишь отрицательный; тѣмъ не менѣе онъ настаивалъ на его серьезномъ разсмотрѣніи и военный совѣтъ послѣдовалъ его приглашенію. Начали взвѣшивать всѣ шансы и возможности, считать и измѣрять переходы; но чѣмъ больше взвѣшивали и соображали, считали и мѣряли, тѣмъ несомнѣннѣе становилось, что нѣтъ уже ни малѣйшей возможности обогнать непріателя, что достигнуть береговъ Рейна можно лишь съ величайшими жертвами и потерями, что по

пути придется бороться не съ однимъ непріателемъ, а и съ озлобленнымъ населеніемъ, что арміи грозитъ при этомъ полнѣйшая деморализація. Волею или неволею, приходилось отказаться отъ этого плана и остановиться на другой мысли. Надлежало двинуться вслѣдъ за непріателемъ, оперировать въ тылу его и флангѣ и принудить его къ рѣшительному сраженію. Правда, подобный планъ дѣйствій казался Шварценбергу и его совѣтникамъ въ высшей степени рискованнымъ и опаснымъ; правда, они не ожидали отъ него никакихъ рѣшительныхъ послѣдствій, но дѣлать было нечего, не оставалось никакого иного исхода; только этимъ отчаяннымъ средствомъ можно было рассчитывать возстановить потерянные сообщенія ¹⁾).

Рѣшено было приступить къ исполненію „отважнаго маневра“ съ наивозможною быстротою. Предполагалось двинуть армію на Шалонъ, попытаться взять силою этотъ городъ, или-же, если это окажется невозможнымъ, переправиться черезъ Марну въ другомъ мѣстѣ. Приняты были въ то же время всѣ мѣры къ спасенію обозовъ, двигавшихся по прежней линіи сообщенія, а императору Францу посланъ былъ благоразумный совѣтъ уѣхать, какъ можно скорѣе, подальше на югъ, въ безопасный Дижонъ. Принимая всѣ эти мѣры, Шварценбергъ очевидно дѣйствовалъ второпяхъ, подъ влияніемъ страха, не принимая во вниманіе дѣйствительнаго положенія дѣлъ. Движеніе на Шалонъ было во всѣхъ отношеніяхъ большою ошибкою. Оно должно было удалить главную армію союзниковъ на цѣлый большой пе-

¹⁾ Шварценбергъ увѣдомилъ о рѣшеніяхъ военнаго совѣта особымъ письмомъ императора Франца. Взглядъ князя на положеніе дѣлъ высказывается въ этомъ письмѣ самымъ опредѣленнымъ образомъ. Маневръ Наполеона кажется ему въ высшей степени смѣлымъ, а собственное положеніе крайне затруднительнымъ и опаснымъ. Всѣ преимущества на сторонѣ непріателя; на его сторонѣ лишь одно, превосходство числа. Шварценбергъ намѣренъ дать сраженіе, но лишь потому, что нѣтъ иного исхода. Его утѣшаетъ лишь одно обстоятельство. Оба союзные государя, находящіеся въ его главной квартирѣ, вполнѣ раздѣляютъ его мнѣніе, они одобряютъ его рискованное намѣреніе, какъ единственно возможное. См. анализъ письма Шварценберга у Бернгарди, т. IV, 2 половина, стр. 307—308.

реходъ отъ непріятели, оно находилось, слѣдовательно, въ прямомъ противорѣчїи съ основною идеею плана. Къ тому-же Шварценбергъ долженъ былъ, повидимому, знать, что Шалонъ или уже занятъ силезскою арміею, или-же будетъ занятъ ею въ самомъ непродолжительномъ времени.

Къ счастью, для союзниковъ, диспозицію князя Шварценберга постигла такая-же участь, какъ и всѣ предшествующія его распоряженія. По странному стеченію обстоятельствъ, ни одинъ изъ начальниковъ отрядовъ не счелъ нужнымъ исполнить настоятельное предписаніе фельдмаршала. Настало утро 24 марта, а войска оставались на прежнихъ мѣстахъ, ночное движеніе къ Шалону не было даже начато¹⁾. Между тѣмъ отовсюду приходили самыя важныя и неожиданныя извѣстія. Въ Дампьерѣ, куда перенесена была главная квартира, сдѣлалось, наконецъ, извѣстнымъ, что силезская армія не только заняла Шалонъ, но и соединилась съ главною арміею. Отъ Ожаровскаго, перехватившаго непріятельскаго курьера, получено было извѣстіе, что Веллингтонъ подвигается побѣдоносно впередъ на югъ Франціи, и что войска его заняли уже Бордо. Но самыя важныя вѣсти пришли отъ Теттенборна. Этотъ смѣлый партизанъ успѣлъ перехватить трехъ непріятельскихъ курьеровъ, направлявшихся изъ Парижа къ Наполеону и препроводилъ теперь всю корреспонденцію, найденную при нихъ, въ главную квартиру. Корреспонденція была самого разнообразнаго и въ высшей степени важнаго свойства. Тутъ были письма брата Наполеонова, Іосифа Бонапарте, министра полиціи, Савари, многихъ другихъ высокопоставленныхъ лицъ, тутъ были и частныя письма къ генераламъ и офицерамъ французской арміи. Всѣ письма какъ оффиціальныя, такъ и частныя, рисовали положеніе дѣлъ въ Парижѣ и всей Франціи въ самомъ безотрадномъ, отчаянномъ видѣ, они бросали также самый невыгодный свѣтъ на состояніе и настроеніе французской

¹⁾ По мнѣнію Беригарди, диспозиція не была исполнена, вѣроятно, потому, что получена была по войскамъ слишкомъ поздно Беригарди, т. IV, 2 полов. стр. 309.

арміи. Повсюду господствовали полнѣйшая дезорганизація, страшный безпорядокъ, глубокой упадокъ духа. Средства непріятели были совершенно истощены; его кассы, цейхгаузы и арсеналы были пусты. Не хватало предметовъ для обмундированія войскъ, истощились запасы пороха и оружія. Все вопило о мирѣ, все требовало прекращенія войны. Негодование и ропотъ на тяжелый гнетъ императорскаго правленія распространились по всей странѣ. Броженіе умовъ въ Парижѣ достигло высшей степени. Партія, враждебная правительству, агитировала самымъ сильнѣйшимъ образомъ. Сторонники Бурбоновъ и старые якобинцы не скрывали своей радости по поводу близкаго и неизбѣжнаго паденія императора. Савари въ письмѣ своемъ къ Наполеону прямо заявлялъ, что онъ не ручается за сохраненіе порядка въ Парижѣ, если только театръ военныхъ дѣйствій не будетъ перенесенъ какъ можно дальше отъ столицы ¹⁾.

Велико и радостно было впечатлѣніе, произведенное въ главной квартирѣ союзниковъ всѣми этими новостями. Даже на Шварценберга онѣ произвели возбуждающее, ободряющее дѣйствіе. Онъ отказался теперь отъ безполезнаго и безцѣльнаго движенія къ Шалону. Составлена была новая диспозиція, совершенно измѣнявшая направленіе арміи. Всѣмъ корпусамъ предписано было немедленно переправиться черезъ Марну и идти на Витри въ тылъ Наполеону. Винцингероде съ своею многочисленною кавалеріею получилъ приказаніе двинуться между Марною и Обою, вверхъ по теченію этихъ рѣкъ и направиться, смотря по обстоятельствамъ, или на Витри, или на Сентъ-Дизье. Приняты были мѣры, чтобы диспозиція была исполнена на этотъ разъ въ точности и безотлагательно. Самъ фельдмаршалъ поспѣшилъ къ войскамъ, дабы лично руководить движеніями. Король прусскій отправился также на передовыя позиціи.

Императоръ Александръ не послѣдовалъ за ними. Онъ остался на своей квартирѣ, въ Соммпеюи, погруженный въ глубокія, тяжелыя размышленія. Событія послѣднихъ дней, эти

¹⁾ См. Бернгарди, т. IV, 2 полов. стр. 310.

вѣчныя колебанія, эти постоянныя перемѣны, эти неожиданныя переходы отъ тревогъ и опасеній къ новымъ обманчивымъ надеждамъ, окончательно разстроили нервы императора. Онъ сдѣлался раздражительнымъ, вспыльчивымъ, нетерпѣливымъ. Малѣйшее противорѣчіе выводило его изъ себя. Его приближенные жаловались, что онъ сталъ неузнаваемъ, что они дрожатъ ежеминутно отъ его гнѣва, что имъ приходится жить „какъ на каторгѣ“¹⁾. Императоръ былъ крайне недоволенъ всѣмъ ходомъ дѣлъ, но онъ сознавалъ въ то же время свое собственное безсиліе помочь этому горю. Въ его головѣ являлись то и дѣло новыя, смѣлыя комбинаціи, но онъ не отваживался навязывать ихъ другимъ; а тѣмъ болѣе настаивать на ихъ исполненіи. На всѣхъ послѣднихъ совѣщаніяхъ онъ велъ себя сдержанно и пассивно. Онъ не высказывалъ своего мнѣнія, онъ не протестовалъ противъ рѣшенія большинства, но онъ сознавалъ въ то же время ясно, что все это было не то, чего требовали обстоятельства и настоятельная необходимость. Такъ было и на послѣднихъ совѣщаніяхъ въ Пуэи, Дампьерѣ и Соммпеюи. Императоръ впадалъ послѣ всѣхъ этихъ совѣщаній въ глубокое раздумье. Оставленный наединѣ съ своими мыслями, онъ яснѣе и отчетливѣе понималъ положеніе дѣлъ и приходилъ нерѣдко къ выводамъ, діаметрально противорѣчившимъ постановленіямъ военнаго совѣта. Рѣшеніе, постановленное въ Соммпеюи, идти по пятамъ Наполеона и принудить его къ битвѣ, казалось Шварценбергу верхомъ героической рѣшимости; Александръ смотрѣлъ какъ на исходъ, представлявшійся въ данный моментъ единственно возможнымъ, но въ концѣ-концовъ невѣрный и сомнительный. Кто могъ поручиться, что Наполеонъ не сумѣетъ побѣдить своихъ противниковъ смѣлыми и геніальными маневрами; кто могъ сомнѣваться, что онъ избѣгнетъ во всякомъ случаѣ грозящаго ему удара и достигнетъ въ то-же время своей главной цѣли, отвлечетъ союзниковъ отъ Париза, заставитъ ихъ перенести войну на

¹⁾ Такъ выражался, между прочимъ, князь Волконскій въ своемъ письмѣ къ К. Ф. Толлю. См. Бернгарди, т. IV, 2 полов. стр. 247.

границы Франціи. Такъ разсуждалъ Александръ и вдругъ внезапная, свѣтлая мысль озарила его подобно молніи. Необходимо оставить безъ вниманія Наполеона и идти всѣми силами на Парижъ. Слѣдуетъ воспользоваться великою ошибкою Наполеона и не позволить ему пренебрегать союзниками безнаказанно. Парижъ не въ состояніи продержаться и дня противъ подавляющихъ силъ союзниковъ; онъ долженъ пасть черезъ нѣсколько часовъ послѣ ихъ появленія на высотахъ Монмартра. А съ паденіемъ Парижа должно рушиться и господство Наполеона, должна прекратиться самая война, завершиться кругъ тѣхъ ужасныхъ, потрясающихъ событій, которыя покрывали въ теченіи цѣлой четверти вѣка весь цивилизованный міръ развалинами и кровью ¹⁾).

Александръ остановился на столь внезапно представившейся ему мысли, онъ обдумывалъ и, взвѣсивая ее со всѣхъ

¹⁾ Кому принадлежитъ мысль идти на Парижъ, послать вслѣдъ за Наполеономъ лишь небольшой отрядъ, — вотъ вопросъ, который и по сію пору остается не вполне разъясненнымъ. Два извѣстныхъ австрійскихъ писателя Ф. Прокенсъ-Остенъ и Тилень приписываютъ эту мысль Шварценбергу, но ужь Бернгарди совершенно доказалъ всю неосновательность такого мнѣнія (См. Бернгарди, т. IV, 2-я полов. стр. 311—312). Михайловскій-Данилевскій въ своемъ сочиненіи о войнѣ 1814 г. утверждалъ, что князь Волконскій былъ первый предложившій государю идти прямо на Парижъ. Бернгарди опровергаетъ и это мнѣніе, ссылаясь на хорошо извѣстный характеръ и образъ дѣйствій князя; да и самъ Михайловскій-Данилевскій отрекся впоследствии отъ своего мнѣнія и приписалъ идею движенія на Парижъ К. Ф. Толлю (См. краткія замѣтки его о Толлѣ на французскомъ языкѣ, помѣщенныя между прочимъ и въ приложеніяхъ къ 4-му тому достопамятностей Толля. Бернгарди стр. 426—429), ссылаясь при этомъ на свидѣтельство самого императора Александра. И дѣйствительно, подлинныя записки Толля, бывшія въ распоряженіи Бернгарди, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что на военномъ совѣтѣ въ Сомменю только одинъ Толль совѣтовалъ идти на Парижъ, тогда какъ другіе генералы или молчали, какъ князь Волконскій, или предлагали совершенно иныя мѣры, какъ Барклай и Дибичъ. Но принимая во вниманіе показанія Толля, подкрѣпленныя авторитетомъ самого Александра, историкъ не въ состояніи, однако-же, объяснить одного чрезвычайно важнаго момента. Уже самая постановка вопроса императоромъ Александромъ на совѣтѣ въ Сомменю, и то горячее сочувствіе, съ которымъ отнесся государь къ предложенію Толля, показываетъ, что мысль о движеніи на Парижъ родилась въ умѣ Александра еще до совѣта, или-же что она внушена была ему заранѣе кѣмъ-то другимъ, помимо Толля. Такъ полагаютъ и Бернгарди, но не рѣшаясь приписать этой мысли самому Александру,

сторонѣ, припомнилъ, что въ сущности эта мысль была вовсе не нова, что на ней настаивали съ самаго начала кампаніи лучшіе вожди союзной арміи такія лица, какъ: Толль, Дибичъ, Блюхеръ, Гнейзенау. Но чѣмъ болѣе убѣждался императоръ въ справедливости этой мысли, тѣмъ сильнѣе становилась его нерѣшительность. Ему вдругъ представлялось, что въ данный моментъ эта мысль можетъ быть не вполне осуществима, что она встрѣтитъ сильную оппозицію со стороны опытныхъ и осторожныхъ полководцевъ, что она вызоветъ разногласіе въ ихъ средѣ и поведетъ лишь къ новымъ колебаніямъ и остановкамъ. И императоръ не находилъ возможнымъ высказываться, а тѣмъ болѣе настаивать на своемъ мнѣніи. А между тѣмъ, минуты и часы уходили; Шварценбергъ уѣхалъ уже давно; движеніе войскъ къ Витри и Сентъ-Дизье вѣроятно уже началось. Надо было на что-нибудь рѣшиться, а между тѣмъ рѣшеніе это было такъ

онъ теряетъ въ догадкахъ на счетъ ея дѣйствительнаго инициатора и замѣчаетъ, что можетъ быть имъ былъ никто иной какъ извѣстный Поццо-ди-Борго.

Въ настоящее время мы располагаемъ новымъ источникомъ для разрѣшенія этого столь важнаго вопроса. Записки Бартенева, напечатанныя въ недавнее время въ Русскомъ Архивѣ, проливаютъ совершенно новый свѣтъ на событія, предшествовавшія походу на Парижъ и убѣждаютъ насъ, что идея движенія на столицу Франціи принадлежитъ всецѣло императору Александру. Правда, записки Бартенева возбуждаютъ, на первый взглядъ, большія сомнѣнія на счетъ достовѣрности своихъ показаній. Весь рассказъ, записанный по памяти со словъ князя А. Н. Голицына, страдаетъ крайнею неточностью, онъ не указываетъ даже точно ни времени, ни мѣста совѣщанія, онъ смѣшиваетъ два совершенно отдѣльныхъ событія, совѣтъ на квартирѣ государя въ Соммепюи и совѣтъ на полѣ; но всѣ эти неточности и ошибки утратятъ въ глазахъ нашихъ всякое значеніе, если мы обратимъ вниманіе на весь характеръ и тонъ рассказа. А. Н. Голицынъ, или лучше сказать самъ императоръ Александръ уясняетъ не внѣшнія событія, а лишь происхожденіе идеи движенія на Парижъ, т. е. именно тотъ самый темный пунктъ, на которомъ остановился Бернгарди. Въ нашемъ изложеніи мы пользуемся лишь тою несомнѣнно вѣрною частью рассказа, гдѣ Александръ говоритъ о своей внутренней борьбѣ и о ея результатѣ, причемъ оказывается, что часть эта не только не противорѣчитъ свидѣтельству Толля, но и легко можетъ быть согласована съ нимъ. Въ высшей степени замѣчательно, что источникъ нашъ вполне подтверждаетъ то, что сказано было о выдумкѣ Михайловскаго-Даннлевскаго Бернгарди. „Модные или такъ называемые пере-хваленные рассказы о сплхъ важныхъ происшествіяхъ часто весьма далеки бываютъ отъ истины тамъ, гдѣ хотятъ догадываться о намѣреніяхъ и причинахъ.

безконечно тяжело. И Александръ вновь почувствовалъ въ эту минуту все свое ничтожество и безсиліе предъ Тѣмъ, на Кого возлагалъ онъ всѣ свои упованія въ тяжелые моменты испытаній. Онъ вспомнилъ свою внутреннюю борьбу, свои сверхчеловѣческія страданія въ тѣ дни, когда столица его царства была въ рукахъ непріятеля; онъ вспомнилъ откуда, изъ какого источника вытекла тогда его геройская рѣшимость, изумившая весь міръ. Вѣяніе высшей силы, влившей тогда въ его душу спокойствіе, міръ и непоколебимую твердость, вновь овладѣло имъ. „Въ глубинѣ сердца его зародилось какое-то смутное и неясное чувство ожиданія, какое-то непреоборимое желаніе предать это дѣло въ волю Божию. Ему захотѣлось молиться и излить передъ Господомъ тяжкія обуреванія и колебанія его духа. Онъ поспѣшилъ въ отдѣльную комнату, гдѣ привыкъ онъ молиться вдали отъ взоровъ всѣхъ; тамъ колѣна его подогнулись са-

Вотъ теперь появилось знаменитое описаніе кампаніи 1812 г. (?) изданное въ свѣтъ сенаторомъ Михайловскимъ-Данилевскимъ; читалъ-ли ты его или нѣтъ? Если не читалъ, то вообрази, что тамъ написано между прочимъ, будто-бы рѣшимость Александра брать, или не брать Парижъ, произошла отъ сдѣланнаго ему впушенія княземъ Волконскимъ. Между тѣмъ, какъ блаженной памяти Государь самъ мнѣ лично передалъ то, что я именно теперь тебѣ пересказываю. Я не вытерплю, продолжалъ князь, чтобы при удобномъ случаѣ не передать этого Императору Николаю Павловичу, какъ о самой вопіющей, если неумышленной неправдѣ. Тѣмъ страннѣе, что Волконскій, безъ сомнѣнія, прочитавшій книгу, промолчалъ; а это со стороны его можно приять знакомъ согласія. Нѣтъ уже нашего Александра, чтобы обличить его, но я, однако-жъ, сомнѣваюсь, чтобы и отъявленное смиреніе христіанѣйшаго государя потерпѣло усвоить Волконскому то, что внушено ему было Самимъ Господомъ и добльственнымъ сердцемъ его, умѣвшимъ выполнять съ вѣрою и вѣрностью“.

Приведенный отрывокъ важенъ и въ другомъ отношеніи: онъ подтверждаетъ какъ нельзя болѣе наше общее мнѣніе о характерѣ разсказовъ Бартенева. И въ немъ можно найти неточности (напр. сочиненіе Михайловскаго-Данилевскаго названо исторіею кампаніи 1812 года); но кто-же, знакомый хотя сколько нибудь съ внутреннимъ содержаніемъ эпохи, съ характеромъ и образомъ мыслей дѣйствующихъ лицъ, станетъ сомнѣваться, что здѣсь мы имѣемъ передъ собою подлинное свидѣтельство А. Н. Голыцына, быть можетъ не точное и ошибочное во внѣшнихъ подробностяхъ, но несомнѣнно истинное по всему внутреннему содержанію.

Отдѣлъ записокъ Бартенева, въ которомъ находится занимающее насъ свидѣтельство, помѣщенъ въ пятой книжкѣ Русскаго Архива за 1886 годъ.

ми соботою и онъ излилъ передъ Господомъ все свое сердце. Государю казалось, что онъ никогда еще не молился такъ искренно и сильно, никогда еще такъ сладко и обильно не обливался слезами предъ распятымъ и познаннымъ имъ Господомъ Иисусомъ, какъ въ эту критическую для него минуту. Въ сосредоточенномъ и болѣзненномъ ожиданіи духа своего, онъ обратился весь въ желаніе; онъ умолялъ, онъ просилъ, онъ требовалъ у Господа слова, слова, въ которомъ обнаружилъ-бы Онъ ему Свою святую, непререкаемую волю. И его горячая, слезная молитва не осталась неслышанною. Къ его несказанной радости и изумленію, слово, столь горячо требуемое имъ, столь вождельнное для него, было ниспослано ему свыше. И вдругъ сдѣлался онъ инымъ человѣкомъ. Сладостный миръ, полное спокойствіе и опредѣленность мыслей замѣнили прежнія бурныя колебанія и сомнѣнія. Твердая рѣшимость воли, лучезарная ясность взгляда были ниспосланы ему въ этотъ великій, спасительный моментъ¹⁾.

Александръ быстро возвратился въ пріемную залу и приказалъ пригласить къ себѣ генераль-адъютанта князя Волконскаго, генерала отъ инфантеріи Барклая-де-Толли, генераль-лейтенанта Дибича и генераль-маіора Толля²⁾. Прошло десять часовъ утра, когда всѣ приглашенные явились на зовъ. Государь пригласилъ ихъ сѣсть, онъ развернулъ передъ ними карту и обратился къ нимъ съ такими словами: „движеніе арміи князя Шварценберга на линіи сообщенія непріятеля приводитъ насъ къ соединенію съ арміею фельдмаршала Блюхера. По соединеніи обѣихъ армій намъ представляются двѣ возможности. Во-первыхъ, мы можемъ послѣдовать за императоромъ Наполеономъ и атаковать его далеко превосходными силами, или-же, во-вторыхъ, мы можемъ маскировать нашъ маршъ и идти прямо на Парижъ. Каково будетъ ваше мнѣніе господа?“

1) Русскій Архивъ, 1886 г. кн. 5, стр. 95—96.

2) Все послѣдующее о совѣщаніи совѣта изложено на основаніи записокъ Толли, буквально переведенныхъ у Бернгарди, т. IV. 2 пол. стр. 312—314.

Государь обратился съ своимъ вопросомъ прежде всего къ Барклаю. Осторожный вождь взглянулъ на карту и отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, слѣдуетъ идти со всѣми силами на Наполеона и дать ему рѣшительное сраженіе. Государь не возразилъ ни слова и посмотрѣлъ на Дибича. Дибичъ замѣтилъ, что и онъ предпочелъ-бы идти за Наполеономъ съ главными силами арміи, но что онъ совѣтовалъ-бы двинуть въ тоже время на Парижъ пятидесяти-тысячный отрядъ войска. Волконскій, за которымъ была теперь очередь высказаться, молчалъ упорно. Какъ-бы нарочно держался онъ все время въ нѣкоторомъ разстояніи отъ стола, какъ адъютантъ, который ожидаетъ приказаній своего генерала ¹⁾. Александръ, знавшій хорошо его обычную сдержанность и скромность, и не ожидалъ отъ него видимо, никакого отвѣта. Онъ обратился къ Толлю и спросилъ его мнѣнія. Толль отвѣчалъ, что онъ не можетъ согласиться ни съ мнѣніемъ Барклая, ни съ мнѣніемъ Дибича, что, по его мнѣнію, слѣдуетъ поступить какъ разъ наоборотъ. Соединенныя арміи Шварценберга и Блюхера должны идти форсированными маршами прямо на Парижъ; вслѣдъ за Наполеономъ слѣдуетъ послать всего лишь десяти тысячный кавалерійскій отрядъ. Государь, только и ожидавшій подобнаго отрыва, съ жаромъ ухватился за него; онъ объявилъ, что мнѣніе генерала Толля есть и его собственное мнѣніе. Дибичъ попытался перевести разговоръ на политическую почву. „Если ваше величество намѣрены возстановить Бурбоновъ“, замѣтилъ онъ, „тогда дѣйствительно лучше всего идти со всѣми силами на Парижъ“. Но Александръ прервалъ его словами: „здѣсь дѣло идетъ совсѣмъ не о Бурбонахъ, а о сверженіи Наполеона“.

Рѣшительное слово было произнесено и всѣ возраженія умоляли въ виду твердо выраженной воли императора. Совѣтъ обратился къ обсужденію подробностей плана. Было вычислено, что двигаясь на Парижъ, союзники съ каждымъ

¹⁾ Подлинное выраженіе Толля въ его запискахъ см. Беригарди, т. IV, 2-я пол. стр. 314, гдѣ подчеркнутыя слова приведены на русскомъ языкѣ.

переходомъ будутъ удаляться на два перехода отъ арміи Наполеона и что по взятіи столицы Франціи они будутъ имѣть достаточно времени, дабы свергнуть владычество Наполеона и принять мѣры въ томъ случаѣ, если-бы онъ попытался завоевать обратно Парижъ. Государь закрылъ совѣщаніе, онъ приказалъ подать лошадей и, сопровождаемый всѣми четырьмя генералами, поскакалъ вслѣдъ за войсками. Проѣхавъ около восьми верстъ, онъ нагналъ короля прусскаго, князя Шварценберга и всю ихъ свиту. Государь слѣзъ съ коня, подозвалъ Толля и приказалъ ему разослать на землѣ карту театра войны. Съ жаромъ и убѣдительнымъ краснорѣчіемъ изложилъ онъ планъ движенія на Парижъ, а равно указалъ на мѣры, которыя думалъ принять для маскированія марша ¹⁾. Король прусскій первый и съ восторгомъ одобрилъ мысль Александра. Шварценбергъ колебался, онъ не возражалъ противъ самой идеи предпріятія, но онъ называлъ его слишкомъ смѣлымъ, почти дерзновеннымъ. „Не слѣдуетъ забывать“, говорилъ онъ, „что въ тылу нашемъ находятся значительныя силы французовъ. Я не могу принять на себя отвѣтственности и боюсь за армію, вѣренную моему предводительству“. Австрійскіе генералы пытались поддержать мнѣніе своего фельдмаршала и вывели при этомъ на сцену всѣ столь хорошо извѣстныя Александру доводы своей кабинетной стратегіи. Завязался горячій споръ. Толль, Дибичъ и Волковскій отстаивали противъ австрійцевъ мнѣніе своего государя. Александръ слушалъ нѣкоторое время спокойно эти пренія. „Всѣ эти возраженія“, говорилъ онъ впослѣдствіи, „не наводили на меня смущенія, какъ въ былое время, они не нарушили нисколько сладкаго

¹⁾ Въ изложеніи хода совѣщанія на этомъ полевомъ совѣтѣ мы отступаемъ отъ разсказа Толля и пользуемся вновь указаніями Бартенева. Намъ кажется, что эти указанія соотвѣтствуютъ какъ нельзя болѣе характеру и образу дѣйствій князя Шварценберга, къ тому-же и лордъ Бургершъ, цитируемый Бернгарди, ничего не упоминаетъ о восторгѣ, съ которымъ присоединился князь Шварценбергъ къ мнѣнію Александра, а говоритъ, что австрійскій фельдмаршалъ согласился съ требованіемъ Александра, хотя его штабные и противорѣчили этому. См. Бернгарди, т. IV, 2-я пол. стр. 314; Русскій Архивъ, стр. 96.

мира моей души". Выслушавъ противниковъ и замѣчая ихъ упорство, государь рѣшился, наконецъ, положить конецъ спору. Отрывисто и коротко объявилъ онъ Шварценбергу, что князь можетъ поступать и дѣлать, какъ ему угодно, но что вмѣстѣ съ симъ онъ беретъ на себя и всю тяжкую отвѣтственность, могущую произойти отъ его поступка. „Я и одинъ съ королемъ прусскимъ“, закончилъ государь свою рѣчь, „пойду на Парижъ“. Эти слова государя произвели отрезвляющее дѣйствіе на Шварценберга. Онъ объявилъ, что онъ согласенъ съ мнѣніемъ императора всероссійскаго и тутъ-же приказалъ войскамъ пріостановить движеніе къ Марнѣ. Въ теченіи вечера составлена была новая диспозиція. Винцингероде съ десяти-тысячнымъ отрядомъ конницы получилъ приказъ выступить на зарѣ къ Сентъ-Дизье, настигнуть Наполеона и попытаться маскировать движеніе главныхъ силъ союзниковъ. Всѣмъ остальнымъ войскамъ какъ силезской, такъ и главной арміи, предписано было идти прямо на Парижъ, причемъ войска Блюхера должны были составить правое крыло союзниковъ, а армія Шварценберга—лѣвое.

Между тѣмъ въ тылу союзныхъ армій началась страшная тревога. Появленіе французскихъ разъѣздовъ по дорогамъ на Шалонъ и Баръ на Объ произвело невѣроятный переполохъ въ главной дипломатической квартирѣ, гдѣ пребывалъ и императоръ Францъ съ своею многочисленною свитою и своимъ лейбъ-оркестромъ. Извѣстное уже намъ письмо Шварценберга, совѣтовавшее Францу и дипломатамъ уѣзжать какъ можно скорѣе въ Дижонъ, усилило еще болѣе общее смятеніе. Письмо пришло въ глухую полночь и моментально подняло на ноги всѣхъ. Велѣно было тотчасъ-же собираться въ путь. Дипломаты и кавалеры бѣжали назадъ и впередъ какъ полоумные. Передъ императорскою квартирою стояли наготовѣ экипажи и отрядъ гусаръ, назначенныхъ сопровождать кортежъ. Среди общей безтолковщины и паники одинъ только человекъ не потерялъ голову и сразу понялъ смыслъ и значеніе совершающагося событія. Одинъ изъ русскихъ дипломатовъ, Тургеневъ, второпяхъ

вбѣжалъ въ комнату Штейна, ожидая найти барона въ крайне непріятномъ настроеніи духа. Къ его великому удивленію, Штейнъ встрѣтилъ его совершенно одѣтый съ спокойнымъ сіяющимъ отъ радости лицомъ. На вопросъ Тургенева, что означаетъ его веселіе, желѣзный баронъ отвѣчалъ: „Какъ! Да вѣдь это счастье! великое счастье! императоръ, освободившись отъ Меттерниха и австрійцевъ, пойдетъ на Парижъ и пріобрѣтетъ полную свободу дѣйствія. Онъ будетъ дѣйствовать и все будетъ кончено!“ ¹⁾

Съ недоумѣніемъ слушалъ Тургеневъ рѣчь своего собесѣдника, но слова Штейна оказались пророческими. Великая драма неудержимо стремилась къ развязкѣ.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Перцъ Stein's Leben, т. III, стр. 568.

АВТОРИТЕТЫ И ФАКТЫ

ВЪ ВОПРОСЪ

О РАЗВИТІИ ЦЕРКОВНЫХЪ ДОГМАТОВЪ.

II

„Здравыми мыслителями всѣхъ вѣковъ признано за несомнѣнную истину, что для успѣха преній между спорящими при разсмотрѣніи каждаго вопроса нужно установленіе началъ или основаній, которыя обѣими сторонами признаются за истинныя, и отъ которыхъ они должны отправляться къ выводамъ и заключеніямъ по частнымъ мыслямъ и предложеніямъ“.

(Изъ слова высокопр. Амвросіа, архіеп. Харьковскаго, въ день восшествія на престолъ Государя Императора. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 5, стр. 305.)

Въ первой статьѣ своей *) я обращалъ вниманіе читателей на то обстоятельство, что авторитетнѣйшіе представители православно-богословской науки, на которыхъ вздумали ссылаться наши провозвѣстники теоріи развитія догматовъ, въ дѣйствительности или ничего еще не говорятъ ни въ пользу, ни противъ этой теоріи (какъ напр. высокопреосвященный митрополитъ кievскій Платонъ), или-же прямо и со всею рѣшительностію отвергаютъ ее (какъ митрополитъ московскій Филаретъ и А. В. Горскій), такъ что указанная ссылка на нихъ должна

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. № 22.

быть признана по меньшей мѣрѣ неосновательною, а пожалуй даже и недобросовѣстною, ибо представляетъ въ себѣ частію непониманіе, частію-же извращеніе и искаженіе мыслей упомянутыхъ авторитетовъ. Приводить при этомъ взгляды и сужденія другихъ, столь-же авторитетныхъ, нашихъ мыслителей-богослововъ я не считалъ особенно полезнымъ, такъ какъ научное рѣшеніе поставленнаго вопроса должно основываться отнюдь не на авторитетахъ. И для всякаго безпристрастнаго даже читателя (не говорю уже о противникахъ моихъ) доводы мои едвали сдѣлались-бы болѣе убѣдительными, еслибы я къ сужденіямъ Филарета московскаго и А. В. Горскаго присоединилъ еще напр. утвержденіе покойнаго митрополита Макарія, что „догматы христіанскіе имѣютъ происхожденіе божественное“ и потому *„ни умножатъ, ни сокращатъ ихъ въ числѣ, ни измѣнять и превращать, какимъ-бы то образомъ ни было, никто (слѣд. и учащая Церковь) не имѣетъ права“*, — что *„сколько ихъ открыто Богомъ въ началѣ, столько и должно оставаться ихъ на вѣсь времена, пока будетъ существовать христіанство“*, — что если и надобно допустить развитіе догматовъ, то лишь такое, при которомъ „въ составъ христіанскаго вѣроученія не привносится ничего новаго, а только, по поводу ересей, точнѣе опредѣляется и выясняется для православно-вѣрующихъ то, что и прежде исповѣдывали они на основаніи откровенія, хотя не такъ раздѣльно“¹⁾. Полагаю также, — не особенно много убѣдительности прибавилось-бы къ моему опроверженію теоріи развитія догматовъ и въ томъ случаѣ, еслибы къ перечисленнымъ авторитетамъ я присоединилъ еще покойнаго профессора петербургской академіи И. В. Чельцова, который въ извѣстномъ своемъ сочиненіи о символахъ рѣшительно заявилъ, что *„никакой исторіи вѣры, религіи, христіанства, или исторіи догматовъ въ собственномъ смыслѣ, у православныхъ нѣтъ и быть не можетъ“*, — что *„догматы существовали и существуютъ во всей своей цѣлости неизмѣнно съ самаго первоначальнаго преданія вѣры Господомъ Иисусомъ Христомъ“*, — что только *„догматическія вѣроизложенія*

¹⁾ Прав.-Догмат. Богословіе, т. I, стр. 11—12; 20. Изд. 1849 г.

(т. е. догматическія формулы, а не самые догматы) получили свое начало постепенно, въ разныя времена и среди разныхъ обстоятельствъ“, становясь съ теченіемъ времени полнѣе, обстоятельнѣе и опредѣленнѣе“¹⁾). Равнымъ образомъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что для противниковъ моихъ было-бы нисколько не убѣдительно, еслибы и по каждому частному пункту я сталъ приводить мнѣнія тѣхъ или другихъ авторитетныхъ представителей нашей богословской науки,— напр. еслибы по вопросу о догматѣ Св. Троицы сослался на слова митрополита Макарія, что „вся Христова Церковь учила о Пресв. Троицѣ и до Никейскаго собора точно также, какъ учила и учитъ и *послѣ* Никейскаго собора до настоящаго времени“²⁾), или на подобныя-же слова преосвященнаго Филарета черниговскаго, что „Церковь *всегда* понимала сей догматъ *одинаково*“³⁾). Тоже самое могу сказать и о всѣхъ другихъ отдѣльныхъ пунктахъ, подлежащихъ нашему разсмотрѣнію. Въ этомъ отношеніи для ученыхъ противниковъ моихъ оказался недостаточнымъ даже авторитетъ вселенскихъ соборовъ, такъ что напр., когда я сослался на свидѣтельство Халкидонскаго собора, тщательно разсматривавшаго творенія св. Кирилла Александрійскаго и признавшаго, что этотъ святитель училъ о Лицѣ Господа Иисуса Христа совершенно такъ же, какъ учили о немъ и папа Левъ Римскій и Флавіанъ Константинопольскій⁴⁾), то этимъ нисколько не убѣдилъ я ни г. Соловьева, ни г. Кристи. Тѣмъ болѣе, конечно, не могутъ быть убѣдительными для нихъ сужденія отдѣльныхъ авторитетныхъ личностей изъ среды позднѣйшихъ нашихъ православныхъ богослововъ. И если въ спорѣ нашемъ я позволилъ себѣ обратиться къ авторитетамъ, то сдѣлалъ это вовсе не потому, что считалъ ихъ высшею рѣшающею инстанціею, но единственно съ тою только цѣлью, чтобы предупредить довѣрчивыхъ читателей, которые могли-бы пожалуй повѣрить на слово гг. Соловьеву и Кристи, будто-бы и уважаемые наши

¹⁾ Древнія формы символа вѣры, стр. 185—187.

²⁾ Прав.-Догмат. Богословіе, т. I, стр. 246.

³⁾ Прав.-Догмат. Богословіе, т. I, § 59. Изд. 1864 г.

⁴⁾ „Вѣра и Разумъ“ 1886 г., № 20, стр. 455 (церк. отд.).

авторитеты (каковы Филаретъ и Горскій) мыслили въ свое время подобно этимъ же послѣднимъ. Хорошо сознаю, что въ спорномъ вопросѣ нашемъ послѣднею рѣшающею инстанціею могутъ служить только безспорные историческіе факты. Это дѣйствительно велицепріятные судьи, предъ которыми не въ силахъ устоять никакая—хотя бы самая утонченная и изворотливая—діалектика. Къ нимъ-то я теперь и обращаюсь.

Слѣдуя общепризнанной истинѣ, точно и ясно выраженной въ приведенномъ эпитафѣ, я беру прежде всего фактъ *анатематствованія еретиковъ, умершихъ* задолго до вселенскаго опредѣленія Церковію того или другого догмата, который былъ ими отвергаемъ. Этотъ фактъ выше всякихъ сомнѣній и споровъ. Онъ одинаково признается обѣими сторонами, спорящими о догматическомъ развитіи. На немъ еще въ самомъ началѣ спора построилъ я свои возраженія противъ теоріи развитія догматовъ; не отвергають его теперь и защитники этой теоріи. Если въ началѣ спора г. Соловьевъ старательно умалчивалъ объ этомъ фактѣ и въ своемъ „отвѣтѣ“ на мои возраженія не сказалъ въ объясненіе его рѣшительно ни слова ¹⁾, то теперь, по крайней мѣрѣ, онъ не находитъ уже возможнымъ отмалчиваться. Въ книгѣ его „Исторія и будущность теократіи“, изданной въ Загребѣ въ прошломъ году, мы встрѣчаемъ между прочимъ такіа слова: „на пятомъ соборѣ, какъ извѣстно, была осуждена личность (а не сочиненіе только) давно умершаго лжеучителя Θεодора Мопсуестскаго“ ²⁾. Въ свою очередь и новый мой противникъ—г. Кристи—признаетъ указанный фактъ также „несомнѣнно существовавшимъ“ ³⁾. Этого-то признанія со стороны гг. Соловьева и Кристи для меня въ настоящій разъ пока достаточно. Никѣмъ не оспариваемый, но напротивъ—и мною, и моими противниками признаваемый фактъ можетъ конечно съ полнымъ правомъ послужить *основаніемъ* для рѣшенія нашего спорнаго вопроса.

1) „Прав. Обозр.“ 1886 г. май—іюнь.

2) Стр. 51.—Замедливъ своимъ отвѣтомъ г-ну Кристи по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, я за то имѣю теперь возможность принять во вниманіе недавно вышедшую книгу г. Соловьева.

3) Прав. Обозр. 1887 г. февр. стр. 301.

Онъ не похожъ на тѣ немногіе факты, на которыхъ хотять основываться защитники теоріи развитія догматовъ. Эти послѣдніе факты далеко еще не безспорны. О нихъ спорятъ не только люди разномыслящіе по вопросу о развитіи догматовъ, но даже люди однихъ и тѣхъ-же лагерей. Такъ, на примѣръ, г. Соловьевъ съ рѣшительностію утверждаетъ, что у св. Іустина мученика „значеніе св. Духа, какъ самостоятельной вѣпостаси Божества, остается *совершенно неяснымъ*, чтобы не сказать болѣе“ ¹⁾, и затѣмъ дѣлаетъ отсюда желательный выводъ въ пользу теоріи развитія догматовъ. Между тѣмъ, извѣстный католическій богословъ—Кили, присягнувшій точно также теоріи догматическаго развитія, съ не меньшею рѣшительностію утверждаетъ прямо противоположную истину,—именно, что „тождество св. Духа съ Отцемъ и Сыномъ по существу и различіе Ихъ по вѣпостасямъ составляетъ сущность (Substanz) всего ученія“ св. Іустина ²⁾. Подобнымъ-же образомъ и другой знаменитый католическій богословъ—Möhler, сочиненія котораго самъ г. Соловьевъ называетъ „классическими“, находитъ, что вѣпостасное различіе св. Духа отъ Отца и Сына высказано у мученика Іустина *очень ясно и во многихъ мѣстахъ* ³⁾, хотя—замѣчу опять кстати—и этотъ богословъ также придерживается теоріи развитія догматовъ. Точно таковы-же и всѣ другіе факты, на которыхъ основываетъ свою теорію г. Соловьевъ. Очевидно, на такихъ спорныхъ фактахъ основывать рѣшеніе столь-же спорнаго вопроса совсѣмъ невозможно. Это значило-бы—утверждать землю на китахъ, которые сами не имѣютъ достаточной опоры. И сколько-бы ни изощрялась при этомъ діалектика, сколько-бы ни потратилось здѣсь остроумія и острословія,—дѣйствительнаго разрѣшенія вопроса все-таки быть не можетъ, ибо, заключая къ неизвѣстному и недоказанному отъ таковаго-же неизвѣстнаго и недоказаннаго, можно и въ выводѣ получить только неизвѣстное и недоказанное.

Совсѣмъ не таковъ фактъ, указываемый мною. Онъ *обще-*

¹⁾ Прав. Обзор. 1885 г. дек. стр. 762.

²⁾ Kathol. Dogmatik, 2 Bd. (Trinitätslehre) s. 294.

³⁾ Athanasius d. Grosse. s. 37. Срав. его-же Patrologie, 1 Bd. s. 239.

признанъ и не подлежитъ ни малѣйшимъ сомнѣніямъ. Потому-то я и полагаю его въ основу для всѣхъ дальнѣйшихъ выводовъ и заключеній.—Разсмотримъ-же теперь ближе значеніе этого факта для теоріи постепеннаго развитія догматовъ.

Предварительно впрочемъ замѣчу еще, что фактъ этотъ отнюдь не единичный и не исключительный. Напротивъ, въ жизни Церкви онъ имѣлъ мѣсто нѣсколько разъ и весьма ясно засвидѣтельствованъ на многихъ страницахъ церковныхъ лѣтописей. Не одинъ только Θεодоръ Мопсуестскій, родоначальникъ несторіанской ереси, былъ анаематствованъ вселенскою Церковію несмотря на то, что умеръ задолго до Ефесскаго собора, судившаго самого Несторія. Подобнымъ-же образомъ были осуждены и анаематствованы многіе другіе еретики, умершіе ранѣе вселенскаго опредѣленія отвергаемыхъ ими догматовъ. Такъ былъ анаематствованъ Церковію моноелить папа Гонорій, умершій за 40 слишкомъ лѣтъ до опредѣленія догмата о двухъ воляхъ въ Іисусѣ Христѣ на шестомъ вселенскомъ соборѣ. Такъ-же были осуждены и анаематствованы вмѣстѣ съ нимъ многіе другіе епископы-моноелиты, умершіе опять-таки значительно ранѣе VI вселенскаго собора,—напр. Сергій, Пирръ, Павелъ, Петръ (Константинопольскіе), Киръ (Александрійскій). Затѣмъ VII вселенскій соборъ, опредѣлившій догматъ иконопочитанія въ 787 году, осудилъ и предалъ анаемѣ многихъ иконоборцевъ, давно уже умершихъ,—какъ напр. Льва Исаврянина, умершаго въ 741 году, и Константина Копронима, умершаго въ 775 году. Считаю излишнимъ приводить здѣсь множество другихъ подобныхъ-же примѣровъ. Отмѣчу только то обстоятельство, что вопросъ объ анаематствованіи еретиковъ, распространявшихъ свое лжеученіе и умершихъ задолго еще до опредѣленія Церковію тѣхъ или другихъ, отвергнутыхъ ими, догматовъ, былъ обсуждаемъ въ свое время всесторонне (и исторически, и богословски-спекулятивно) на пятомъ вселенскомъ соборѣ и рѣшенъ именно въ положительномъ смыслѣ ¹⁾.

¹⁾ См. Дѣян. вселен. собор. т. V, стр. 363—364, 165—166, 217—218, 371—372 и мног. друг.

Что-же означаетъ этотъ фактъ и къ какимъ выводамъ приводитъ онъ въ приложеніи къ теоріи развитія догматовъ?—По моему крайнему разумѣнію, значеніе его для этой теоріи чрезвычайно велико. Онъ подрываетъ ее въ самомъ корнѣ и опровергаетъ съ очевидностію послѣдніе ея выводы.

Припомнимъ существенныя положенія этой теоріи.

Единымъ и единственнымъ догматомъ первоначальной христіанской Церкви, *опредѣлительно утвержденнымъ и безусловно обязательнымъ* для всѣхъ правовѣрующихъ, былъ „догматъ воплощеннаго *Богочеловѣка*“, исповѣданіе Іисуса Христа какъ Сына Божія, пришедшаго во плоти для спасенія людей. Всѣ другія истины христіанской вѣры хотя уже заключались въ этомъ основномъ перво-догматѣ, не были однако-же изначала обязательными для всѣхъ вѣрующихъ; онѣ становились догматами лишь впослѣдствіи, по мѣрѣ постепеннаго своего выясненія въ сознаніи Церкви и точнаго опредѣленія церковно-учительною властію ¹⁾. До этого-же послѣдняго момента выясненія и опредѣленія онѣ могли быть принимаемы вѣрующими, но могли быть совершенно безнаказанно и отвергаемы ими. Такъ напр. истина *всеобщаго воскресенія* мертвыхъ въ теченіе всего перваго вѣка (и даже во второмъ) не была еще догматомъ—и христіане, допускаяшіе воскресеніе только *святыхъ*, но не *всѣхъ*, могли безпрепятственно оставаться членами православной Христовой Церкви ²⁾. Такъ-же точно и истина *единосущія Сына Божія со Отцемъ* не имѣла догматическаго значенія даже до перваго вселенскаго собора, ибо *совсѣмъ неоптнрыя понятія* св. Іустина философа, объ отношеніи втораго Лица Св. Троицы къ первому, не препятствовали ему

¹⁾ Соловьевъ въ „Прав. Обзор.“ 1885 г. декабрь, стран. 756, 759;—1886 г. май—іюнь, стран. 356, 362; сравн. „Истор. и будущ. теократіи“ стр. 30—34. Г. Кристи въ Прав. Обзор. 1887 г. февраль, стр. 290—292, 311—312.

²⁾ Соловьевъ въ Прав. Обзор. 1885 г. декаб. 760—761;—1886 г. май—іюнь, 356—357, 361—362; „Истор. и будущ. теокр.“ 39—40. Кристи въ Прав. Обзор. 1887 г. февр. 292, 295.—Къ сожалѣнію ни г. Соловьевъ, ни г. Кристи доселѣ не дали опредѣленнаго отвѣта на мой вопросъ,—когда-же именно истина всеобщаго воскресенія выяснилась во всецерковномъ сознаніи и съ какого времени получила значеніе общеобязательнаго догмата.

быть уважаемымъ учителемъ Церкви, да и другіе церковные писатели до-никейской эпохи, подобно Іустину, причисляются къ лику святыхъ, тогда какъ если-бы они излагали свое ученіе послѣ Никейскаго собора, то должны были-бы *существенно* измѣнить свои понятія объ отношеніи Слова къ Богу Отцу,— иначе были-бы причислены за свое ученіе не къ лику святыхъ, а къ *еретикамъ* ¹⁾. То же самое утверждается далѣе и относительно всѣхъ другихъ догматическихъ истинъ христіанства. Истина единосущія Духа Св. со Отцемъ и Сыномъ также сдѣлалась догматомъ лишь со времени втораго вселенскаго собора, а ранѣе того христіане могли явно отвергать эту истину, не дѣлаясь еще еретиками, но оставаясь членами Церкви Христовой. Самъ Несторій до Ефесскаго собора не былъ еретикомъ, равно какъ и Евтихій—до Халкидонскаго. То же должно быть сказано и объ ученіи о двухъ воляхъ въ Іисусѣ Христѣ, опредѣленномъ на шестомъ вселенскомъ соборѣ, и наконецъ—о догматѣ иконопочитанія. Послѣдній, по словамъ г. Соловьева, „какъ опредѣленный и общеобязательный членъ православнаго вѣроученія, *сталъ существовать лишь тогда*, когда былъ утвержденъ въ этомъ качествѣ вселенскою Церковію на седьмомъ соборѣ въ 787 г.“ ²⁾.

Не трудно видѣть, что *корнемъ* и основой всей этой теоріи служитъ заимствованное изъ католическихъ догматикъ *воззрѣніе на догматы*. По этому воззрѣнію, *догматомъ въ собственномъ и тѣсномъ смыслѣ слова* признаются лишь тѣ богооткровенныя истины вѣры, которыя точно опредѣлены авторитетомъ учащей Церкви и формально предложены ко всеобщему принятію вѣрующихъ. Тѣ-же истины вѣры, которыя хотя и даны намъ въ божественномъ откровеніи, но не опредѣлены пока и не предложены формально авторитетнымъ учительствомъ Церкви, не суть еще догматы обязательныя для вѣрующихъ, и ихъ позволительно принимать, но позволительно и

¹⁾ Соловьевъ въ Прав. Обзор. 1885 г., декаб. 761—762; „Истор. и будущ. теокр.“ 40—41.

²⁾ Соловьевъ въ Прав. Обзор. 1885, дек. 773; „Ист. и буд. теокр.“ 54—55. Криси въ Прав. Обзор. 1887, февр. 308—309.

отвергать. Пожалуй, впрочемъ, и эти послѣднія истины могутъ быть названы *догматами*, но отнюдь уже не въ собственномъ и тѣсномъ, а лишь въ болѣе *широкомъ* смыслѣ этого слова. Именно, онѣ суть догматы по *существоу* своему (*materialiter*) и *сами по себѣ* (*quoad se*); *формально* же (*formaliter*) и *для насъ* (*quoad nos*) онѣ могутъ сдѣлаться догматами только въ томъ случаѣ и при томъ условіи, если будутъ опредѣлены и предложены авторитетомъ учащей Церкви ¹⁾. Всецѣло усвоивъ такое воззрѣніе на догматъ, г. Соловьевъ соглашается только не употреблять чуждые латинскіе термины—*dogmata explicita* (соотв. *dogmata formalia, d. quoad nos*) и *dogmata implicita* (соотв. *dogmata materialia, d. quoad se*); самое-же различіе между тѣми и другими догматами, т. е. „между догматами всецерковно изъясненными и опредѣленными и догматами не получившими отъ Церкви опредѣлительнаго изъясненія“, онъ удерживаетъ, признавая его „*несомнѣннымъ*“ ²⁾. Но въ чемъ-же однако это различіе?—А именно въ томъ, что первые догматы обязательны для вѣрующихъ; послѣдніе-же не обязательны; и тогда какъ относительно первыхъ не могутъ быть терпимы никакія заблужденія со стороны членовъ Церкви, послѣдніе могутъ быть даже прямо и безнаказанно отвергаемы ими. И различіе это оказывается настолько важнымъ и существеннымъ, что въ концѣ-концовъ у догматовъ „не получившихъ отъ Церкви опредѣлительнаго изъясненія“ отнимается даже самое право на названіе—„догматъ“. „Вѣдь *догматомъ* *отры*,—по словамъ г. Соловьева,—называется *именно то*, относительно чего заблуждаться не только святымъ отцамъ,

¹⁾ Такое понятіе о догматѣ можно встрѣтить въ любой католической догматикѣ ультрамонтанскаго направленія. См. напр. Scheeben'a *Handbuch. d. Kathol. Dogmatik* Bd. I, s. 186—189 (1873); Heinrich'a *Dogmat. Theologie* Bd. II, s. 635 (2-е Aufl. 1882). Сочиненія этого послѣдняго богослова—замѣчу кстати—получили у г. Соловьева дипломъ „классическихъ“ и даже поставлены на равнѣ съ сочиненіями Möhler'a (Прав. Об. 1885, дек., 744, прим.). Къ такому-же опредѣленію догмата сводятся въ сущности и разсужденія нѣкоторыхъ либеральныхъ католическихъ богослововъ, хотя въ деталяхъ они болѣе или менѣе расходятся съ ультрамонтанскими взглядами. См. напр. Kubn'a *Kathol. Dogmatik*. Bd. I, s. 155—195 (2-te Aufl. 1859).

²⁾ Прав. Об. 1885, дек., 751; Ист. и буд. теокр. 29—30.

но и простымъ мірянамъ непозволительно подѣ страхомъ отлученія отъ Церкви“¹⁾; и такъ какъ „безусловная обязательность (для вѣрующихъ) есть отличительный и непрелымный признакъ всякаго дѣйствительнаго догмата“,— „догмата какъ таковаго“²⁾,—то ясно, что истины, не получившія пока всецерковнаго опредѣленія, не имѣютъ характера общеобязательности, не суть дѣйствительные догматы и вовсе не должны бы такъ называться; вѣдь относительно ихъ позволительно пока всѣмъ заблуждаться,—и пастырямъ Церкви, и простымъ мірянамъ,—хотя-бы даже Самъ Христосъ высказалъ ихъ съ непосредственною ясностію и очевидностію для всякаго³⁾.

Имѣя такимъ образомъ въ корнѣ своемъ указанное понятіе о догматѣ, теорія г. Соловьева въ послѣднемъ выводѣ своемъ даетъ слѣдующее: *католичество не есть ересь*, ибо въ ученіи его не видно прямаго противорѣчія никакому всецерковно-опредѣленному и общеобязательному догмату и доселѣ никакимъ приговоромъ вселенской Церкви оно еще не осуждено⁴⁾. Собственно ради этого-то вывода и построена у гг. Соловьева и Кристи вся теорія развитія догматовъ, имѣющая своею цѣлью способствовать соединенію церквей, но соединенію не въ томъ смыслѣ, чтобы та или другая Церковь, сознавъ свое уклоненіе отъ богопреданной истины, обратилась и присоединилась къ Церкви, сохранившей эту истину въ неповрежденной чистотѣ и цѣлости, — а въ томъ, чтобы обѣ Церкви,—и восточная (греко-россійская) и западная (римско-

¹⁾ Истор. и буд. теокр. 52; Прав. Обзор. 1885, дек., 770.

²⁾ Истор. и буд. теокр. 54; Прав. Обзор. 1886, май—іюнь, 357.

³⁾ Въ самомъ дѣлѣ,—что можетъ быть яснѣе и опредѣленнѣе этихъ словъ Христа Спасителя: „грядетъ часъ, въ онъ-же вси сушіе во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ сотворшии благая въ воскрешеніе живота, а сотворшии злая въ воскрешеніе суда“ (Іоан. V, 28—29)?—и тѣмъ не менѣе, по увѣренію гг. Соловьева и Кристи, истина *всеобщаго воскресенія* мертвыхъ нуждалась еще въ разъясненіи и опредѣленіи со стороны авторитетнаго учительства Церкви, чтобы сдѣлаться общеобязательнымъ догматомъ; безъ этого уже условія она не могла быть обязательною для вѣрующихъ... Только не значитъ-ли это—ставить авторитетъ учащей власти церковной выше авторитета Самого Господа Христа?!

⁴⁾ Прав. Обзор. 1885, дек., 736—746; Истор. и будущн. теокр. 18—24.

католическая),—взятыя in statu quo, сошлись въ своихъ представителяхъ на общемъ соборѣ и тутъ, обсудивши свои разногласія ученія, непогрѣшимо порѣшили-бы, чему впредь должны слѣдовать всѣ христіане, желающіе принадлежать къ единой и истинной Церкви Христовой. О соединеніи Церквей въ первомъ смыслѣ здѣсь не можетъ быть рѣчи уже потому, что и для г. Соловьева, и для г. Кристи въ настоящее время совсѣмъ нѣтъ истинной и непогрѣшимой Церкви Христовой, къ ученію которой должны были-бы покорно и съ раскаяніемъ обратиться христіане другихъ исповѣданій; такая Церковь представляетъ для нихъ только идеаль будущаго; а теперь имѣются лишь отдѣльныя частныя Церкви, одинаково способныя погрѣшать и заблуждаться въ ученіи вѣры. По изображенію г. Соловьева, вся современная христіанская Церковь является даже чѣмъ-то въ родѣ „мертвѣго истукана“ или „одушевленнаго, но безсознательнаго тѣла“. „Церковь вселенская—говоритъ онъ—явится намъ (тогда, т. е. послѣ желательнаго автору соединенія западнаго католичества и восточнаго православія подъ земнымъ ѳтчествомъ—главенствомъ вселенскаго первосвященника) уже не какъ мертвый истуканъ, и не какъ одушевленное, но безсознательное тѣло, а какъ существо самосознательное, нравственно-свободное, дѣйствующее само для своего осуществленія“ ¹⁾. Нисколько не лучше и не отраднѣе представляетъ современное состояніе Христовой Церкви и г. Кристи. Онъ мечтаетъ о тѣхъ блаженныхъ временахъ, когда „Церкви будетъ возвращенъ органъ ея непогрѣшимого сознанія—вселенскій соборъ“ ²⁾,—изъ чего съ необходимостію мы должны заключать, что, по взгляду автора, те-

¹⁾ Истор. и будущ. теокр. стр. XX—XXII. Срав. также стр. 4, гдѣ авторъ, сопоставляя дѣйствія вратъ адовыхъ съ дѣйствіями современной христіанской Церкви, находитъ, что „дѣйствія зла и лжи въ мірѣ, разросшіяся и въ глубь и въ ширь, получили теперь вселенскій объемъ и значеніе, между тѣмъ какъ Церковь противъ универсальнаго нападенія вратъ адовыхъ выставляетъ одинъ лишь частныя и малочисленныя успія“, да вдобавокъ совсѣмъ не можетъ сдѣлать чего-нибудь болѣе серьезнаго и важнаго, такъ какъ—horribile dictu!—утратила самую способность къ вселенскому дѣйствию (стр. 6).

²⁾ Прав. Обзор. 1887 г., февр., 313.

перешняя Церковь Христова, лишенная органа непогрѣшимаго сознанія, лишена вмѣстѣ и самой непогрѣшимости,—подобно тому какъ человѣкъ, потерявшій органъ зрѣнія, по необходимости ничего уже не видитъ. И вотъ, въ виду такого-то плачевнаго состоянія христіанской Церкви, одиннадцать уже вѣковъ погруженной въ бездну золь, г. Соловьевъ беретъ на себя трудъ спасти погибающую; для этого и изыскиваетъ онъ теоретическія основанія, на которыхъ (и *единственно* только на нихъ) могло-бы совершиться возстановленіе нарушеннаго единства между восточною и западною Церквами ¹⁾; плодомъ этихъ изысканій и является теорія развитія догматовъ, построенная на католическихъ основахъ и дающая въ результатѣ указанный, благопріятный для католичества, выводъ.

Не будемъ здѣсь входить въ подробное разсмотрѣніе приведенныхъ крайне-пессимистическихъ отзывовъ о состояніи теперешней Церкви Христовой. Они сами достаточно говорятъ за себя. И пока мы вѣримъ Господу Іисусу Христу, сказавшему, что „врата ада“—этотъ источникъ лжи и смерти—не одолѣютъ созданной Имъ Церкви (Мате. XVI, 18), мы, конечно, не повѣримъ ни г. Соловьеву, увѣряющему, что теперешняя Церковь есть „мертвый истуканъ“ или какое-то „одушевленное, но безсознательное тѣло“, ни г-ну Кристи, утверждающему, что теперь Христова Церковь лишена непогрѣшимаго сознанія. Но признавая, что непогрѣшимаая Церковь вселенская не погибла еще и несмотря на всѣ ухищренія силъ адovýchъ, не утратила своей способности ко вселенскимъ дѣйствіямъ, мы тѣмъ не менѣе вовсе не отрицаемъ того, что соединеніе католичества съ православіемъ весьма желательно. Только совершиться это единеніе можетъ не на основаніи теоріи *развитія* догматовъ, а на основаніи общепризнаннаго въ христіанскомъ мірѣ закона *неизмѣннаго храненія* богопреданныхъ истинъ вѣры, ибо та мнимоспасительная теорія въ сущности давнымъ-давно осуждена уже вселенскимъ сознаніемъ Церкви, хотя сознаніе это выразилось не въ какой-либо точной формулѣ, а просто въ фактѣ. Это имен-

¹⁾ Истор. и будущн. теокр. стр. 6.

но и есть фактъ анаематствованія вселенскими соборами еретиковъ, умершихъ ранѣе соборнаго опредѣленія тѣхъ или другихъ догматовъ, которые были отвергаемы или искажаемы ими.

Фактъ этотъ, какъ было замѣчено выше, съ очевидностію показываетъ прежде всего, что самая *основа* разсматриваемой теоріи—*понятіе о догматѣ*—прямо противорѣчитъ общецерковному взгляду на этотъ предметъ. Въ самомъ дѣлѣ, Церковь анаематствуетъ на пятомъ вселенскомъ соборѣ Θεодора Мопсуестскаго, умершаго въ 429 г., анаематствуетъ за то самое ученіе, за которое подвергся анаемѣ на третьемъ вселенскомъ соборѣ (431 г.) ученикъ Θεодора Несторій. Что-же это значитъ? — Мнѣ кажется, — выводъ отсюда можетъ быть только одинъ. Именно: по сознанію вселенской Церкви, истина тѣснѣйшаго упостаснаго соединенія божества и человѣчества въ Іисусѣ Христѣ была общеобязательною, слѣд.—догматомъ, и *прежде* точнаго опредѣленія ея на третьемъ вселенскомъ (Ефесскомъ) соборѣ, такъ что отвергавшій ее Θεодоръ Мопсуестскій былъ уже еретикомъ и противникомъ Церкви, хотя распространялъ свое ученіе ранѣе упомянутаго собора и его догматическаго опредѣленія. Какимъ-же образомъ г. Соловьевъ (вкупѣ и г. Кристи) рѣшается утверждать, что „самъ Несторій до Ефесскаго собора не былъ еретикомъ?“ Для Церкви—мы видимъ—былъ еретикомъ даже Θεодоръ Мопсуестскій, умершій, за два года до этого собора,—какъ-же Несторій-то не былъ имъ? „Несторій“, говоритъ г. Соловьевъ, „только заблуждался, дѣлая невѣрные выводы изъ *неопредѣленныхъ* положеній; лишь съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ сопротивляться *опредѣленной* истинѣ и Церкви, ее опредѣлившей, онъ сдѣлался дѣйствительнымъ еретикомъ, каковымъ и былъ признанъ“ ¹⁾ Ту-же мысль перенимаетъ г. Кристи и въ свою очередь также твердитъ, что до Ефесскаго собора „Несторій своимъ ученіемъ *безсознательно* противорѣчилъ вѣрѣ въ воплощеніе Христова, а *послѣ* собора сталъ еретикомъ оттого, что не подчинился постановленіямъ собора“ ²⁾. Совсѣмъ не та-

¹⁾ Прав. Обзор. 1885, дек., 768; буквально то-же самое повторяетъ онъ и въ своей „Исторіи теократіи“, стр. 48.

²⁾ Прав. Обзор. 1887, февр., 303. Только при этомъ г. Кристи, по странно-

ковъ, очевидно, взгляды Церкви вселенской. По сознанию этой послѣдней, богооткровенная истина вѣры есть уже обязательный для вѣрующихъ догматъ независимо отъ того, *опредѣлена* эта истина церковнымъ учительствомъ, или-же остается еще *неопредѣленною*,—состоялось касательно ея соборное постановленіе, или-же нѣтъ. Θεодоръ Мопсуестскій отвергалъ богооткровенную истину, въ его время пока еще *неопредѣленную*,—и тѣмъ не менѣе вселенская Церковь признала его еретикомъ и своимъ противникомъ. Спрашивается: не въ такомъ-ли точно положеніи былъ и Несторій до Ефесскаго собора?...

Здѣсь не будетъ излишнимъ обратить вниманіе на нѣкоторыя подробности, которыми сопровождалось анаематствованіе Θεодора Мопсуестскаго на V вселенскомъ соборѣ и изъ которыхъ какъ нельзя лучше выясняется воззрѣвіе Церкви на обязательность догматическихъ истинъ. Какъ извѣстно, во время разсужденій на соборѣ нашлись епископы, которымъ казалось, что осуждать Θεодора было-бы несправедливо, ибо онъ умеръ въ общеніи съ Церковію, не подвергшись отлученію отъ нея за свое ученіе. Соображеніе это было разсмотрѣно и въ концѣ-концовъ рѣшительно отвергнуто соборомъ. Вотъ что читаемъ мы на стр. 187 пятаго тома Дѣяній вселенскихъ соборовъ: „что нѣкоторые говорятъ, будто Θεодоръ умеръ въ общеніи и мирѣ съ церквами,—это *ложь*, и больше *клевета противъ Церкви*. Ибо въ общеніи и мирѣ съ церквами умеръ тотъ, кто даже до смерти и сохранилъ и проповѣдалъ правые дог-

му недомыслию, впадаетъ въ грубѣйшее внутреннее противорѣчіе, какого не встрѣчаемъ у г. Соловьева. Именно, на стр. 312 въ параграфѣ 3-мъ онъ утверждаетъ обязательность неопредѣленнаго пока соборомъ догмата лишь „для тѣхъ, кто его истинность *помялъ*“, а черезъ десять строкъ въ параграфѣ 4 признаетъ заслуживающими осужденія даже тѣхъ умершихъ ересеучителей, которые противорѣчили откровенной истинѣ только „*безсознательно*“. Выходитъ такимъ образомъ, что по страницѣ 303-й и по параграфу 3-му страницы 312-й, Несторій не былъ еретикомъ до Ефесскаго собора и не заслуживалъ еще анаемы, ибо противорѣчилъ вѣрѣ *безсознательно*, не понимая истинности неопредѣленнаго еще Церковію догмата, а по параграфу 4-му той-же страницы 312—онъ вполне заслуживалъ анаему и до собора, ибо тогда уже *безсознательно* противорѣчилъ откровенной истинѣ. . .

маты Церкви. Но что Θεодоръ не сохранилъ и не проповѣдалъ *правыхъ догматовъ* Церкви, это также извѣстно изъ его богохульствъ“. Далѣе затѣмъ отцы собора весьма обстоятельно подтверждаютъ высказанное положеніе, ссылаясь на слово Самого *Господа* „невѣруй уже осужденъ есть“—Іоан. III, 18), на слово *апостола* („аще мы, или ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ, анаѣма да будетъ—Гал. I, 8—9; и „развратися таковой,—т. е. еретикъ,—и согрѣшаетъ, и есть самоосужденъ“—Тит. III, 10—11), наконецъ на *общее церковное преданіе*, выраженное отчасти голосомъ знаменитѣйшихъ отцевъ и учителей (св. Кирилла Ал., блаж. Августина), а отчасти нѣкоторыми аналогичными фактами, имѣвшими уже мѣсто въ предшествовавшей исторіи Церкви. Результатомъ всѣхъ этихъ разсужденій было слѣдующее общее положеніе касательно еретиковъ: „*хотя-бы нечестивый (еретикъ) и не получилъ осужденія отъ кого-либо посредствомъ слова, однако онъ произноситъ на себя анаѣму самымъ дѣломъ, отдѣляя самого себя чрезъ свое нечестіе отъ истинной жизни*“¹⁾.

Всмотримся поближе въ эти разсужденія вселенскаго собора и сопоставимъ ихъ съ разсужденіями г.г. Соловьева и Кристи.—Прежде всего Θεодоръ Мопсуестскій—по словамъ собора—„не сохранилъ *правыхъ догматовъ* Церкви“. Какихъ-же? спросимъ мы. Съ точки зрѣнія теоріи развитія догматовъ отвергнутыя Θεодоромъ богооткровенныя истины не были еще въ его время догматами и обязательнаго значенія для него не имѣли,—слѣдовательно и рѣчи о „*правыхъ догматахъ* Церкви“ тутъ не могло-бы быть. Не такъ, видно, обстояло дѣло по сознанію Церкви вселенской: для этой послѣдней отвергнутыя Θεодоромъ истины были уже и въ его время *догматами*, которые онъ обязанъ былъ хранить и проповѣдывать даже до смерти, чтобы умереть въ дѣйствительномъ (а не кажущемся только) общеніи съ Церковію. Такимъ образомъ, намъ приходится дѣлать выборъ между взглядомъ на догматы г.г. Соловьева и Кристи и взглядомъ на тотъ-же предметъ Церкви вселенской;—примирить оба эти взгляды нѣтъ возможности.

¹⁾ Дѣян. всел. соб. т. V, стр. 364 (русск. пер. Казанской Академіи).

Далѣе. Съ точки зрѣнія нашихъ приверженцевъ теоріи развитія догматовъ, Θεодоръ Мопсуестскій умеръ конечно „въ общеніи и мирѣ съ церквами“, ибо никакому опредѣленному догмату онъ прямо не противорѣчилъ и никакимъ приговоромъ вселенской Церкви не былъ осужденъ. Между тѣмъ, V. вселенскій соборъ, которому безъ сомнѣнія также хорошо было извѣстно, что отвергавшійся Θεодоромъ догматъ былъ опредѣленъ Церковію послѣ уже смерти его и что никакимъ вселенскимъ приговоромъ анаематствованъ онъ не былъ—не смотря на все это рѣшительно и не обинуясь заявилъ, что утвержденіе, будто-бы Θεодоръ умеръ въ общеніи и мирѣ съ Церковію, есть „ложь и клевета противъ Церкви“. Спрашиваю опять: кому-же вѣрить? г.г. Соловьеву и Кристи, или-же вселенскому собору?... Первые требуютъ непременно вселенскаго приговора, чтобы признать то или другое лжеученіе (католичество напр.) ересью и того или другаго лжеучителя (напр. папу, претендующаго на непогрѣшимость) отлученнымъ отъ Церкви еретикомъ; по воззрѣнію-же послѣдняго, такой приговоръ вовсе не необходимъ, и не смотря на то, что торжественная анаема на Θεодора Мопсуестскаго была произнесена лишь на V вселенскомъ соборѣ, ранѣе-же того ни одинъ вселенскій соборъ не анаематствовалъ еще его, не смотря на это, говорю: V. соборъ ясно засвидѣтельствовалъ, что „*Θεодоръ Мопсуестскій за нечестивыя свои сочиненія отверженъ былъ вселенскою Церковію съ давнихъ временъ*“¹⁾. Прошу здѣсь замѣтить: Θεодоръ „отверженъ былъ вселенскою Церковію“ и притомъ „*съ давнихъ временъ*“. Не значитъ-ли это, что по воззрѣнію V вселенскаго собора можно сдѣлаться еретикомъ и быть отвергнутымъ отъ вселенской Церкви даже безъ особаго акта и приговора со стороны послѣдней?....

Съ точки зрѣнія защитниковъ развитія догматовъ мы этого не поймемъ, но съ точки зрѣнія вселенскаго собора, защищавшаго неизмѣнное храненіе богодарованныхъ правыхъ догматовъ, это вполне понятно и объясняется весьма естественно. Соборъ очевидно слѣдуетъ извѣстнымъ словамъ апостола

¹⁾ Тамъ-же, стр. 218.

Павла въ посланіи къ Галатамъ: „если-бы даже мы, или ангель съ неба стальъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ, да будетъ анаеема“ (Гал. 1, 8—9),— и на основаніи этихъ словъ представляетъ дѣло такъ: всякій учитель, предлагающій вѣрующимъ иное благовѣстіе, нежели какое они приняли отъ апостоловъ (а апостолы конечно проповѣдали не одну только истину воплощенія Бога Слова), тѣмъ самымъ подвергаетъ уже себя анаеемѣ апостольской и „естъ самоосужденъ“ (Тит. III, 11). Хотя-бы такой иноблаговѣстникъ и не получилъ осужденія отъ кого-либо посредствомъ слова, однако онъ *самъ произнесъ уже на себя анаеему своимъ дѣломъ* и отлучилъ себя отъ истинной Церкви Христовой. Послѣдней такимъ образомъ остается только въ случаѣ надобности *засвидѣтельствовать* этотъ совершившійся фактъ, т. е. что извѣстный учитель въ горделивомъ превозношеніи дерзнулъ уклониться въ своей проповѣди отъ благовѣстія апостоловъ и слѣдовательно подвергъ себя ихъ грозной анаеемѣ. И само собою разумѣется, при этомъ совершенно безразлично и не имѣетъ никакой важности то обстоятельство, — живъ-ли еще тотъ или другой иноблаговѣстникъ, или-же давно умеръ: вѣдь на него обрушилась анаеема, произнесенная апостоломъ, и обрушилась совсѣмъ независимо отъ того, была-ли произнесена она позднѣйшею Церковію на вселенскомъ соборѣ. Не видя особенной нужды, Церковь могла и не составлять такого собора и не анаеematствовать извѣстнаго еретика; тѣмъ не менѣе онъ былъ уже *самоосужденъ и отлученъ* отъ истинной вселенской Церкви („Невидимымъ дѣйствіемъ суда Божія“ — по выраженію нашего Катихизиса). Впослѣдствіи конечно могла представиться неотложная надобность засвидѣтельствовать объ этомъ совершившемся фактѣ, — и Церковь могла дать такое свидѣтельство, хотя-бы еретикъ давно уже умеръ. Такъ именно она и засвидѣтельствовала на V вселенскомъ соборѣ относительно Θεодора Мопсуестскаго, увѣряя при этомъ, что онъ умеръ отнюдь не въ общеніи и мирѣ съ Церковію, какъ въ некоторымъ казалось, но отлученнымъ отъ нея, ибо старался благовѣствовать вѣрующимъ не то, что Церковь приняла отъ апостоловъ, и къ тому-же упорствовалъ

въ этомъ своемъ иноблаговѣстїи, слѣдовательно умеръ самоосужденнымъ подъ анаеемою апостола.

Руководствуясь такимъ-то воззрѣніемъ на обязательность неизмѣннаго храненія апостольскихъ догматовъ, Церковь поступала точно такъ-же и относительно всѣхъ другихъ еретиковъ. Она—видимъ мы позднѣе—произнесла анаеему на тѣхъ моноелитовъ, которые умерли значительно прежде, нежели шестой вселенскій соборъ опредѣлилъ догмать о двухъ воляхъ въ Господѣ Иисусѣ Христѣ. И напрасно здѣсь г. Соловьевъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы увѣрить читателей, будто-бы одинъ изъ этихъ осужденныхъ еретиковъ, папа Гонорій, даже не понималъ въ свое время, о чемъ собственно идетъ рѣчь и потому самъ говорилъ невпопадъ ¹⁾. Во-первыхъ, всѣ увѣренія его остаются по-прежнему голословными: онъ только рекомендуетъ всѣмъ и каждому прочитатъ посланіе этого папы къ константинопольскому патріарху Сергію; самъ-же не беретъ на себя труда повнимательнѣе проанализировать это посланіе и сравнить его съ ученіемъ позднѣйшихъ моноелитовъ (напр. патріарха антиохійскаго Макарія, присутствовавшего и защищавшаго свое ученіе на VI вселенскомъ соборѣ). А между тѣмъ, изъ такого анализа и сравненія для меня (можетъ быть—и для читателей) съ несомнѣнностію выяснилось, что папа Гонорій достаточно понималъ, въ чемъ сущность спора, и самъ разсуждалъ по вопросу о воляхъ въ Иисусѣ Христѣ вовсе не наобумъ, а вполне сознательно и обдуманно, такъ что Макарій антиохійскій въ своихъ разсужденіяхъ почти ничего новаго и не прибавилъ къ высказанному у Гонорія ²⁾. Это—во-первыхъ; но это еще не особенно важно въ настоящемъ случаѣ. Во-вторыхъ-же, —и это-то самое главное,—сущность дѣла у насъ вовсе не въ личности Гонорія, а въ самомъ фактѣ анаематствованія умершихъ моноелитовъ,—въ фактѣ, противъ котораго не спорить никто. И если для г. Соловьева такъ дорогъ авторитетъ вселенскаго (чит. римскаго) *первосвященника*, что не щадя достоинства вселенскаго Собора,

¹⁾ Прав. Обзор. 1885, дек. 771; Истор. и будущность теократіи, стр. 52.

²⁾ См. журн. Вѣра и Разумъ 1886, № 20, стр. 461—462 (Церковн. отд.)

онъ для оправданія папы употребляетъ всевозможныя усилія и придумываетъ способы, до которыхъ не додумались даже наиболѣе усердные поклонники папскаго авторитета—оо. іезуиты, то мы, пожалуй, оставимъ на-время Гонорія неприкосновеннымъ и обратимся къ другимъ моноелитамъ. Въ-стѣ съ Гоноріемъ, какъ извѣстно, соборъ осудилъ еще константинопольскихъ епископовъ Сергія, Пирра, Павла, Петра и александрійскаго Кира, также умершихъ ранѣе собора. Эти восточные епископы не столь дороги сердцу г-на Соловьева, какъ римскій папа Гонорій, и оправдывать ихъ онъ не дѣлаетъ попытки. Пусть же скажетъ онъ намъ,—за какую вину VI вселенскій соборъ осудилъ этихъ епископовъ, если при жизни ихъ церковное ученіе о двухъ воляхъ въ Иисусѣ Христѣ не было еще обязательнымъ догматомъ и если поэтому они могли безнаказанно отвергать его, не становясь eo ipso еретиками и не лишаясь общенія съ Церковію? Впрочемъ, отвѣтъ на это мы едва-ли получимъ; и съ своей стороны опять-таки можемъ съ увѣренностію сказать: съ точки зрѣнія постепеннаго *развитія* догматовъ фактъ этотъ остается необъяснимымъ и непоятнымъ,—скорѣе приходится утверждать, что вселенскій соборъ погрѣшилъ, признавъ еретиками и предавъ анаѳемѣ людей православнѣйшихъ и невиннѣйшихъ въ мірѣ; съ точки же зрѣнія неизмѣннаго *храненія* богооткровенныхъ догматовъ этотъ фактъ объясняется такъ-же естественно и просто, какъ и фактъ анаѳематствованія Θεодора Мопсуестскаго, при чемъ на вселенскій соборъ не набрасывается ни малѣйшей тѣни. Да еслибы даже мы и допустили это, въ высшей степени невѣроятное и неправдоподобное, предположеніе, что вселенскій соборъ несправедливо призналъ еретиками невиннѣйшихъ членовъ Христовой Церкви, то и въ такомъ случаѣ фактъ все-таки остался бы фактомъ и вмѣстѣ неоспоримымъ показателемъ общецерковнаго сознанія. Вѣдь, и при такомъ предположеніи, изъ него съ несомнѣнностію вытекало бы, что, по сознанію вселенской Церкви, члены ея обязаны принимать богооткровенныя истины вѣры даже ранѣе опредѣленія ихъ на соборахъ авторитетнымъ учительствомъ и что отвергать ихъ сознательно отнюдь нельзя подъ страхомъ

отлученія. И слѣдовательно, весь вопросъ здѣсь долженъ сводиться только къ тому, — были ли упомянутые выше епископы, проповѣдывавшіе моноелитизмъ и подпавшіе за это анаемѣ VI вселенскаго собора, дѣйствительными еретиками, сознательно и упорно противившимися церковной истинѣ, или же всѣ они повинны были только въ неосознательномъ заблужденіи, такъ какъ всѣ ровно ничего не понимали въ возникшемъ тогда спорномъ вопросѣ и вслѣдъ за Говоріемъ всѣ твердили объ одной волѣ въ Иисусѣ Христѣ совершенно наобумъ и невпопадъ. Только въ этомъ здѣсь и можетъ быть различіе, но вовсе не въ томъ, была ли опредѣлена вселенскою Церковію истина о двухъ воляхъ въ Иисусѣ Христѣ, или же оставалась еще неопредѣленною. Это послѣднее различіе по времени опредѣленія догматической истины, *различіе въ эпоху*, на которомъ такъ упорно настаиваетъ г. Соловьевъ ¹⁾, для VI вселенскаго собора, очевидно, не имѣло никакого значенія.

Не имѣло оно значенія и для VII вселенскаго собора, опредѣлившаго догматъ иконопочитанія. Опредѣляя этотъ догматъ, соборъ несомнѣнно признавалъ его обязательнымъ для вѣрующихъ уже ранѣе 787 года и потому не считалъ несправедливымъ провозгласить анаему тѣмъ противникамъ иконопочитанія, которые жили, дѣйствовали и умерли значительно *прежде* соборнаго опредѣленія (именно—императорамъ Льву Исаврянину и Константину Копрониму, съ ихъ соотрудниками). Ясное дѣло, — всѣ эти лица, по возрѣнію вселенской Церкви, были такими же еретиками и отступниками, какъ и иконоборцы—современники Никейскаго собора. „Различіе въ эпохѣ“ между тѣми и другими иконоборцами не могло служить оправданіемъ для первыхъ изъ нихъ и не избавляло ихъ отъ церковной анаемы. Не снимало оно вины и съ тѣхъ епископовъ—иконаборцевъ, которые принимали участіе въ соборѣ Константина Копронима 754 г., такъ что, когда эти епископы пожелали участвовать на соборѣ православномъ, отъ нихъ потребовалось искреннее сердечное раскаяніе въ прежнемъ поступкѣ, какъ необходимое условіе, безъ котораго они не

¹⁾ Истор. и буд. теокр. 57.

могли быть даже допущены въ среду правовѣрныхъ пастырей ¹⁾. Здѣсь невольно возникаетъ вопросъ: если иконопочитаніе не было обязательно до самаго послѣдняго момента формальнаго опредѣленія его 13 октября 787 года и если во всю предшествовавшую эпоху христіанамъ позволительно было мыслить и дѣйствовать иконоборчески—какъ утверждаетъ теорія развитія догматовъ,—то въ чемъ же состояла вина упомянутыхъ иконоборческихъ императоровъ и затѣмъ епископовъ? За какое преступленіе были анаематствованы первые изъ нихъ и въ какомъ грѣхѣ приносили раскаяніе и слезно просили прощенія послѣдніе? „О какомъ *единеніи* съ Церковію (повторю прежнія свои слова, потому что ни г. Соловьевъ, ни г. Кристи не отвѣтили на нихъ) стали бы умолять они, если-бы не сознавали, что, отвергнувъ иконопочитаніе, они вмѣстѣ съ тѣмъ по „невидимому дѣйствию суда Божія“ отторглись уже отъ католической Церкви, хотя видимаго суда церковнаго надъ ними пока не совершалось? И зачѣмъ было бы самому собору, при видѣ этихъ кающихся епископовъ, поставлять вопросъ о томъ: „какъ слѣдуетъ принимать *приходящихъ отъ ереси*?“—Нѣтъ, видно, по *общему* сознанію Церкви того времени, истина иконопочитанія была обязательно и *ранѣе* опредѣленія ея на VII вселенскомъ соборѣ, такъ что иконоборцы императоры умерли вслѣдствіе этого „самоосужденными и отлученными отъ Церкви“ (о чемъ Церковь и дала свое свидѣтельство въ 787 г.), а обратившіеся къ православію епископы оказались „приходящими отъ ереси“ ²⁾.

И вотъ, слѣдовательно, еще случай, гдѣ общецерковное сознаніе по основному вопросу о догматѣ діаметрально расхо-

¹⁾ На всѣ эти факты указывалъ я и ранѣе. (См. журн. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 20, стр. 466—467, церк. отд.). Но противники мои ни единымъ словомъ не обмолвились о нихъ.

²⁾ И вѣдь ни одинъ изъ этихъ епископовъ не спорилъ и не возражалъ противъ этого. А повидимому чего бы легче и проще было оправдаться имъ? Стоило бы только сослаться на то обстоятельство, что истина иконопочитанія не была еще тогда опредѣлена. Нѣтъ, видно, всему христіанскому міру въ то время была чужда эта мысль, что богооткровенная истина вѣры не есть обязательный догматъ, пока не состоялось церковное опредѣленіе ея.

дится съ воззрѣніемъ на тотъ же предметъ гг. Соловьева и Кристи.

Пусть послѣдвіе въ защиту своего понятія о догматѣ ссылаются на извѣстный фактъ изъ жизни св. Григорія Двоеслова, который подвергъ только легкому выговору, а не отлученію отъ Церкви, марсельскаго епископа Серена, разбившаго и выбросившаго иконы. Этотъ фактъ отнюдь не можетъ идти въ сравненіе съ указываемымъ мною. Прежде всего, онъ многими даже приверженцами развитія догматовъ объясняется совсѣмъ не такъ, какъ объясняетъ его г. Соловьевъ ¹⁾. Но если-бы мы и допустили этотъ фактъ безъ всякихъ оговорокъ и въ томъ именно смыслѣ, какой придаютъ ему гг. Соловьевъ и Кристи (т. е. если-бы признали вмѣстѣ съ ними, что Серенъ былъ въ дѣйствительности такимъ-же иконоборцемъ, какъ Левъ Исаврянинъ, Константинъ Копронимъ и единомысленные имъ епископы), то и въ такомъ случаѣ—что отсюда слѣдовало-бы?—Ничего болѣе, какъ только то, что св. Григорій Двоесловъ ошибался, относясь съ излишнею снисходительностію къ ере-

¹⁾ Самъ корифей іезуитскаго богословія, кардиналъ Белларминъ, для котораго также никакая богооткровенная истина вѣры не можетъ быть догматомъ, пока не опредѣлена авторитетомъ учащей Церкви, разсуждаетъ о Серенѣ во II томѣ знаменитаго своего полемическаго сочиненія (*Disputationes de controversiis*) такимъ образомъ: „Серенъ, правда, разбилъ иконы, но никомъ образомъ не можетъ быть причисленъ къ еретикамъ иконоборцамъ. Онъ сокрушилъ иконы, потому что видѣлъ, что недавно обращенные христіане воздавали имъ *божеское почитаніе*—*adorati pro Diis*“. (И въ нашъ XIX вѣкъ іезуитъ Перроне, именуемый у г. Соловьева *классическимъ* богословомъ, передавая мысль Беллармина, дѣлаетъ замѣчаніе, что подвѣдомственные Серену христіане чтили иконы *cultu superstitioso et absoluto*, а не *relativo* только, какъ требуетъ божественная истина¹. И только уже въ заключеніи Белларминъ присоединяетъ краткую оговорку, существенная мысль которой схвачена и раздута въ патетическихкихъ фразахъ гг. Соловьева и Кристи, —именно, что Серена, строго говоря, не зачѣмъ даже и оправдывать отъ обвиненія въ ереси, такъ какъ въ его время иконопочитаніе не было еще опредѣлено Церковію и слѣдов. онъ ничего не сдѣлалъ и не проповѣдывалъ *contra fidem et veritatem*. (Для іезуита и *veritas* не существуетъ, если она не опредѣлена церковнымъ учительствомъ!!). Но приводя настоящую цитату изъ Беллармина, я все-таки усерднѣе просилъ-бы г-на Соловьева отнюдь не воображать, будто-бы я въ отчаяніи и самозабвеніи прибѣгаю теперь подъ сѣнь іезуитскаго авторитета. Привести цитату изъ писателя не всегда вѣдь значитъ прибѣгать къ авторитету его. И въ настоящемъ случаѣ я хочу только показать, что фактъ, приводимый г. Соловьевымъ, даже единомыс-

тику. Допустить подобную ошибку со стороны св. отца, какъ бы великъ и знаменитъ онъ ни былъ, всегда возможно уже аргюги; но допустить погрѣшность со стороны всей вселенской Церкви, и притомъ погрѣшность не въ научномъ какомъ-либо и просто-историческомъ вопросѣ, а въ принципиальномъ рѣшеніи вопроса чисто-догматическаго, для меня представляется рѣшительно невозможнымъ... Г. Соловьевъ, приведя выдержку изъ посланія св. Григорія къ Серену, восклицаетъ съ торжествомъ: „понималъ-же однако этотъ великій учитель Церкви, одинаково прославленный и на Западѣ и на Востокѣ, понималъ-же онъ различіе между явною ересью и неосмотрительнымъ рвеніемъ, не могъ-же онъ подвергнуть легкому выговору того, кто заслуживалъ-бы анаѣму“¹⁾. — Хорошо сказано. Но неужели мы, заключая теперь отъ противнаго, должны будемъ признать, что вселенская-то Церковь (выразителемъ которой во всякомъ случаѣ былъ VII вселенскій соборъ), осуждая умершихъ иконоборцевъ, не понимала этого различія между явною ересью и неосмотрительнымъ рвеніемъ, подвергла анаѣмѣ тѣхъ, кто

ленниками его по вопросу о развитіи догматовъ понимается и изъясняется весьма различно. Но и только. Прибѣгаю-же я подъ сѣнь авторитета единственно самой вселенской Церкви, провозгласившей анаѣму на седьмомъ соборѣ всѣмъ иконоборцамъ, умершимъ ранѣе 787 года. И этотъ авторитетъ я считаю настолько достаточнымъ, что, оградившись имъ, не вижу надобности прибѣгать къ какому-либо другому въ родѣ папскаго или іезуитскаго. (Подобное заявленіе съ моей стороны, конечно, было-бы совершенно излишне во всякомъ другомъ случаѣ; но въ полемикѣ съ г. Соловьевымъ оказывается и оно необходимымъ. Вѣдь нашель-же возможнымъ этотъ почтенный противникъ уличить меня въ томъ, что я „въ отчаяніи и самозабвеніи прибѣгаю даже подъ сѣнь папскаго авторитета“, — и уличить на томъ только основаніи, что я цитовалъ папу Григорія II, отлучившаго отъ Церкви иконоборца Льва Исаврянина задолго до VII вселенскаго собора. См. „Истор. и буд. теокр.“ стр. 57—58. Заключая столь наивнымъ образомъ, г. Соловьевъ могъ бы еще съ большимъ злорадствомъ уличить меня въ томъ, что я прибѣгаю подъ сѣнь авторитета даже еретика Несторія, ибо въ первой своей статьѣ я и его цитовалъ, доказывая ту мысль, что не только правотрующимъ членамъ Церкви, но и самимъ еретикамъ, словомъ—всему христіанскому міру всегда было присуще убѣжденіе, что сдѣлаться еретикомъ и подпасть анаѣмѣ можно и прежде вселенскаго опредѣленія догматической истины. Остается подивиться, какъ г. Соловьевъ упустилъ случай подмѣтить и здѣсь у меня „верхъ отчаянія и самозабвенія“; слѣдовало-бы ему восполнить этотъ пробѣлъ въ нашей полемикѣ)...

¹⁾ Истор. и будущ. теократія, стр. 57. Прав. Обзор. 1885 г. дек. 775.

въ дѣйствительности заслуживалъ-бы только легкаго порицанія? Такой ошибки—изволите видѣть—не могъ допустить великій папа римскій, а вселенскій соборъ допустилъ ее?!. Свѣжо, конечно, это латинское преданіе,—только вѣрится ему съ трудомъ!.. Скорѣе—думается мнѣ—можно-бы повѣрить голосу вселенской Церкви, которая неоднократно анаематствова-ніемъ умершихъ еретиковъ выразила съ очевидностію то убѣжденіе, что богооткровенныя истины вѣры суть обязательныя догматы даже ранѣе опредѣленія ихъ на соборахъ и что, отвергая ихъ сознательно, христіане тѣмъ самымъ отлучаютъ себя отъ истинной Церкви Христовой. А еще скорѣе и охотнѣе я повѣрилъ-бы тому, что какъ вся вообще вселенская Церковь, такъ въ частности и св. Григорій Двоесловъ одинаково хорошо и правильно понимали, что такое догматъ и что такое ересь,—но что только гг. Соловьевъ и Кристи совершенно неправильно понимаютъ и объясняютъ слова и поступокъ этого св. отца, составляя отсюда и невѣрное понятіе о догматѣ.

Говоря короче: основываясь на указанномъ и общепризнанномъ фактѣ анаематствования Церковію умершихъ еретиковъ, я уже а priori могу отвергнуть всѣ тѣ спорныя факты, на которыхъ основываются гг. Соловьевъ и Кристи. Пожалуй, напр., г. Соловьевъ вздумалъ теперь увѣрять насъ даже въ томъ, что св. Кириллъ Александрійскій, по своему ученію объ Иисусѣ Христѣ, былъ не только монофизитъ, но вмѣстѣ и моноелитъ (Истор. и будущ. теократіи, 52—53. Примѣч.). Не вдаваясь на этотъ разъ въ подробное разсмотрѣніе ученія св. Кирилла о Лицѣ Господа Иисуса Христа, я прямо уже отвергаю положеніе г. Соловьева,—и отвергаю именно на томъ основаніи, что будь этотъ великій святитель въ дѣйствительности моноелитомъ, Церковь несомнѣнно подвергла-бы анаемѣ и его, какъ поступила она съ папою Гоноріемъ. То обстоятельство, что александрійскій святитель умеръ ранѣе VI вселенскаго собора, опредѣлившаго истину двоякой воли и дѣйствія во Христѣ, не послужило-бы ему оправданіемъ и не спасло-бы отъ анаемы, какъ не помогло это самое обстоятельство всѣмъ другимъ моноелитамъ, умершимъ также ранѣе 680 года. И, слѣдовательно если вселенская Церковь причислила Кирилла

къ лику святыхъ своихъ учителей, вмѣсто того, чтобы варавнѣ съ Говоріемъ и прочими подвергнуть его анаемѣ, то это для меня явный знакъ, что не Кириллъ отвергалъ догматъ о двухъ воляхъ во Христѣ, а только г. Соловьевъ неправильно понимаетъ его ученіе,—подобно тому какъ онъ неправильно истолковалъ въ монофизитскомъ смыслѣ извѣстное выраженіе этого отца „μία φύσις“, тогда какъ вся вселенская Церковь устами Халкидонскаго собора засвидѣтельствовала, что фразу эту отнюдь нельзя понимать въ такомъ ложномъ смыслѣ и что Кириллъ Александрійскій училъ объ Иисусѣ Христѣ совершенно такъ-же, какъ Левъ Римскій и Флавіанъ Копстантинопольскій¹⁾).

Совершенно тоже самое слѣдуетъ сказать и относительно всѣхъ другихъ фактовъ, приводимыхъ защитниками теоріи

¹⁾ Г. Соловьевъ (см. его „Исторія и будущн. теократіи“ кн. II, гл. V) между прочимъ говоритъ слѣдующее: „св. Кириллъ Александрійскій въ своихъ толкованіяхъ на евангеліе отъ Іоанна доказываетъ, что когда слово Божіе различаетъ въ Христѣ двѣ воли, то это дѣлается лишь приснособительно къ нашимъ человѣческимъ понятіямъ и къ немоци словъ, на самомъ-же дѣлѣ въ Христѣ не только одна воля, но Онъ самъ всецѣло есть воля Отца“.—Разумѣется, со стороны г. Соловьева это весьма послѣдовательно и логично: розыскавъ въ твореніяхъ великаго отца и учителя Церкви *монофизитизмъ* (хотя-бы только уточненный), онъ долженъ былъ розыскать у него и *моновелитизмъ*, какъ прямой выводъ изъ монофизитизма.

На самомъ-же дѣлѣ оказывается, что св. Кириллъ училъ о воляхъ въ Иисусѣ Христѣ совершенно такъ-же, какъ училъ объ этомъ и вся вселенская Церковь со времени VI вселенск. собора. Онъ признаетъ именно въ Иисусѣ Христѣ, съ одной стороны, *волю божественную*, вполне тождественную съ волею Отца и Св. Духа, *поколикую Онъ есть Богъ*, единосущный Отцу и Духу; съ другой стороны онъ признаетъ въ Немъ и *волю человѣческую*, свободную отъ грѣха, но все-таки подверженную человѣческимъ слабостямъ, *поколикую Онъ есть смѣть и человекъ*. И въ этомъ-то безспорно правильномъ убѣжденіи св. Кириллъ утверждаетъ далѣе, что для Иисуса Христа крестныя страданія и смерть были желательны и вмѣстѣ нежелательны,—желательны для Его божества, нежелательны для человечества,—и что воля человѣческая во Христѣ подчинилась волѣ Божественной.

Впрочемъ, вотъ нѣсколько выдержекъ изъ подлинныхъ словъ его.

Въ IV кн. толкованій на евангеліе Іоанна мы читаемъ напр.: „умереть за всѣхъ Ему (Христу) было желательно, такъ какъ этого хотѣло божественное естество Его, а вмѣстѣ и нежелательно по причинѣ крестныхъ страданій и поколикую это касалось плоти, вмѣющей отвращеніе отъ смерти“. (Migne, patrol. curs. compl. graec. tom. 73, p. 532. Срав. p. 541). Затѣмъ въ VIII кн. тѣхъ-же толкованій говорится у него слѣдующее: „какъ человекъ (ὡς ἄνθρωπος) Христосъ

развитія догматовъ. Подвергаемые сильнымъ сомнѣнiямъ и спорамъ даже въ средѣ сторонниковъ этой теорiи, факты эти съ полнымъ правомъ могутъ быть заподозрѣны а рiогi, безъ всякихъ кропотливыхъ историческихъ справокъ; вмѣстѣ-же съ фактами, конечно, и основанное на нихъ понятiе о догматѣ точно также должно быть отвергнуто, ибо оно прямо противорѣчитъ общецерковному воззрѣнiю на этотъ предметъ. Пусть Церковь выразила это воззрѣнiе свое на догматъ не въ какой-либо точно-опредѣленной формулѣ, а только въ указанномъ нами, безспорномъ и неоднократно анаематствованiи умершихъ еретиковъ. Но вѣдь позволительно думать, что для вѣрующихъ обязательны не однѣ только точныя формулы, составленныя и изданныя вселенскими соборами, а вообще церковное вѣросознанiе, непрестанно охраняемое Духомъ Божиимъ

приходитъ въ ужасъ отъ воспоминанiя о смерти, но какъ Богъ (ἀλλ'ὡς Θεός) тотчасъ утишаетъ пробужденную страсть и преобразуетъ въ дерзновенiе то, что было подавлено ужасомъ". (Migne, tom. 74, p. 8). „Христу Спасителю, *поколикую Онъ былъ человекъ*, нежелательно было пострадать на крестѣ“ (см. Дѣян. всел. соб. VI т. стр. 246). И еще въ X кн. тѣхъ-же толкованiй: „какъ Онъ (Иисусъ Христосъ) единосущенъ Своему Отцу, такъ-же точно имѣетъ и одно съ Нимъ хотѣнiе, потому что въ одномъ существѣ конечно одно и хотѣнiе и одно намѣренiе, а разногласiя нѣтъ никакого“. Еще яснѣе и опредѣленнѣе раскрываются эти мысли въ толкованiяхъ св. Кирилла на евангелiе Матоев. „Если,—говоритъ наир. онъ здѣсь,—если едина и единосущна Святая Троица и въ Ней одно разумѣется Божество, то какимъ образомъ была бы не одна и та же воля у Отца и Сына и Святаго Духа? И такъ весьма сообразно съ состоянiемъ униженiя и свойственно человекъ Онъ тихо трепещетъ смерти, которая противна природѣ и вошла въ нее чрезъ проклятiе, но какъ Богъ Онъ тотчасъ-же презираетъ ее и говоритъ: „не яко же Азъ хочу, но яко же Ты“ (Мате. XXVI, 39). Наконецъ, вотъ еще цитата, прекрасно подходящая къ нашему случаю: „*поколикую Онъ (Христосъ) есть Богъ*, Онъ не внѣ воли Отца, а лучше Самъ Онъ есть воля Бога Отца, такъ какъ въ премудрости находится и воля Отца, а премудрость есть Сынъ“ (см. въ Дѣян. вселен. соб. русск. пер. VI, 244; срав. Mansi, XI. p. 412). Замѣчательное обстоятельство: цитата эта почти буквально совпадаетъ съ цитатою, приведенною у г. Соловьева, съ тою только разницею, что у послѣдняго нѣтъ добавленiя: „поколикую Онъ (Христосъ) есть Богъ“ (ἐπειχὰ τὸ εἶναι Θεός). А между тѣмъ, какъ много значить это небольшое добавленiе! Какой свѣтъ проливаетъ оно на то, не вполне ясное, мѣсто изъ II кн. толкованiй на евангелiе Иоанна, которое не сумѣлъ понять г. Соловьевъ, забывшiй, повидимому, общезвѣстное правило, повелѣвающее толковать и понимать писателя (особенно—древняго) согласно съ нимъ самимъ, какъ онъ самъ себя изъясняетъ...

и потому непогрѣшимое, независимо отъ формы, въ какой оно бываетъ выражаемо сообразно съ требованіями времени.

Такъ обстоитъ дѣло съ общимъ вопросомъ о догматѣ,— съ вопросомъ основнымъ и исходнымъ для всей теоріи догматическаго развитія. Мы видимъ,—вопросъ этотъ рѣшается церковнымъ сознаниемъ совсѣмъ иначе, нежели приверженцами разсматриваемой теоріи.

Но этого мало. И самый послѣдній выводъ, къ которому въ концѣ-концовъ приводитъ эта теорія, въ свою очередь оказывается также несостоятельнымъ и несогласнымъ съ воззрѣніями Церкви. Выводъ этотъ, какъ мы уже знаемъ, гласитъ слѣдующее: католичество не есть ересь, ибо учениемъ своимъ оно не противорѣчитъ никакому всецерковно опредѣленному и общеобязательному догмату и никакимъ приговоромъ вселенской Церкви оно доселѣ не осуждено. Нѣтъ спора,—съ формально-юридической католической точки зрѣнія, усвоенной нашими приверженцами догматическаго развитія, представленный выводъ совершенно вѣренъ и правиленъ, ибо даже самый послѣдній и самый чудовищный догматъ латинства, догматъ папской непогрѣшимости, не противорѣчитъ прямо никакому соборно-опредѣленному догмату вселенской Церкви:—ни одинъ вѣдь вселенскій соборъ не оставилъ послѣ себя такого догматическаго опредѣленія, которое гласило-бы, что „папа погрѣшимъ“... Дѣйствительно, съ этой стороны положеніе гг. Соловьева и Кристи остается вполне неуязвимымъ. Но здѣсь опять возникаетъ вопросъ: чему собственно слѣдуетъ приписать предикатъ непогрѣшимости и неизмѣняемости,—догматическимъ-ли опредѣленіямъ и формуламъ, въ которыхъ вселенская Церковь выражаетъ по временамъ свое вѣросознаніе, или-же этому самому сознанию, независимо отъ формы, въ которой оно находитъ свое выраженіе? По моему искреннѣйшему убѣжденію, непогрѣшимымъ и неизмѣняемымъ въ своей сущности должно быть признано самое вѣросознаніе вселенской Церкви, независимо отъ того, въ точныхъ-ли догматическихъ формулахъ выражено оно, или-же какимъ-нибудь другимъ образомъ. Формы выраженія этого вѣросознанія могутъ быть весьма различны, смотря по особеннымъ усло-

віямъ той или другой эпохи; но самое содержаніе его всегда остается и должно остаться однимъ и тѣмъ-же. Противорѣчить себѣ, вмѣщать въ своемъ содержаніи въ одно время однѣ истины, а въ другое—другія, прямо противоположныя прежнимъ, вселенское сознаніе, охраняемое Божественнымъ Духомъ, отнюдь не можетъ. И съ этимъ-то неизмѣннымъ содержаніемъ общецерковнаго вѣросознанія обязанъ согласоваться каждый отдѣльный членъ Церкви, подъ опасеніемъ отдѣлиться отъ нея и подпасть анаемѣ апостола въ случаѣ сознательнаго и упорнаго уклоненія отъ церковныхъ вѣрованій, хотя-бы даже вѣрованія эти и не были точно опредѣлены и формулированы ¹⁾. Если-же такъ, если непогрѣшимо и непреложно самое сознаніе вселенской Церкви, а не только догматическія формулы, въ которыхъ оно бываетъ иногда выражаемо, и если ересью мы должны поэтому признать сознательно-упорное противленіе именно общецерковнымъ *вѣрованіямъ*, а не *формуламъ* только и *опредѣленіямъ*,—то съ этой точки зрѣнія католицизмъ несомнѣнно есть ересь, ибо въ вѣроисповѣданіи своемъ онъ давно заявилъ уже явное противленіе общецерковному сознанію, въ послѣднее-же время выразилъ это противленіе съ особенною силою и дерзостію. Я говорю о Ватиканскомъ догматѣ 1870 г. Этотъ догматъ католицизма несомнѣнно и воочію противорѣчитъ общему сознанію вселенской Церкви, хотя, конечно, выразилось это сознаніе по вопросу о папской непогрѣшимости не въ какой-либо точно опредѣленной догматической формулѣ, а просто въ вышеупомянутомъ уже фактѣ анаематствованія папы Гонорія шестымъ вселенскимъ соборомъ. Здѣсь я не буду даже входить въ разсмотрѣніе того

¹⁾ Есть немало богооткровенныхъ истинъ вѣры въ христіанской Церкви, которыя усвоены общимъ ея сознаніемъ, но которыя доселѣ еще не получили точнаго опредѣленія и формулировки. Неужели-же по этой только причинѣ всѣ онѣ не могутъ быть названы догматами, обязательными для вѣрующихъ? Неужели напр. ученіе о *семи благодатныхъ таинствахъ* не есть обязательный догматъ въ виду того, что ни одинъ вселенскій соборъ не оставилъ послѣ себя формулы: „таинства семь?“ Да и самый догматъ *непогрѣшимости вселенскихъ соборовъ*: насколько знаю, не былъ опредѣленъ никакимъ вселенскимъ соборомъ. Но развѣ вслѣдствіе этого онъ не обязателенъ для вѣрующихъ?... Было-бы излишне приводить здѣсь множество другихъ примѣровъ.

вопроса, правильно-ли осужденъ этотъ папа,—какъ утверждалъ это я на основаніи тщательнаго анализа посланія его къ Сергію константинопольскому ¹⁾, или-же неправильно,—какъ заявилъ это г. Соловьевъ, ссылаясь на то-же посланіе, но совершенно голословно, безъ малѣйшей попытки проанализировать его ²⁾. Какъ-бы ни былъ рѣшенъ этотъ вопросъ, въ положительномъ-ли смыслѣ, или-же въ отрицательномъ,—это въ настоящемъ случаѣ вполне безразлично. Важенъ здѣсь самый фактъ анаеematствованія, именно—этотъ голый фактъ. Вѣдь, въ немъ съ непосредственною и неопровержимою очевидно-стію выразилось общее убѣжденіе вселенской Церкви, что римскій папа, во-первыхъ, подлежитъ суду вселенскаго собора, и во-вторыхъ, что онъ можетъ погрѣшать въ вопросахъ вѣры христіанской. Я сказалъ: „общее убѣжденіе вселенской Церкви“. Въ самомъ дѣлѣ, папу анаеematствовали не одни только восточные епископы,—восточная Церковь и теперь не считаетъ грѣхомъ провозглашать анаеему римскимъ папамъ,—но и епископы западные во главѣ съ папою Агаеономъ. Да и впоследствии римская церковь нѣсколько вѣковъ продолжала анаеematствовать своего злосчастнаго папу; и даже до XI вѣка существовала особая торжественная присяга, которую обязанъ былъ давать каждый папа при вступленіи въ свою должность и въ которой провозглашалась анаеема Гонорію ³⁾. Итакъ, снова повторяю,—убѣжденіе въ подсудности римскаго папы вселенскому собору и въ его погрѣшимости было нѣкогда общимъ убѣжденіемъ вселенской Церкви Христовой во всѣхъ ея частяхъ. Это несомнѣнно и безспорно. Но вотъ въ наши дни пресловутый Ватиканскій соборъ, именуемый у папистовъ „вселенскимъ“, дерзнулъ проповѣдовать и навязывать въ качествѣ догмата не только добрымъ католикамъ, но и всему христіанскому міру, истину какъ разъ противоположную указанному общецерковному убѣжденію. Что-же это? Развѣ не ересь? Развѣ не созвательное и упорное

¹⁾ „Вѣра и Разумъ“ 1886, № 20, стр. 461—462 (Церк. отд.).

²⁾ „Прав. Обзор.“ 1886, май—іюнь, стр. 364. Истор. и буд. теокр. стр. 52 примѣчан.

³⁾ Присягу эту можно читать въ Liber diurnus. 1869. Par.

противленіе общецерковному вѣрованію? и развѣ не злое покушеніе извратить и переиначить исконныя воззрѣнія вселенской Церкви?... Католики, конечно,—а вмѣстѣ съ ними и наши проповѣдники догматическаго развитія—прячутся за то обстоятельство, что ватиканскій декретъ не противорѣчитъ прямо никакому догматическому опредѣленію общепризнанныхъ вселенскихъ соборовъ. Это правда. Но мы видѣли уже, что такая увертка не спасла въ свое время Θεодора Мопсуестскаго и что V вселенскій соборъ объявилъ его не сохранившимъ *правыхъ догматовъ* Церкви и потому отлученнымъ отъ нея, хотя онъ также не противорѣчилъ прямо ни одному догматическому опредѣленію бывшихъ до него вселенскихъ соборовъ. И мы слышали еще, что сказалъ этотъ вселенскій соборъ тѣмъ защитникамъ Θεодора Мопсуестскаго, которые вздумали утверждать, что онъ умеръ въ общеніи и мирѣ съ Церквами;—онъ сказалъ, что „это ложь и клевета противъ Церкви“. Тоже самое въ правѣ сказать и мы теперь нашимъ защитникамъ папизма въ отвѣтъ на ихъ заявленіе, что католицизмъ не осужденъ Церковію ¹⁾.

Таково значеніе для теоріи развитія догматовъ указаннаго и рассмотрѣннаго нами безспорнаго факта анаематствованія умершихъ еретиковъ вселенскими соборами. Значеніе это можно назвать *рѣшающимъ*. И въ виду такого-то значенія его приверженцы догматическаго развитія не могли не обратить на него вниманія. Имъ необходимо было какъ-нибудь устранить и перетолковать его. Дѣйствительно и г. Кристи, и наконецъ самъ г. Соловьевъ сдѣлали попытки къ этому. Взглянемъ-же теперь на ихъ попытки,—сколь онѣ удачны.

Вотъ прежде всего замѣчательная въ своемъ родѣ попытка г-ва Кристи.

¹⁾ И пусть не думаютъ гг. Соловьевъ и Кристи, что это только наше личное мнѣніе. Нѣтъ,—такое убѣжденіе всей восточно-православной апостольской Церкви, ясно выраженное въ ея извѣстномъ „Окружномъ посланіи“ 1848 г. 6 мая (стр. 4, 32—39), принятомъ и нашимъ Святейшимъ Синодомъ.

Нападая безъ разбору на всѣ первыя мои возраженія (подписанныя инициалами), онъ говоритъ между прочимъ „Г. А. Ш. указываетъ на несомнѣнно существовавшій фактъ анаематства соборомъ еретиковъ за предшествовавшее собору ученіе и даже если сами еретики уже умерли. Но только г. А. Ш. ошибается, думая, что это сколько-нибудь противорѣчитъ теоріи развитія догматовъ, и этимъ подтверждаетъ слова г. Соловьева, что онъ спорить съ нимъ, не понявши его точки зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ говоритъ-ли теорія развитія догматовъ о томъ, что соборъ постановлялъ анаемы на будущее время, не проклиная прошедшихъ ересей?“¹⁾—Разумѣется, не говоритъ,—отвѣчу я на это,—но вѣдь и я-то не о томъ говорю. Какъ не можетъ (или не хочетъ?) понять г. Кристи, что между „еретикомъ“ и „ересью“ есть маленькое различіе, что подъ первымъ разумѣется *личность* человѣческая, а подъ второю—*ученіе*, и что отождествлять одно съ другимъ отнюдь нельзя?!. Конечно,—и я это очень хорошо понимаю,—что по теоріи развитія догматовъ *ересь* должна быть осуждена, хотя-бы она и предшествовала собору, ибо въ ней и до собора уже заключается ложь и неправда, которую на будущее время слѣдуетъ искоренить. Но вѣдь *еретикъ*-то, проповѣдывавшій эту самую ересь *ранѣе* собора осудившаго ее, по той-же теоріи Соловьева—Кристи, не былъ еще еретикомъ, заслуживавшимъ анаемы, ибо онъ не былъ обязанъ держаться противоположнаго церковнаго ученія, въ его время еще неопредѣленнаго и слѣдовательно не общеобязательнаго. Вѣдь, и по словамъ самого г. Кристи, Несторій напр. сдѣлался еретикомъ уже *послѣ* Ефесскаго собора, когда онъ не подчинилъ своихъ умствований постановленіямъ собора²⁾. Не значитъ-ли это, что *ранѣе*-то собора Несторій вовсе не былъ еретикомъ, а оставался членомъ Церкви, и анаемѣ церковной *до* соборныхъ постановленій ни въ какомъ случаѣ не подлежалъ? Если-же такъ, то позволительно еще спросить: когда собственно сдѣлался еретикомъ и заслужилъ анаему церковную Θεодоръ Мопсу-

¹⁾ Прав. Обозр. 1887, февр., 301.

²⁾ Тамъ-же, стр. 303.

естскій, или папа Гонорій, или всякій другой лжеучитель, умершій ранѣе соборнаго постановленія касательно его лжеученія? И здѣсь конечно не о томъ я говорю, что *ученіе* всѣхъ этихъ лжеучителей заслуживало осужденія;—это ясно для меня и безъ разъясненій г-на Кристи. Нѣтъ, я спрашиваю о томъ,—какимъ образомъ вселенская Церковь осудила самыя *личности* ихъ, если всѣ они не были при жизни еретиками, а оставались такими-же членами Церкви, какъ и всѣ прочіе истинно-вѣрующіе, ибо никакому вселенски-догматическому опредѣленію и постановленію прямо не противорѣчили (по той прстой причинѣ, что самое опредѣленіе то состоялось уже послѣ ихъ смерти)? Вотъ о чемъ идетъ у насъ рѣчь, если только г. Кристи захочетъ и можетъ понять это...

Тотъ-же самый отчаянный скачекъ отъ *ереси* и *ученія* къ *иниціатору* ихъ продѣлываетъ г. Кристи еще не одинъ разъ въ своей статьѣ. Напр. на стр. 306 онъ такъ говоритъ: „теорія развитія догмата нисколько не отрицаетъ осужденія соборами ранѣе ихъ появившихся *ересей*, а наоборотъ, эти ереси служили поводомъ для раскрытія новыхъ (*sic!*) догматовъ, а анаематство этихъ ересей дѣлало этотъ (?) догматъ общеобязательнымъ, падая проклятіемъ на всѣхъ его непринимавшихъ. Понятно, что при такомъ положеніи дѣла не составляетъ существенной разницы, живъ-ли *иниціаторъ* той ереси, которая побудила собрать соборъ или которая разбирается между прочимъ на соборѣ, или умеръ. Вѣдь первой обязанностію собора для яснаго раскрытія догмата есть признаніе *ересію* того *ученія*, которое распространяло ложное понятіе о существѣ этого догмата. Такимъ образомъ понятно (!) и осужденіе папы Гонорія, также Θεодора Мопсуе(с)тскаго даже много спустя послѣ его смерти и другихъ *еретиковъ* уже умершихъ“. Подобную-же цитату можно было-бы взять еще и со стр. 312 и др.

Въ одномъ мѣстѣ моихъ возраженій г. Кристи розыскалъ „необычайный комизмъ“, въ другомъ прямую „недобросовѣстность“, наковецъ—во всѣхъ вообще моихъ статьяхъ, направленныхъ противъ теоріи догматическаго развитія, онъ усмотрѣлъ неблаговидныя „инсинуаціи“. Спрошу теперь его

самого: какъ слѣдовало-бы назвать отмѣченное въ его статьѣ перескакиваніе отъ *ученія* къ *учителю*, отъ *ереси* къ *инициатору* ея? Есть-ли это просто нелѣпо-безтолковая, но все-такижъ невинная, путаница, происшедшая только отъ того, что авторъ самъ себя понимать пересталъ, или-же это умышленно-зедобросовѣстный подмѣнъ (*еретиковъ*—*ересями* и обратно), рассчитанный на оптический обманъ довѣрчивыхъ читателей?.. Но во всякомъ случаѣ, чтѣбы это ни было и какъ-бы ни называлось,—цѣли своей оно отнюдь не достигло: фактъ, указанный мною, такъ-таки и остался не устраненнымъ.

Гораздо болѣе толковита и — если угодно — даже болѣе близка къ правдѣ попытка г. Соловьева, которую онъ представилъ въ своей книгѣ „Исторія и будущность теократіи“. Но болѣе-ли она удачна и вполне-ли достигаетъ своей цѣли, — это мы сейчасъ увидимъ.

Въ первыхъ строкахъ, г. Соловьевъ здѣсь прямо и безъ всякихъ обиняковъ признаетъ, какъ общеизвѣстный фактъ, что „на пятомъ соборѣ была осуждена *личность* (а не сочиненія только) давно умершаго лжеучителя Θεодора Мопсуестскаго“. Онъ даже подчеркиваетъ это обстоятельство ¹⁾.—на что не мѣшало-бы обратить вниманіе г-ну Кристи. Далѣе затѣмъ онъ пытается устранить этотъ, неудобный для его теоріи, фактъ такимъ именно способомъ, какой я предугадалъ еще въ началѣ нашего спора, и какой я назвалъ единственно возможнымъ въ положеніи моего противника, если только онъ хочетъ остаться строго-последовательнымъ себѣ ²⁾. Именно, оставаясь вѣрнымъ коренному своему воззрѣнію на непогрѣшительность церковныхъ опредѣленій, г. Соловьевъ признаетъ *безусловную (теоретическую) непогрѣшительность* лишь за опредѣленіями Церкви касательно истинности или лжи того или другого уче-

¹⁾ Курсивъ въ подлинникѣ. См. стр. 51.

²⁾ Не можетъ-ли служить это обстоятельство косвеннымъ доказательствомъ того, что споръ нашъ основывается вовсе не на недоразумѣніяхъ и непониманіи, какъ заявилъ г. Соловьевъ въ „отвѣтъ“ на мои первыя возраженія? Вѣдь еслибы дѣйствительно я не понялъ его основной точки зрѣнія, то конечно я не могъ-бы такъ вѣрно угадать и этой частной мысли его, которой онъ тогда еще не высказывалъ, но которая необходимо должна вытекать изъ его основоположеній.

нiя; все-же остальное, по его мнѣнiю, можетъ имѣть одну лишь *практическую* обязательность для вѣрующихъ, будучи—слѣдовало-бы добавить для ясности—теоретически ошибочнымъ. Иначе и проще говоря: въ осужденiи *личностей* умершихъ лжеучителей Церковь вселенская, по представленiю г. Соловьева, теоретически погрѣшила, руководствуясь практическими соображенiями, и только въ осужденiи самыхъ *лжеученiй* она осталась дѣйствительно непогрѣшимой. Впрочемъ, вотъ его собственныя слова: „приговоръ самой Церкви имѣетъ *безусловную* (теоретическую) *непогрѣшительность* лишь поскольку относится къ опредѣленiю *истинности* или *лжи* извѣстнаго *ученiя*, все же остальное можетъ имѣть и одну практическую обязательность въ данныхъ обстоятельствахъ“¹⁾. Въ этихъ словахъ несомнѣнно есть доля правды, потому что распространять церковную непогрѣшимость на все вообще и безъ всякаго ограниченiя дѣйствительно невозможно. Но, съ другой стороны, нѣтъ рѣшительно никакихъ основанiй ограничивать эту непогрѣшимость лишь *опредѣленiями истинности или лжи* какого-нибудь *ученiя*. Вѣдь, если Церковь, какъ я старался это выяснить, безусловно непогрѣшима не въ однихъ только соборно-догматическихъ опредѣленiяхъ, а вообще въ своемъ вѣросознанiи, то предметомъ ея непогрѣшимости слѣдуетъ признать всѣ вообще вопросы *вѣры* и *догмы*, какъ-бы они ни рѣшались церковнымъ сознанiемъ, въ формѣ-ли опредѣленiй касательно ученiя, или-же въ другой какой-нибудь формѣ,—и исключить отсюда приходится только вопросы *чисто-научныя*, окончательнаго разрѣшенiя которыхъ мы должны искать уже не въ богохранимомъ церковномъ сознанiи, а въ сферѣ естественнаго человѣческаго разума. Съ этой, по моему мнѣнiю единственно правильной, точки зрѣнiя, церковное осужденiе, павшее на Θεодора Мопсуестскаго какъ на еретика, могло-бы быть признано погрѣшительнымъ только въ томъ случаѣ, еслибы научно-историческое изслѣдованiе съ несомнѣнностiю рѣшило въ отрицательномъ смыслѣ тотъ предварительный вопросъ,—проповѣдывалъ-ли на самомъ дѣлѣ этотъ

¹⁾ Стр. 51.

епископъ несторіанское лжеученіе, за которое произнесена на него анаеема. Дѣйствительно, этотъ вопросъ—чисто *научнаго* характера, и правильное рѣшеніе его всецѣло есть дѣло исторической критики, а никакъ не церковнаго сознанія. Рѣшая его въ положительномъ смыслѣ, Церковь пожалуй могла и погрѣшитель, основываясь напр. на подложныхъ сочиненіяхъ, неправильно приписываемыхъ Θεодору Мопсуестскому, и такимъ образомъ обвиняя его въ ученіи, котораго онъ на самомъ дѣлѣ никогда и не держался. Но коль скоро указанный предварительный вопросъ рѣшенъ совершенно правильно и притомъ въ утвердительномъ смыслѣ, тогда выступаетъ на очередь другой вопросъ,—именно: остался-ли Θεодоръ Мопсуестскій, проповѣдывавшій извѣстное лжеученіе, дѣйствительнымъ членомъ Христовой Церкви, или-же онъ сдѣлался чрезъ это ученіе противникомъ ея, произвольно отвергнувшимъ ея правые догматы? Разрѣшеніе этого вопроса всецѣло принадлежитъ уже самой Церкви, такъ какъ онъ стоитъ въ тѣснѣйшей неразрывной связи съ вопросомъ чисто-*догматическимъ*,—съ вопросомъ о томъ, была-ли богооткровенная истина вѣры, отвергавшаяся Θεодоромъ и опредѣленная на третьемъ вселенскомъ (Ефесскомъ) соборѣ, обязательнымъ догматомъ ранѣе этого собора.

И мы видимъ на дѣлѣ,—V вселенскій соборъ, рѣшая поставленный вопросъ относительно Θεодора Мопсуестскаго, сводитъ его на самую общую *теоретическую* почву, и, провозглашая анаеему этому лжеучителю, основывается вовсе не на практическихъ какихъ-нибудь соображеніяхъ, а именно на томъ, что онъ „не сохранилъ правыхъ догматовъ Церкви“ и—по слову апостола—„есть самоосужденъ“. О *практическихъ* побужденіяхъ къ осужденію Θεодора, вытекавшихъ изъ данныхъ обстоятельствъ того времени, на соборѣ почти не было и рѣчи; напротивъ, на самомъ первомъ и видномъ мѣстѣ поставлялся вопросъ о томъ,—сохранилъ-ли онъ *догматы* Церкви. Ясное дѣло,—если г. Соловьевъ желаетъ доказать, а не голословно только утверждать, что осужденіе Θεодора Мопсуестскаго на V вселенскомъ соборѣ было теоретически (безусловно) погрѣшительно и лишь практически (т. е. условно, въ силу обстоятельствъ

того времени) обязательно, то ему надлежитъ прежде всего доказать то положеніе, что этотъ вселенскій соборъ не зналъ хорошо, что такое церковный догматъ, обязательный для вѣрующихъ, и что не имѣетъ характера догматической обязательности. Но въ этомъ-то случаѣ,—осмѣлюсь заранѣе высказать съ увѣренностію,—*opus probandi* будетъ не по силамъ г. Соловьеву; ибо кто можетъ знать лучше самой Церкви, что есть церковный догматъ и что не должно считаться таковымъ?..

Впрочемъ, можетъ статья, что г. Соловьевъ все-таки возьметъ на себя трудъ и смѣлость доказать намъ эту интересную истину,—что ему лучше, нежели какому-бы то ни было вселенскому собору, извѣстно, что именно слѣдуетъ считать обязательнымъ догматомъ и что не слѣдуетъ. Но пока этого еще не случилось, до тѣхъ поръ фактъ, указанный нами, остается у него необъясненнымъ и слѣдовательно по прежнему неустрашеннымъ. Такимъ образомъ и попытка г. Соловьева не достигла своей цѣли.

А. Шостынь.

МЕТАФИЗИЧЕСКІЙ АНАЛИЗЪ ИДЕАЛЬНАГО ПОЗНАНІЯ.

(Продолженіе *).

2. Разсматривая разумокъ, какъ предполагаемый источникъ идеи о Богѣ, мы имѣли въ виду ту характеристическую дѣятельность этой способности, результатомъ которой являются, отличныя отъ представленій, *понятія*, до которыхъ онъ доходитъ отчасти путемъ обыкновенной абстракціи отъ данныхъ опыта, отчасти путемъ умозаключенія отъ частнаго къ общему. Мы видѣли, что идея о Богѣ не можетъ быть такимъ разсудочнымъ понятіемъ. Но, какъ показалъ намъ анализъ рациональнаго познанія, содержаніе нашего разсудка не ограничивается только этими понятіями, первоначальный матеріалъ для которыхъ даютъ чувственные представленія. Въ немъ находятся кромѣ того совершенно самостоятельныя и въ своемъ происхожденіи независяція отъ опыта (априорныя) понятія, называемыя категоріями, напр. понятія о причинѣ и дѣйствии, субстанціи, качествахъ, количествахъ и т. п. Рождается вопросъ: не принадлежитъ-ли и идея о Богѣ, равно какъ и прочія идеи, къ числу подобнаго рода понятій? На возможность подобнаго вопроса наводятъ уже черты общія идеямъ съ категоріями и отличающія ихъ отъ обыкновенныхъ понятій разсудка,—априорность, всеобщность, необходимость. Если на предложенный вопросъ можетъ быть

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 10.

данъ утвердительный отвѣтъ, то намъ не будетъ нужды искать источника этой идеи гдѣ-либо внѣ самаго разума, видѣть въ ней дѣйствию или впечатлѣнію какого либо реально сущаго объекта; но въ то же время, будучи исключительно принадлежностію разума, она потеряетъ свой объективный характеръ; она будетъ имѣть такое-же значеніе, какъ и прочія а priori принадлежащія разуму, категорическія понятія,—значеніе чисто формальное и субъективное, какъ одна изъ общихъ формъ нашего познанія.

Такое воззрѣніе на происхожденіе и значеніе теоретической идеи о Богѣ принадлежатъ Канту, на ученіи котораго объ идеяхъ мы и должны теперь остановиться.

Въ своей Критикѣ чистаго разума Кантъ, послѣ анализа чувственной способности (Sinnlichkeit),—источника представлений и разсудка (Verstand)—источника понятій и категорій, переходитъ къ разуму (Vernunft), той способности нашего духа, которая обыкновенно считается источникомъ идей, и объяснивъ происхожденіе въ нашемъ духѣ представлений и понятій, переходитъ къ раскрытію процесса образованія идей. Какъ чувственность по его теоріи есть способность представленія, разсудокъ—способность сужденія, такъ разумъ есть не что иное, какъ способность умозаключенія. Умозаключать, значитъ выводить истину или ложность одного сужденія изъ другаго. Выводъ одного сужденія изъ другаго происходитъ или непосредственно или посредствомъ другаго сужденія. Такъ напр. изъ положенія: всѣ люди смертны, я безъ пособія другаго сужденія вывожу другое: слѣдовательно и нѣкоторые люди смертны; такое непосредственное заключеніе есть разсудочное заключеніе. Напротивъ, умозаключеніе, котораго формула напр. такова: всѣ люди смертны, Кай человѣкъ, слѣдовательно Кай смертенъ, есть посредственное, такъ какъ здѣсь заключеніе: Кай смертенъ, выводится изъ перваго положенія чрезъ посредствующее сужденіе: Кай человѣкъ. Такія посредственныя умозаключенія называются умственными (Vernunftschlüsse, и разсудокъ, въ какой мѣрѣ образуетъ подобнаго рода заключенія, называется разумомъ или умомъ. Сущность посредство-

ваннаго умозаключенія состоитъ въ томъ, что въ немъ два положенія или посылки служатъ *основаніемъ* истины заключенія, а заключеніе есть *слѣдствіе* посылокъ. Но такъ какъ основаніе есть условіе слѣдствія, а слѣдствіе есть то, что условливается основаніемъ, то иначе, посылки можно назвать *условіемъ*, а заключеніе *условнымъ*. Теперь, разумъ въ процессѣ умозаключенія можетъ слѣдовать двоякимъ путемъ: или данное положеніе онъ можетъ разсматривать какъ условное (т. е. заключеніе) и искать условій (т. е. посылокъ); найденное условіе опять разсматривать какъ условное и искать новаго условія и съ каждымъ найденнымъ условіемъ поступать также, восходя далѣе и далѣе. Или наоборотъ, —данное общее положеніе онъ можетъ разсматривать какъ условіе и изъ него выводить условливаемое имъ заключеніе; это заключеніе, какъ новое условіе, можетъ опять служить для вывода новыхъ заключеній и такъ далѣе. Въ первомъ родѣ умозаключенія мы будемъ восходить отъ условнаго къ условіямъ; во второмъ —нисходить отъ условія къ тому, что имъ условливается; очевидно, что въ послѣднемъ случаѣ нисхожденіе разума отъ условія къ его слѣдствіямъ должно имѣть границы, какъ въ томъ отношеніи, что, нисходя ниже и ниже, мы дойдемъ до самаго конкретнаго, такъ и въ томъ, что въ подобномъ нисхожденіи мы можемъ остановиться гдѣ намъ угодно, безъ ощущенія неполюты вывода. Иное дѣло при восхожденіи разума отъ условнаго къ условію; здѣсь, въ ряду постепеннаго другъ друга условливающихъ положеній, разумъ тогда только успокоивается, когда найдетъ такое условіе, которое само уже не можетъ быть разсматриваемо какъ условное, т. е. пока онъ не достигнетъ до *безусловнаго*. Итакъ, въ основаніи дѣятельности разума лежитъ понятіе безусловнаго, а такъ какъ всѣ основныя понятія разума мы называемъ идеями, то это понятіе безусловнаго (абсолютнаго) есть идея.

Общая идея безусловнаго распадается на три частныя сообразно тремъ формамъ умозаключающей дѣятельности разума. Логика отличаетъ три рода умозаключеній по характеру первой посылки: категорическое, гипотетическое и раз-

дѣлительное. Въ примѣненіи въ этимъ тремъ видамъ умозаключеній идея безусловнаго даетъ слѣдующія три идеи. Въ основаніи категорическаго умозаключенія лежитъ отношеніе субъекта и предиката (иначе—субстанцій и принадлежностей); итакъ оно даетъ идею безусловнаго субъекта (безусловной субстанціи), то есть такого, который не можетъ уже быть предикатомъ чего-либо иного. Въ основѣ гипотетическаго умозаключенія лежитъ отношеніе основанія и слѣдствія; итакъ оно даетъ идею безусловнаго основанія. Раздѣлительное умозаключеніе даетъ идею безусловнаго цѣлаго, такъ какъ въ основѣ его лежитъ отношеніе частей къ цѣлому. Какъ скоро эти идеи относятся нашимъ разумомъ къ предполагаемому реальному, почитаются выраженіемъ реальныхъ вѣ насъ находящихся объектовъ, онѣ получаютъ названіе идей души, міра, Бога. Такъ идея безусловнаго субъекта обыкновенно примѣняется нами къ нашему я, потому что такой субъектъ, который не можетъ быть уже предикатомъ ничего другаго, такую самостоятельную субстанцію, которая уже не можетъ быть свойствомъ или принадлежностію чего-либо другаго, мы, повидимому, находимъ въ нашемъ я, въ нашей душѣ. Точно также идею безусловнаго основанія мы почитаемъ реально осуществленною въ понятіи міра, какъ всеобщаго начала явленій. Идея безусловнаго цѣлаго, какъ совокупности всѣхъ реальностей, представляется нами какъ идея существа всереальнаго (*Ens realissimum*), то есть Божества.

Если такимъ образомъ идеи въ сущности суть апріорныя понятія, лежація въ основаніи трехъ формъ умозаключенія, точно также какъ категоріи суть такого-же рода понятія, лежація въ основаніи различныхъ формъ нашего сужденія, то подобно послѣднимъ, они и значеніе очевидно должны имѣть только формальное, какъ начала разума, приводяція къ единству наше познаніе. Но этому совершенно послѣдовательному заключенію, повидимому, рѣшительно противорѣчитъ общее сознаніе и даже философское мышленіе (до-кантовская метафизика), приписывающее идеямъ не только формальное, но и реальное значеніе, почитая душу, міръ, Бога

самостоятельными объектами, а не принципами только умозаключенія. Но такое воззрѣніе на идеи, по мнѣнію Канта, есть чистое заблужденіе, разрушить которое суждено его Критикѣ чистаго разума; съ одной стороны, оно не можетъ представить никакихъ доказательствъ въ свою пользу, съ другой противорѣчитъ свойствамъ и природѣ нашего познанія.

Для оправданія своего вывода Кантъ, какъ извѣстно, подвергаетъ критикѣ существовавшія въ его время въ раціональной, Лейбнице-Вольфовой философіи, доказательства въ пользу реальности какъ идей, такъ и понятій на нихъ основанныхъ. Онъ критически разсматриваетъ основныя положенія раціональной психологіи, космологіи и естественнаго богословія и находитъ въ доказательствахъ этихъ положеній софизмы, противорѣчія, логическую неправильность, въ слѣдствіе чего совершенно отвергаетъ самую возможность раціональнаго построенія этихъ наукъ, на основаніи идей полагаемыхъ въ ихъ основу. Въ частности, относительно идеи Божества онъ подвергаетъ критикѣ существующія доказательства бытія Божія и находя ихъ логически несостоятельными, приходитъ къ заключенію, что существованіе въ нашемъ умѣ идеи Божества не можетъ быть основаніемъ для признанія ея объективной истины.

Это заключеніе, къ которому приводитъ критика понятій основанныхъ на идеяхъ, предполагаемыхъ реальными, по мнѣнію Канта, вполне подтверждается и теоріею нашего познанія. Познаніе есть слѣдствіе взаимодѣйствія предмета и нашего духа. Свойство предмета,—производитъ впечатлѣніе, которое нашъ духъ страдательно воспринимаетъ чувственною стороною своей природы. Свойство духа—по имманентнымъ ему законамъ, составляющимъ его разумную природу, давать полученнымъ впечатлѣніямъ форму, преобразовывать ихъ по своему подъ вліяніемъ, какъ формъ чувственнаго воззрѣнія (т. е. пространства и времени), такъ и формъ мышленія (категорій). Безъ этихъ формъ, въ которыхъ выражается самостоятельное участіе нашего духа, самое впечатлѣніе останется несознаннымъ разумно впечатлѣніемъ, а не знаніемъ; но съ другой стороны, безъ матеріала для мысли,

безъ впечатлѣній, разумокъ хотя и можетъ сознать имманентные ему законы, и такимъ образомъ достигать познанія, которое конечно не будетъ имѣть чувственнаго содержанія, но такое познаніе на самомъ дѣлѣ окажетъ только *формальнымъ*; такъ какъ будетъ имѣть дѣло не съ дѣйствительными предметами, а только съ абстрактными формами возможныхъ предметовъ. Какую-бы необходимость и значеніе для нашего познанія ни имѣли подобныя формальныя понятія, они не станутъ отъ этого реальными; необходимость ихъ для мышленія не служитъ доказательствомъ необходимости бытія того, что обозначается этими понятіями, внѣ нашего мышленія.

Этимъ понятіемъ о сущности нашего познанія самъ собою рѣшается и вопросъ, возможно-ли приписывать нашимъ идеямъ (въ частности идеѣ Божества) реальное значеніе?

Если познаніе не хочетъ быть только пустымъ, формальнымъ, но познаніемъ дѣйствительнаго предмета, то въ немъ должны совмѣстно дѣйствовать чувство и разумокъ. Если поэтому познаніе безусловнаго посредствомъ идей должно имѣть реальное значеніе, то кромѣ идеи, доставляемой умомъ, чувство должно указать соотвѣтствующій этой идеѣ предметъ; потому что только чувство, впечатлѣніе можетъ дать намъ свидѣтельство о реальномъ существованіи предмета внѣ насъ. Но это по отношенію къ безусловному невозможно; каждый предметъ, какъ скоро онъ дается нашимъ чувствамъ, не есть безусловный; а если онъ безусловенъ, то не можетъ открываться человѣку чувственно. Но такъ какъ кромѣ ощущеній внѣшняго или внутренняго чувства нѣтъ для человѣка никакихъ другихъ путей къ воспріятію дѣйствительныхъ предметовъ, то оказывается, что соотвѣтствующій идеѣ безусловнаго предметъ, если онъ и существуетъ, не доступенъ человѣческому разуму и познаніе его невозможно.

Если теперь идея безусловнаго не можетъ быть выраженіемъ реальнаго объекта, то какое значеніе она имѣетъ въ области нашего познанія? На это значеніе указываетъ уже самая теорія нашего познанія. Если безусловное, какъ мы сказали, не можетъ быть предметомъ или содержаніемъ нашего познанія, то понятіе или идея о немъ очевидно мо-

жетъ принадлежать только къ разряду тѣхъ формальныхъ понятій, которыя, будучи необходимыми для нашего мышленія, не имѣютъ реального значенія. Идея безусловнаго вообще возникаетъ изъ стремленій разума въ ряду предметовъ, или точнѣе понятій условныхъ, найти такое, которое не было-бы уже условнымъ, не предполагало бы дальнѣйшаго условія, но само было-бы началомъ ряда условливающихъ другъ друга понятій. Такое стремленіе основано на самой природѣ познавательной силы человѣка. Вмѣстѣ съ дѣятельностью разсудка, которая приводитъ въ порядокъ разнообразіе чувственныхъ впечатлѣній, заявляетъ свое высшее требованіе и разумъ, требованіе—обнимать дѣйствительность въ ея всецѣлости и единствѣ,—требованіе, въ которомъ выражается *разумная* природа человѣка. Дѣйствительность представляется намъ безконечнымъ, нигдѣ ни по пространству, ни по времени не заключеннымъ разнообразіемъ; разсудокъ связываетъ это разнообразіе по присущему ему закону причинности и обнимаетъ его какъ связный рядъ явленій, котораго начало и конецъ теряются для него въ безконечности. *Разсудокъ* нисколько не возмущается и не стѣсняется тѣмъ, что въ своемъ познаніи онъ долженъ двигаться въ постоянномъ безконечномъ восхожденіи отъ данныхъ дѣйствій къ причинамъ. Но иное дѣло *разумъ*; разумъ требуетъ познанія цѣлостности въ ряду явленій и стремится къ абсолютному началу причинно-связанной цѣпи явленій. Въ такомъ стремленіи онъ непосредственно предназначаетъ *идею* такого начала, т. е. предмета, который, какъ первый членъ связаннаго причинностию ряда явленій, содержитъ въ себѣ условіе для цѣлаго ряда, не указывая уже ни на какую другую причину, которою онъ могъ-бы условливаться. Такъ какъ въ постановкѣ этой идеи высказывается требованіе безусловнаго предмета, а такой предметъ не обнаруживаетъ себя чувственно, то нашъ разумъ пытается познать реальность безусловнаго изъ чистыхъ понятій и чрезъ приложеніе понятій разсудочнаго мышленія обогатить содержаніемъ бессодержательное стремленіе ума; но онъ забываетъ при этомъ, что формальныя понятія разсудка или категоріи,—

хотя условливаютъ возможность познанія дѣйствительнаго при помощи опыта, но не могутъ построить самой дѣйствительности а priori. Подобныя попытки достигнуть познанія абсолютнаго при помощи разсудочныхъ понятій, конечно, выражаютъ существенную потребность ума; но по самому свойству его ограниченности, онѣ не имѣютъ и никогда не могутъ имѣть удачи; доказательство тому бесплодность и разногласіе философіи при рѣшеніи самыхъ важныхъ проблемъ, касающихся міра сверхчувственнаго.

Но несмотря на это, идея безусловнаго имѣетъ важное значеніе для нашего познанія, потому что хотя оно, ограниченное чувственными предметами, постоянно должно двигаться въ области условнаго, но идея безусловнаго препятствуетъ познавательной дѣятельности останавливаться, кончить въ томъ или другомъ кругѣ познанія. Возбуждая насъ отъ каждаго вновь приобрѣтеннаго познанія идти дальше и дальше, она производитъ въ безконечность идущее стремленіе человѣческаго духа къ познанію вселенной; въ идеѣ безконечнаго разума ставитъ познанію безконечную цѣль. Идея безконечнаго поэтому не есть какое-либо составительное (konstituierende) начало познанія, но направляющее (regulative) начало познанія. Она даетъ не понятія, образующія составъ какого-либо познанія предметовъ, но только правило или направленіе, которымъ мы должны руководствоваться въ нашемъ познаніи. Такое значеніе имѣетъ каждая изъ трехъ основныхъ идей нашего ума (Бога, міра, души) въ своемъ кругу познаваемаго. Въ частности, идея Божества или идея безусловнаго цѣлаго (существа всереальнаго) есть не что иное, какъ выраженіе того правила разума, по которому онъ заставляетъ насъ, не ограничиваясь случайностію и частностію представляющихся намъ явленій, искать общаго единства, гармонической полноты и цѣлости въ ихъ познаніи. Въ этомъ отношеніи идею безусловнаго цѣлаго Кантъ называетъ идеаломъ чистаго разума. Но идеалъ не есть дѣйствительность, а только типъ, необходимая норма и правило, по которому мы должны располагать дѣятельность нашего ума; такимъ правиломъ субъективнаго

познаванія и служить для насъ идея всецѣлаго, всесовершеннаго единого бытія.

Такое воззрѣніе на значеніе идеи абсолютнаго, по мнѣнію Канта, не къ тому ведетъ, чтобы отвергнуть истину бытія сверхчувственнаго, въ частности—бытія Божества. Напротивъ, это истина несомнѣйна, хотя основаніе ея не тамъ, гдѣ думаютъ искать его; она не въ теоретическомъ, а въ практическомъ разумѣ. Результатъ критики содержанія нашего разума только тотъ, что идеи по самому существу своему имѣютъ не предметное, но лишь субъективное и формальное значеніе. Соотвѣтствуютъ-ли имъ дѣйствительные предметы, мы не знаемъ и знать не можемъ; мы одинаково не имѣемъ права сказать ни того, что эти идеи выражаютъ реальные, имъ соотвѣтствующіе объекты, ни того, что такихъ объектовъ нѣтъ. Если-же мы приписываемъ къ идеямъ реальные предметы, олицетворяемъ (гипостазуируемъ) ихъ, такъ сказать, прилагая ихъ не къ явленіямъ только, а къ предметамъ самимъ по себѣ, то это не болѣе какъ иллюзія нашего ума. Такая иллюзія, впрочемъ, очень естественна, потому самому, что идеи суть *необходимыя* условія нашего познаванія, а такъ какъ кромѣ этого познаванія мы не имѣемъ никакого другаго, и міръ познаваемый нами должны считать объективнымъ, какъ единственно намъ доступный, то въ обыкновенномъ мышленіи мы считаемъ объективными и идеи, точно также какъ говоримъ напр. о пространствѣ и времени, о сущности, качествѣ, количествѣ и пр., какъ о чемъ-то дѣйствительно сущемъ. Но если такая иллюзія дозволительная въ обыкновенной рѣчи и въ обыкновенномъ представленіи дѣлается началомъ научнаго познаванія, то она неизбежно влечетъ къ непримиримымъ противорѣчіямъ.

Подвергая критикѣ ученіе Канта объ идеяхъ, мы не станемъ останавливаться ни на его неправильной классификаціи познавательныхъ способностей, ни на его хотя остроумномъ, но очевидно искусственномъ и натянутомъ выводѣ

трехъ главныхъ идей изъ трехъ формъ умозаключенія ¹⁾. Мы будемъ имѣть въ виду лишь его окончательный выводъ о формально-субъективномъ происхожденіи и значеніи идеи о Богѣ. Къ такому выводу, какъ мы видѣли, онъ идетъ двумя путями, — отрицательнымъ и положительнымъ, — указаніемъ на несостоятельность доказательствъ въ пользу объективной истины идеи о Богѣ и на свойства нашего познанія.

Что касается до Кантовой критики доказательствъ бытія Божія, то не входя здѣсь въ обсужденіе этого предмета, тре-

¹⁾ Кантова классификація познавательныхъ способностей такова: первая и низшая способность есть чувство (*Sinnlichkeit*), подъ которымъ онъ понимаетъ какъ внѣшнія, такъ и внутреннее чувство. Вторую степень занимаетъ *разсудокъ* (*Verstand*); онъ отличается отъ чувства ближайшимъ образомъ тѣмъ, что даетъ общія представленія, тогда какъ послѣднее только единичныя воззрѣнія; и такъ разсудокъ вообще можно назвать способностью общихъ представленій. Такъ какъ разсудокъ не самъ производитъ матерію своихъ представленій, но она дается ему чувствами, то въ приложеніи его формъ къ матеріи или въ способѣ его дѣятельности возможны только три случая: 1) Дается частное и разсудокъ извлекаетъ изъ него общее, полъ которымъ стоитъ частное, напр. когда онъ изъ отдѣльныхъ представленій квадрата, трехъугольника, круга и проч., образуетъ понятіе фигуры. Такую дѣятельность познавательной силы мы называемъ разсудкомъ въ тѣснѣйшемъ значеніи этого слова; она есть источникъ категорій. 2) Дается общее и изъ него мы выводимъ частное, напр. когда изъ общаго положенія: всѣ люди смертны выводимъ, что и такой-то смертенъ; эту дѣятельность познавательной силы мы называемъ разумомъ (*Verunft*) и она есть способность идей. Наконецъ, 3) дается общее и частное и мы имѣемъ цѣлью подчинить послѣднее первому; это происходитъ посредствомъ способности сужденія (*Urteiskraft*), которая есть источникъ рефлексивныхъ понятій и вмѣстѣ эстетическихъ идей, такъ какъ въ послѣднихъ выражается подчиненіе частнаго общему и нахожденіе въ частномъ его единства съ общимъ. Изъ этой характеристики познавательныхъ способностей уже видно, что Кантовъ разумъ ничѣмъ собственно не отличается отъ разсудка и что не было никакого основанія видѣть въ немъ особую познавательную способность, параллельную способности чувственнаго представленія или воззрѣнія. Если Кантъ особенностію разума полагаетъ то, что онъ есть способность умозаключенія, тогда какъ разсудокъ есть способность сужденія, то это различіе не даетъ никакого права видѣть въ разсудкѣ и разумѣ двѣ познавательныя способности. Въ дѣйствительномъ нашемъ мышленіи между сужденіемъ и умозаключеніемъ нѣтъ той рѣзкой грани, которую проводитъ Кантъ; эти формы постоянно переходятъ одна въ другую. Умозаключеніе, конечно, предполагаетъ сужденія, въ формѣ посылокъ, изъ которыхъ дѣлается выводъ; но съ другой стороны и до сужденій (въ различіи отъ простыхъ положеній, напр. солнце свѣтитъ, теперь день) мы доходимъ

бующаго спеціального изслѣдованія ¹⁾), замѣтимъ, что эта критика по самому существу своему не можетъ быть надежною почвою для вывода заключенія о происхожденіи и значеніи идеи о Богѣ. Каждая критика въ свою очередь можетъ быть подвергнута новой критикѣ и оказаться несостоятельною; съ другой стороны, неудовлетворительность извѣстныхъ доказательствъ нисколько не говоритъ еще, чтобы недостатки ихъ не могли быть исправлены и чтобы не были возможны доказательства болѣе удовлетворительныя. Но сдѣлаемъ здѣсь уступку Канту; положимъ, что не только наличныя, но возможныя доказательства бытія Божія не могутъ быть удовлетворительными. Слѣдуетъ-ли отсюда, чтобы самый предметъ, бытіе котораго не можетъ научнымъ образомъ быть выведено изъ понятій разсудка, не имѣлъ для званія никакой достовѣрности и чтобы идея, обозначающая этотъ предметъ, имѣла только субъективное значеніе? Самъ Кантъ какъ-бы сознаетъ, что въ его заключеніи больше чѣмъ дано въ послѣдкахъ, когда говоритъ, что его критика не ведетъ къ отрицанію реальности предметовъ обозначаемаго идеями, что очень возможно, что идеямъ соотвѣтствуютъ дѣйствительныя предметы, но только это намъ неизвѣстно, потому что этого доказать нельзя, точно также какъ нельзя доказать и мнѣнія противоположнаго, т. е. что иде-

путемъ предшествующихъ умозаключеній дедуктивныхъ и индуктивныхъ. Вообще всѣ логическія формы разсудка: понятіе, сужденіе и умозаключеніе, существенно связаны между собою, постоянно переходятъ одна въ другую и составляютъ функціи одной познавательной способности,—разсудка. Что касается до вывода трехъ основныхъ идей изъ трехъ формъ умозаключенія, то даже почитатели Кантовой философіи (напр. Ланге) признаютъ его крайне неудачнымъ, еще болѣе неудачнымъ, чѣмъ его выводъ категорій изъ формъ сужденія. Въ послѣднемъ случаѣ онъ имѣлъ передъ собою хотя формы сужденія обыкновенной логики, но въ выводѣ идей трудно даже отыскать какой либо достаточный поводъ къ такому искусственному настроенію. Но признавая несостоятельнымъ выводъ идей у Канта, Ланге тѣмъ не менѣе соглашается съ тѣмъ значеніемъ, какое придаетъ имъ Кантъ въ дѣлѣ нашего познанія и въ указаніи этого значенія видитъ одну изъ величайшихъ его заслугъ. (*Geschichte d. Materialismus*. 1874. В. 11. р. 52. 53.)

¹⁾ Разборъ главныхъ возраженій Канта противъ частныхъ доказательствъ бытія Божія, см. въ нашемъ изслѣдованіи объ этихъ доказательствахъ въ „Прав. Обзорѣніи“, за 1884—1886 г.

ямъ ничего въ дѣйствительности не соотвѣтствуетъ. Но послѣ такого признанія онъ уже не имѣетъ права утверждать, что идеи имѣютъ *только* формальное или регулятивное значеніе, и такимъ образомъ останавливаться на одной изъ равно неопредѣленныхъ и неизвѣстныхъ для него возможностей. Если идеи съ одинаковымъ правомъ могутъ быть и субъективными и объективными, то на какомъ основаніи онъ склоняетъ вѣсы своей критики на одну только сторону и придаетъ имъ только субъективное значеніе? Послѣдовательный выводъ здѣсь можетъ быть только тотъ, что раціональнымъ способомъ доказать реальность идей нельзя и что поэтому нужно искать какого-либо другаго пути къ опредѣленію ихъ настоящаго значенія.

Но эта невозможность раціональнымъ путемъ доказать предметность идей сама по себѣ не можетъ нисколько колебать ихъ истины; невозможность изъ чистыхъ понятій разсудка, путемъ силлогизма, доказать *бытіе* какого либо предмета, нисколько не подрываетъ нашей увѣренности въ бытіи его. Для насъ завѣреніе въ существованіи предмета, какъ простомъ существованіи только, получается не изъ логическихъ доказательствъ, но изъ другихъ источниковъ познанія. Можемъ-ли мы, напримѣръ, изъ чистыхъ понятій разсудка доказать бытіе вѣшнихъ предметовъ, въ частности—существованіе того или другаго конкретнаго предмета,—доказать, что этотъ предметъ, который я вижу, есть именно этотъ, а не другой? Конечно нѣтъ, еслибы мы не имѣли передъ собою самаго предмета; въ доказательство реальности нашего ощущенія, въ истинѣ котораго мы однакоже непосредственно увѣрены, мы можемъ сказать только, что предметъ, который произвелъ на насъ впечатлѣніе, есть тотъ, а не другой потому, что мы сознаемъ его, видимъ, слышимъ тѣмъ, а не другимъ. Мы здѣсь не доказываемъ, а только указываемъ бытіе предмета, ссылаемся на наше сознаніе, на впечатлѣніе оставленное въ немъ предметомъ. Чѣмъ, далѣе, мы можемъ доказать бытіе нашихъ внутреннихъ состояній, доказать, напр., что я мыслю о томъ-то, желаю того или другаго, испытываю то или другое состояніе? — Опять ни

чѣмъ инымъ, какъ ссылкой на наше сознаніе, на присутствіе въ душѣ самаго факта; доказать въ логическомъ смыслѣ этого слова, путемъ вывода даннаго понятія изъ другихъ болѣе общихъ, мы не можемъ ни бытія нашихъ психическихъ состояній, ни существованія внѣшнихъ предметовъ, несмотря на то, что для насъ нѣтъ ничего вѣрнѣе истины этого существованія. Забвеніе этого явленія, предположеніе, что для удостовѣренія бытія предметовъ нужно раціональное доказательство и попытки построенія подобныхъ положительныхъ доказательствъ—и были одною изъ причинъ крайностей идеализма и сенсуализма. И идеализмъ и сенсуализмъ были правы только чужою неправдою и не правы сами собою. Идеалистъ справедливо замѣчалъ, что бытіе внѣшнихъ предметовъ строго логически доказать нельзя, и сенсуалистъ справедливо утверждалъ, что доказать реальности міра сверхчувственнаго нельзя; но оба они были неправы, когда первый на этомъ основаніи утверждалъ, что и предметовъ матеріальнаго міра самихъ по себѣ не существуетъ, а послѣдній, когда говорилъ наоборотъ, что ничего не существуетъ кромѣ предметовъ чувственныхъ,—словомъ, когда тотъ и другой основывали свои выводы на слабости доказательства положеній противныхъ. Всѣ эти односторонности основываются на томъ ложномъ предположеніи, что разсудочное доказательство бытія предмета есть самое сильное научное завѣреніе его существованія. Но допуская такое мнѣніе, мы пришли-бы къ самому безвыходному скептицизму, должны-бы усумниться и въ бытіи окружающихъ насъ предметовъ и въ своемъ собственномъ существованіи, на томъ основаніи, что какъ то, такъ и другое не можетъ быть раціонально доказано. Итакъ, есть иное завѣреніе бытія предметовъ, кромѣ раціональнаго; кромѣ знанія разсудочнаго, есть знаніе непосредственное, основанное на свидѣтельствѣ нашего разумнаго сознанія; первое даетъ понятіе о предметѣ,—*знаніе* въ собственномъ смыслѣ; послѣднее даетъ самый предметъ понятія, увѣренность въ его бытіи.

Кантъ не отвергаетъ такого способа завѣренія истины бытія, когда, различая два элемента знанія—объективный и

субъективный, говоритъ, что матерія мышленія происходитъ отъ объекта; поэтому и увѣренность въ существованіи предметовъ внѣ насъ находящихся, основывается на впечатлѣніяхъ отъ нихъ, получаемыхъ при посредствѣ чувствъ. Реальность бытія предметовъ эмпирическихъ такимъ образомъ и у него утверждается на сознаниі дѣйствія этихъ предметовъ на насъ. Но такого рода завѣреніе въ бытіи онъ считаетъ невозможнымъ относительно идеи Божества. Если, говоритъ онъ, познание безусловнаго посредствомъ идей должно имѣть реальное значеніе, то кромѣ идеи, доставляемой умомъ, чувство должно указать соотвѣтствующій идеѣ предметъ; потому что только чувственное впечатлѣніе можетъ засвидѣтельствовать намъ о реальномъ бытіи предмета; но абсолютное не является нашему чувству и не производитъ въ насъ ощущенія или впечатлѣнія, которое свидѣтельствовало-бы о его бытіи. Но на чемъ основывается здѣсь мысль, что абсолютное, опредѣленнѣе,—Божество, не можетъ дать намъ такого ощущенія? Кантъ не представляетъ намъ никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе своей мысли, кромѣ случайнаго замѣчанія, что абсолютное не можетъ являться чувственно, потому, что оно безусловно. Такъ, если мы будемъ имѣть въ виду только внѣшнія чувства и познанія ими сообщаемыя. Но самъ Кантъ въ способности чувственного познанія различаетъ, какъ и должно, чувство внѣшнее и чувство внутреннее. Что чувства внѣшнія, представляющія намъ предметы внѣшніе, ограниченные пространствомъ и временемъ, не могутъ дать намъ „опыта“ или ощущенія безусловнаго, это справедливо. Но почему не можетъ дать намъ такого ощущенія или впечатлѣнія чувство внутреннее? Нѣтъ никакихъ основаній ограничивать его сознаниемъ нашихъ только психическихъ состояній. Въ душѣ возможно сознание дѣйствія сверхчувственного объекта, непосредственное ощущеніе его; въ послѣдствіи мы увидимъ, что это и есть дѣйствительный путь первоначальнаго возникновенія въ насъ идеи о Богѣ.

Упустивъ изъ виду возможность иного завѣренія истины идеи божества, кромѣ рациональнаго доказательства, Кантъ естественно долженъ былъ не вѣрно опредѣлить и ея значе-

ніе. Не признавая эту идею реально-необходимымъ сознаниемъ или ощущениемъ божества, но въ то-же время не могли не признать ея, доказываемаго опытомъ существеннаго значенія въ строѣ нашихъ познаній, онъ долженъ былъ отыскать для нея какую-нибудь субъективную необходимость для нашего знанія. Эта необходимость, какъ мы видѣли, состоитъ у него въ томъ, что она служитъ началомъ, побуждающимъ разумъ не ограничиваться даннымъ кругомъ явленій, но стремиться дальше и дальше въ безконечность и понимать міръ, какъ взаимно связанное цѣлое. Но при этомъ предположеніи Кантъ совершенно упускаетъ изъ виду двѣ существенно принадлежащія идеѣ абсолютнаго черты: представленіе объ абсолютномъ совершенствѣ и о реальномъ бытіи абсолютнаго внѣ насъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, и Кантъ согласенъ съ этимъ, что абсолютное мы представляемъ себѣ не просто, какъ начало знанія или бытія вообще, но какъ существо и притомъ всесовершенное; идея объ абсолютномъ совпадаетъ для насъ съ идею о Богѣ. Но также представленіе являлось-бы совершенно необъяснимымъ феноменомъ нашего сознанія, если-бы эта идея была только регулятивнымъ началомъ знанія. Если идея абсолютнаго есть только предѣлъ, начало или основаніе полагаемое нашимъ разумомъ, чтобы не растеряться во множествѣ и разнообразіи явленій и не идти въ безконечность въ цѣпи взаимно условливающихъ себя причинъ, то нѣтъ никакой необходимости представлять себѣ это начало и основаніе чѣмъ-то абсолютно совершеннымъ. Мы-бы и представляли его въ такомъ случаѣ только началомъ, пунктомъ, отъ котораго должны идти или до котораго должны доходить наши познанія,—не болѣе. Нѣтъ ни малѣйшей субъективной необходимости для мышленія, для возможности познанія, представлять это субъективное начало знанія абсолютнымъ совершенствомъ; понятіе бытія вообще, судьбы, матеріи, атомовъ, вполнѣ могло-бы замѣнить идею божества. Еще менѣе необходимости для мышленія представлять такое необходимое начало знанія не только всесовершеннымъ, но и существомъ, лицомъ. Подобное гипостазированіе или олицетвореніе субъективной

идеи было-бы явленіемъ совершенно непонятнымъ, бессмысленнымъ. Кантъ не могъ не видѣть, что подобное олицетвореніе идеи безусловнаго цѣлаго, равно какъ и прочихъ идей, есть *необходимое* дѣйствіе ума; но въ то же время эта необходимость нисколько не требуется при регулятивномъ значеніи идей. Что-же она такое? Остается одно, къ чему и склоняется Кантъ,—признать эту необходимость олицетворенія идей необходимою иллюзію человѣческаго ума. Но самое понятіе: необходимая, всеобщая иллюзія, не заключаетъ-ли въ себѣ противорѣчія? Признавать какія-то необходимыя иллюзіи ума, допускать самую возможность ихъ, не значить-ли колебать достовѣрность познанія въ самомъ основаніи его? Для насъ останется непостижимымъ странное и вмѣстѣ необходимое почему-то упорство ума—бесодержательнымъ и формальнымъ своимъ требованіямъ навязывать объекты, представлять ихъ какъ нѣчто внѣ себя существующее и украшать ихъ всевозможными совершенствами. Еще непостижимѣе, что такое упорство является въ немъ только относительно идей. Почему именно изъ всѣхъ формально-субъективныхъ элементовъ знанія нашъ разумъ для олицетворенія избираетъ только идеи? У насъ есть субъективныя, какъ полагаетъ Кантъ, формы чувственнаго познанія, есть чистыя формы познанія разсудочнаго; почему-же нашъ разумъ не придаетъ абсолютнаго совершенства пространству и времени, не почитаетъ ихъ личными, имѣющими бытіе внѣ насъ существами, почему не олицетворяетъ категоріи возможности, дѣйствительности, качества, количества и др.?. Не служитъ-ли это свидѣтельствомъ, что наши идеи выходятъ изъ ряда субъективныхъ понятій или регулятивныхъ только началъ познанія.

Далѣе, если обратимъ вниманіе на то, въ чемъ Кантъ полагаетъ регулятивное значеніе идей, то въ ученіи его объ этомъ предметѣ замѣтимъ сбивчивость и противорѣчія, которыя показываютъ несостоятельность этого ученія. Кантъ признаетъ идеи произведеніемъ высшей познавательной способности—*разума* и значеніе ихъ поставляетъ въ томъ, что онѣ препятствуютъ нашему познанію останавливаться въ извѣст-

ныхъ границахъ, требуя, чтобы оно шло дальше и дальше, пока не дойдетъ до безусловнаго, или что тоже—требуя, чтобы оно шло въ безконечность, такъ какъ безусловнаго въ знаніи мы достигнуть не можемъ. Но въ то-же время Кантъ замѣчаетъ, что *разсудокъ* нисколько не стѣсняется тѣмъ, что въ своемъ познаніи онъ долженъ двигаться въ безконечномъ восхожденіи отъ частныхъ явленій къ причинамъ. Но въ такомъ случаѣ, въ дѣятельности нашего разсудка не дано-ли уже то самое, что производится изъ дѣятельности разума и его идей, именно, возможность неограниченности познанія? Если въ свойствѣ разсудка замѣчается уже возможность ни чѣмъ не ограничиваться въ изысканіи причинъ явленій, но идти дальше и дальше въ безконечность, то умъ и его идеи съ ихъ регулятивными предписаніями оказываются совершенно излишними; они повторяютъ то, что уже есть въ самой природѣ разсудка.

Замѣчая повидимому это противорѣчіе, Кантъ указываетъ еще на другую сторону значенія идей: тогда какъ разсудокъ можетъ удовлетворяться безконечною причинною связью, разумъ требуетъ познанія цѣлостнаго, законченнаго. Разумъ, источникъ идей, по возрѣнію Канта, простирается на совокупность всякаго возможнаго опыта, тогда какъ разсудокъ имѣетъ дѣло съ единичнымъ. Разумъ не удовлетворяется ни какимъ рядомъ познанія до тѣхъ поръ, пока не охватитъ всю ихъ совокупность; разумъ такимъ образомъ систематиченъ, тогда какъ разсудокъ эмпириченъ. Идеи души, міра, Бога суть только выраженія этого лежащаго въ нашей разумной организаціи стремленія къ единству. Но указывая на эту сторону въ значеніи идей, Кантъ не избѣгаетъ противорѣчія собственной теоріи познанія. Предъявляемое разумомъ требованіе единства и законченности познанія противорѣчитъ не только разсудку, но и тому регулятивному значенію, какое прежде Кантъ приписалъ идеямъ ума вообще. Противорѣчитъ разсудку, потому что вноситъ въ знаніе требованіе не согласное съ его законами; между познавательными способностями является странный антагонизмъ; тогда какъ одна способность требуетъ безконечнаго восхожденія отъ причинъ къ причи-

намъ, другая способность требуетъ законченности этого восхожденія, послѣдней причины. Противорѣчитъ далѣе тому значенію, какое приписано прежде идеямъ въ направленіи нашего познанія, ибо какимъ образомъ идея можетъ требовать, чтобы мы не останавливались ни на какомъ данномъ познаніи, но шли въ бесконечность, когда въ то же время по самому существу своему она требуетъ, чтобы мы полагали первое начало ряду явленій? Не можетъ-ли представиться скорѣе, что она не расширяетъ, а ограничиваетъ наше познаніе, полагая границу бесконечному восхожденію отъ причины въ причинѣ?

Наконецъ должно обратить вниманіе и на то, что Кантовскою теоріей идей въ сущности ни сколько не рѣшается вопросъ о происхожденіи этой идеи въ нашемъ умѣ и не устраняется необходимость искать для объясненія этого происхожденія объективной причины, лежащей внѣ нашего разума. Положимъ, идея безусловнаго на ряду съ прочими апріорными элементами нашего познанія (формами чувственнаго возрѣнія и категоріями) составляетъ коренную принадлежность нашего разума, самую, такъ сказать, природу его. Ужели этимъ утвержденіемъ и поконченъ весь вопросъ о ея происхожденіи въ нашемъ умѣ, и относительно ея мы должны удовлетвориться тѣмъ же отвѣтомъ, который далъ Кантъ относительно категорій,—именно, что намъ совершенно неизвѣстно и не можетъ быть извѣстно, почему природа нашего разума устроена такъ, а не иначе? ¹⁾ Ужели логическій законъ основанія, требующій искать причины и объясненія cadaго даннаго факта, прекращаетъ свое дѣйствіе встрѣчаясь съ апріорными элементами нашего познанія, каковы категоріи и идеи?

Природа нашего разума съ его апріорными законами и понятіями дѣйствительно останется для насъ необъяснимою загадкою, если мы вмѣстѣ съ Кантомъ станемъ приписывать этимъ законамъ и понятіямъ чисто субъективное значеніе и смотрѣть на нихъ какъ на природу *только* нашего

¹⁾ Kritik d. r. Vernunft, Ed. v. Kirchmann. 1877. p. 148.

разума, о соотвѣтствіи котораго съ дѣйствительностію мы ничего сказать не можемъ. Но какъ скоро мы выйдемъ за узкія границы кантовскаго субъективизма и признаемъ, что этимъ законамъ и формамъ должно быть нѣчто соотвѣтствующее въ реальномъ бытіи, то для насъ легко объяснится и ихъ происхожденіе и значеніе. Въ насъ существуютъ такія, а не инныя формы и апріорныя понятія потому, что такова именно соотвѣтствующая этимъ формамъ и познаваемая при помощи ихъ дѣйствительность. Съ этой точки зрѣнія получаетъ свое объясненіе и существующая въ нашемъ умѣ идея безусловнаго. Она находится въ насъ потому, что есть внѣ насъ дѣйствительное безусловное бытіе или существо и своимъ существованіемъ въ насъ она обязана этой, адекватной себѣ, производящей причинѣ. Думать иначе, т. е. признавать вмѣстѣ съ Кантомъ эту идею необъяснимою принадлежностью или выраженіемъ самой природы нашего разума, значитъ допускать неразрѣшимое противорѣчіе въ нашей собственной природѣ. Нашъ духъ, нашъ разумъ есть бытіе ограниченное, конечное и условное; внѣ нашего разума лежащая эмпирическая дѣйствительность, по мнѣнію Канта, также представляется нами какъ бытіе множественное, ограниченное и конечное; итакъ, ни въ насъ, ни внѣ насъ, ни во внутреннемъ, ни во внѣшнемъ опытѣ намъ не дано ничего безконечнаго и безусловнаго. А между тѣмъ въ насъ лежитъ существенно принадлежащая намъ форма безконечности и безусловности, для которой нѣтъ и не можетъ быть никакого соотвѣтствующаго содержанія. Откуда въ насъ могла явиться эта форма, и не составляетъ ли вопіющаго противорѣчія разуму самое существованіе ея? Если Кантъ смотритъ на нее не какъ на форму какого-либо дѣйствительнаго объекта, но только какъ на простое *стремленіе* разума къ окончательному завершенію своихъ познаній, то это ни мало не помогаетъ дѣлу и не уничтожаетъ противорѣчія. Опять рождается вопросъ; откуда можетъ возникнуть самое это стремленіе, основанія къ которому не дано ни въ природѣ нашего духа, ни во внѣ его лежащей дѣйствительности? И какой смыслъ этого стремленія къ че-

му-то, и несуществующему реально и на самомъ дѣлѣ вовсе ненужному и для самаго нашего познанія? Ибо, что идея безусловнаго собственно не нужна для нашего познанія, это долженъ признать и Кантъ, какъ скоро утверждаетъ, что нашъ разумокъ не стѣсняется тѣмъ, что въ своемъ познаніи долженъ постоянно восходить отъ данныхъ явленій и дѣйствій къ ихъ причинамъ и что, напротивъ, самая возможность достигнуть въ этомъ восхожденіи до какого-либо предѣла ограничила-бы его познавательную дѣятельность. Отсюда видно, что идея безусловнаго, если считать ее только субъективнымъ принципомъ нашего познанія, составляла-бы совершенно излишній и необъяснимый элементъ въ немъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, если на идею о Богѣ мы даже станемъ смотрѣть съ точки зрѣнія Канта, какъ на одинъ изъ формальныхъ элементовъ нашего познанія, то и въ такомъ случаѣ для объясненія ея существованія въ нашемъ духѣ необходимо должны предположить воздѣйствіе на нашъ духъ соотвѣтствующаго ей реальнаго объекта.

В. Кудрявцевъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Эту, такъ сказать, бесполезность идей въ дѣлѣ нашего познанія со всею рѣзкостью и ясностію выславляетъ на видъ Кантъ въ своихъ Prolegomena „Замѣчательно“, говоритъ онъ здѣсь, „что идеи разума, не такъ какъ категоріи, не приносятъ намъ ни малѣйшей пользы въ дѣлѣ употребленія разсудка по отношенію къ опыту. Въ этомъ отношеніи безъ нихъ можно совершенно обойтись, даже можно сказать, что началамъ рациональнаго познанія природы онѣ составляютъ противорѣчіе и препятствіе, хотя для другихъ цѣлей, которыя еще нужно опредѣлить, онѣ могутъ быть и необходимы“. Относительно идеи о Богѣ въ частности, онъ замѣчаетъ: „слѣдуя правильному началу философіи природы, мы должны удержаться отъ всякаго объясненія строя природы, которое было-бы извлекаемо изъ воли высочайшаго Существа, такъ какъ это будетъ уже не философія природы, а признаніе, что мы покончили съ нею“. Proleg. Ed. v. Kirchmann. 1876 § 44. При такомъ мнѣніи о гносеологическомъ значеніи идеи о Богѣ, нельзя не видѣть противорѣчія съ тѣмъ, что говорится въ Критикѣ чистаго разума о необходимости идей для расширенія и восполненія нашего познанія. Еще объ этомъ противорѣчій, см. „Религія, ея сущность и происхожденіе“. 1871. стр. 83—84.

О ФИЗИОЛОГИЧЕСКОМЪ МЕТОДѢ

ВЪ

ПСИХОЛОГИИ.

(Продолженіе *).

IX.

Теоріи воспріятій, преимущественно зрительныхъ¹⁾).

48. Теоріи прирожденныхъ способностей: теорія представительства и тождественности; теорія прирожденной проэкции.—49. Вспомогательныя къ нимъ гипотезы.—50. Новѣйшія пативистическія теоріи.—51. Генетическія теоріи: логическая.—52. Ассоціаціонная теорія.—53. Теорія мѣстныхъ знаковъ.—54. Синтетическая теорія.—55. Выводъ: природа воспріятія вообще и его субъективность.

48. Обратимся теперь къ фізіологическимъ теоріямъ воспріятія, изъ которыхъ субъективность познаваемаго вытекаетъ еще съ большею очевидностію. Воспріятіе, какъ мы видѣли изъ словъ Ландуа, есть установленіе связи между ощущеніемъ и внѣшней причиною его, иными словами: отнесеніе ощущенія къ предмету, его возбуждающему. Связь эта, по словамъ Ландуа, устанавливается умозаключеніемъ, очевидно основаннымъ на

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 11.

¹⁾ Эта глава, заимствованная буквально изъ „Физиологической психологіи“ Вундта вслѣдствіе сжатости изложенія можетъ показаться довольно трудвою, особенно для читателей, никогда не занимавшихся вопросомъ о зрительныхъ воспріятіяхъ. Подробное же изложеніе всѣхъ теорій для нашей цѣли было бы излишне и заняло бы слишкомъ много мѣста. Краткое изложеніе Вундта во всякомъ случаѣ знакомитъ съ положеніемъ вопроса въ достаточной мѣрѣ.

законъ причинности, и умозаключеніе это иногда бываетъ даже безсознательнымъ. Но это не единственная теорія воспріятія. Такихъ теорій существуетъ нѣсколько. Особенно любопытны теоріи зрительныхъ воспріятій. Мы изложимъ эти теоріи словами Вундта, который дѣлитъ ихъ на два класса: теоріи нативистическія и генетическія. Сначала эти теоріи были смѣшаны и строго не отдѣлялись, какъ, на примѣръ у Декарта, Локка, Капта, которые считали нѣкоторыя части воспріятій, какъ то: пространственное упорядоченіе ощущеній вообще, воспріятіе направленія объектовъ,—прирожденными, другія же, на примѣръ,—сужденіе о разстояніи и величинѣ предметовъ, прибрѣтенными путемъ опыта. Считая пространство, вслѣдъ за *Кантомъ*, прирожденною формою чувственнаго воспріятія, полагали возможнымъ вывести и отдѣльныя пространственныя воспріятія изъ даннаго строенія первой системы и органовъ чувствъ „Такъ *Юг. Мюллеръ* выставилъ положеніе, что каждая периферическая точка, въ которой оканчивается нервное волокно, представляетъ частичку пространства въ общемъ чувствилищѣ (*sensorium*). По этой теоріи первоначальное представленіе о нашемъ тѣлѣ дается въ силу того, что наше тѣло провизано нервами; точно также представленіе пространства, проходимаго при движеніи, непосредственно связано съ ощущеніемъ мышць или, можетъ быть, съ иннерваціею отдѣльныхъ двигательныхъ волоконъ“ ¹⁾. „Исходя изъ этой теоріи, *Юг. Мюллеръ* высказалъ положеніе, что не только наша сѣтчатка непосредственно способна къ пространственному воспріятію, но что даже величина изображенія на сѣтчаткѣ есть первоначальное мѣрило для измѣренія зрительныхъ объектовъ. По мнѣнію этого фізіолога, *соответственно лежація точки* (двухъ) сѣтчатокъ (нашихъ глазъ) равнозначущи (адекватны) отдѣльной (одной) точкѣ пространства; это обуславливается, по *І. Мюллеру*, тѣмъ, что на перекрестѣ зрительныхъ нервовъ каждое зрительное волокно дѣлится на два волокна, идущія къ (вышеупомянутымъ) тождественнымъ точкамъ (въ томъ и другомъ глазу). На основаніи этого первоначальное зрѣніе должно быть плоскостнымъ, пред-

¹⁾ *Вундтъ*. Основ. физ. псах. стр. 560.

ставленіе-же различнаго удаленія объектовъ, ихъ видимая величина, а также представленіе протяженія въ глубину,—не прирождены, а приобрѣтаются опытомъ“¹⁾. Къ этой теоріи примыкаютъ *Фолькманъ*, *Классенъ* и даже въ сущности *Шопенгауэръ*. „На этомъ-же возрѣніи основывается ученіе *Вебера* о кругахъ ощущенія²⁾. Въ первоначальной формѣ этого ученія кругъ ощущенія представляетъ участокъ кожи, соотвѣтствующій одному нервному волокну и, слѣдовательно, ощущаемый какъ пространственная единица (соотвѣтствующая *Мюллеровской* частичкѣ пространства). Впослѣдствіи *Веберъ* принялъ, что круги ощущеній суть очень малые участки кожи, такъ что между двумя различными впечатлѣніями лежитъ нѣсколько круговъ ощущеній; къ этому онъ готовъ свести представленіе находящагося между кругами промежутка. Кромѣ того онъ сталъ думать, что опредѣленіе мѣста впечатлѣнія вѣроятно происходитъ лишь посредствомъ опыта и что при упражненіи органъ осязанія совершенствуется въ пространственномъ различеніи“. Теорію эту „исправилъ *Чермакъ*, замѣнивши лежащіе другъ возлѣ друга круги ощущенія кругами интерферирующимися, въ которыхъ сливаются пространственно раздѣленные впечатлѣнія“³⁾. „Нативистическую теорію въ чистомъ видѣ мы имѣемъ въ гипотезѣ *проэкции*, которая приписываетъ сѣтчатой оболочкѣ прирожденное свойство проэктировать свои впечатлѣнія наружу по направленію опредѣленныхъ прямыхъ линій, направляющихъ лучей, или линій визированія, или, наконецъ, проходящихъ черезъ центръ кривизны (глаза). Въ такомъ смыслѣ непосредственная проэктіа принимается *Портерфильдомъ*, *Тюртуалемъ*, а также *Фолькманомъ*, въ одной изъ его старыхъ работъ. Это возрѣніе часто существуетъ, хотя скрыто, въ основаніи фізіологическихъ изслѣдованій, причемъ направляющіе лучи, или, въ новѣйшихъ работахъ, линіи ви-

¹⁾ *Вундтъ*, Основанія фізіолог. псих. стр. 709.

²⁾ Кругомъ ощущенія называется участокъ кожи, ощущающій двѣ разставленныя ножки циркуля какъ одну. Для разныхъ мѣстъ кожи разстояніе между ножками различно. Опытъ производится съ закрытыми глазами.

³⁾ *Ibid.* стр. 560—561.

зирования обыкновенно считаются тѣми линіями, по которымъ проектируются наружу впечатлѣнія“ ¹⁾).

49. „Но какъ гипотеза „субъективной тождественности“ такъ и „теорія проэкціи“ встрѣчаютъ непреодолимые затрудненія въ явленіяхъ бинокулярнаго зрѣнія. Первая не объясняетъ, почему мы не видимъ вдвойнѣ всѣхъ тѣхъ предметовъ, изображенія которыхъ занимаютъ нетождественныя точки. Для устраненія этой трудности предложены вспомогательныя гипотезы. Брюкке полагаетъ, что сляпаніе въ одинъ образъ происходитъ вслѣдствіе движеній глаза, причемъ фиксаціонная точка двигается по различнымъ точкамъ объекта, и что кромѣ того, здѣсь играетъ роль неясность частей, видимыхъ съ боку. Эта гипотеза однако опровергнута опытами Дове, показавшими, что сляпаніе стереоскопическихъ объектовъ можетъ происходить и при моментальномъ освѣщеніи электрическою искрою (т. е. когда глазъ не имѣетъ времени двигаться по различнымъ точкамъ)“. „Гипотеза проэкціи страдаетъ противоположнымъ недостаткомъ: она не можетъ объяснить двойственныхъ образовъ при бинокулярномъ зрѣніи. Если изображеніе проектируется наружу по направляющимъ линіямъ, или по линіямъ зирования, очень незначительно уклоняющимся отъ первыхъ, то мы должны-бы видѣть не двойственно, а просто (т. е. какъ одинъ образъ) всѣ точки безъ исключенія, такъ какъ лучи зрѣнія, соотвѣтствующіе какой-либо видимой точкѣ, всѣ пересѣкаются въ этой точкѣ. Въ недавнее время Дондерсъ защищалъ теорію проэкціи въ томъ смыслѣ, что она по крайней мѣрѣ служитъ выраженіемъ большинства случаевъ. Налель старался развить ее другимъ образомъ. Онъ принимаетъ для каждой сѣтчаты независимую проэкцію на особую поверхность шара; эти двѣ поверхности пересѣкаются въ точкѣ фиксаціи и при зрѣніи въ безконечную даль переходятъ въ одну

¹⁾ Ibid. стр. 710. Въ физиологій это воззрѣніе извѣстно подъ именемъ закона эксцентрическаго отнесенія ощущеній (Бернштейнъ, Физиолог. органовъ чувствъ, стр. 25), или просто закона эксцентричности ощущеній (И. И. Ковалевскій, Психіатрія, I, стр. 93), или даже ученія о наружности ощущеній, какъ выражается переводчикъ учебника Бони. (См. отдѣлъ объ ощущеніяхъ органовъ чувствъ).

плоскость. Но при этомъ Нагель совершенно оставляетъ нативистическую точку зрѣнія, производя проектированіе по линиямъ визированія отъ мышечнаго чувства; въ тоже время онъ рѣшительно возстаеъ противъ гипотезы тождественности. Правда, теорія Нагеля объясняетъ происхожденіе двойственныхъ образовъ, но она находится въ противорѣчій съ фактомъ, что бинокулярное поле зрѣнія въ дѣйствительности представляетъ форму чрезвычайно измѣнчивую и что самая обыкновенная форма его есть проэкціонная поверхность, общая для обоихъ глазъ и являющаяся въ своей верхней части шарообразной поверхностью, а въ нижней—плоскостію почвы, кажущаяся восходящею¹⁾.

50. „Новѣйшія нативистическія теоріи считаютъ прирожденными, кромѣ первоначальнаго пространственнаго порядка точекъ плоскостнаго зрѣнія, и отношенія удаленія точекъ пространства отъ зрителя. Такъ, *Панумъ* полагаетъ, что съ каждою точкою одной сѣтчатки координирована не только тождественная точка другой сѣтчатой оболочки, но также цѣлый соотвѣтствующій кругъ ощущенія послѣдней. Тождественныя точки должны, а соотвѣтствующія могутъ видѣть недвойственно, отъ параллакса-же сливающихся нетождественныхъ точекъ (т. е. отъ угла, образуемаго линиями, проведенными отъ двухъ такихъ точекъ сѣтчатки къ видимой точкѣ) зависитъ чувство протяженности въ глубину“. „Такимъ образомъ эта теорія такъ называемой „синергіи бинокулярнаго параллакса“ просто ставитъ въ основаніе cadaго явленія (воспріятія) прирожденное свойство сѣтчатки. Она можетъ казаться выражающею явленія только тогда, если не стѣсняться въ приписываніи сѣтчатой оболочкѣ разнообразныхъ и запутанныхъ энергій“²⁾. „Въ томъ же направленіи разрабатывалась нативистическая теорія *Герингомъ*. Послѣдній принимаетъ, что въ каждомъ впечатлѣніи сѣтчатки заключаются три рода пространственныхъ чувствъ: чувство высоты, ширины и глубины. Чувство высоты вмѣстѣ съ чувствомъ ширины даетъ чувство на-

¹⁾ Ibid. стр. 710—711.

²⁾ Ibid. стр. 712.

правления для различныхъ мѣстъ общаго поля зрѣнія; для каждаго двухъ тождественныхъ точекъ сила этихъ чувствъ одинакова. Чувство-же глубины для каждаго двухъ точекъ одинаково по силѣ, по противоположному направленію, такъ что тождественнымъ точкамъ соотвѣтствуетъ чувство глубины равное нулю. Всѣ точки изображенія, которымъ соотвѣтствуетъ нулевое чувство глубины, являются въ непосредственномъ актѣ ощущенія въ одной плоскости, въ основной плоскости зрительнаго пространства²⁾. „Напротивъ, на симметрическихъ мѣстахъ сѣтчатки чувство глубины одинаково по силѣ и направленію, именно, на наружной половинѣ сѣтчатки (къ вискамъ) оно положительно, т. е. точки изображеній лежатъ здѣсь „позади“ основной плоскости, и отрицательно на внутренней половинѣ сѣтчатки (къ носу), т. е. точки изображеній лежатъ здѣсь „передъ“ основною плоскостью. Кроме того Герингъ полагаетъ, что первоначально ощущаются недвойственно только впечатлѣнія тождественныхъ точекъ, потому что эти впечатлѣнія должны ощущаться недвойственно. Сліяніе-же нетождественныхъ точекъ выводится имъ изъ психологическихъ причинъ, въ особенности-же изъ невниманія къ различной силѣ чувства глубины“. Штумпфъ комбинировать взгляды Геринга и Нагеля. Въ этихъ новѣйшихъ теоріяхъ снова заключается противорѣчіе, именно: тождественными точками мы должны видѣть недвойственно; но при извѣстныхъ обстоятельствахъ можемъ видѣть недвойственно и нетождественными точками. Логическое заключеніе изъ этого то, что мы можемъ координировать каждую точку одной сѣтчатки одновременно съ двумя другими точками другой сѣтчатки. Для избѣжанія этого говорятъ объ отсутствіи вниманія, о неточности фиксаціи и т. п., опуская изъ вида то, что сліяніе происходитъ и безъ движеній глазъ, какъ только яв-

²⁾ „Если-бы это было такъ, замѣчаетъ Вундтъ, то напр. цилиндрическая поверхность, лежащая въ вертикальномъ горизонтѣ, должна была-бы являться плоскостью, но этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ“. Стр. 714. Сочиненіе Геринга существуетъ въ русскомъ переводѣ Манассеиной, подъ заглавіемъ: „Пространственное чувство и движенія глаза“. Помѣщено въ III томѣ Руководства къ физиологій, издаваем. Германномъ. С. - П. Б. 1887.

ляется представленіе глубины, если-же такого представленія нѣтъ, то непременно являются двойные образы. Очевидно, глазныя движенія помогаютъ сліянію только въ томъ смыслѣ, что они способствуютъ возникновенію представленія глубины. Громадная масса фактовъ относительно вліянія движеній глаза на измѣреніе разстояній зрительнаго поля оставляется безъ вниманія разсматриваемыми теоріями или объясняется ими весьма натянуто; въ примѣръ можно указать на теорію *Геринга* и *Кундта* ¹⁾, которые принимаютъ, что глазъ измѣряетъ разстояніе между двумя точками по прямой линіи въ изображеніи на сѣтчаткѣ, т. е. по хордѣ сѣтчатки между данными точками изображенія. Эта хорда въ сравненіи съ дугою изображенія по сѣтчаткѣ тѣмъ меньше, чѣмъ больше разстояніе между данными двумя точками" ²⁾. Таковы главнѣйшія теоріи врожденной способности зрительныхъ воспріятій. Очевидно „прирожденные идеи“ переселились изъ чисто психологической сферы въ психо-физиологическую и пріютились въ физиологіи органовъ чувствъ, которымъ будто-бы природжена способность поктированія ощущенія наружу“. Для противниковъ врожденныхъ идей это должно быть весьма огорчительно.

51. Перейдемъ теперь къ генетическимъ теоріямъ. „Основателемъ этого направленія вужно считать *Берклея*, эмпирическая теорія котораго впервые указываетъ важную вспомогательную роль при зрительныхъ воспріятіяхъ осязанія. Всѣхъ дальше въ этомъ отношеніи пошелъ *Кондильякъ*, который размѣщеніе осязаній въ пространствѣ выводилъ единственно изъ осязанія. Впослѣдствіи эта теорія развивалась въ двухъ главныхъ формахъ. Первую изъ этихъ формъ мы назовемъ „логическою теоріею“, вторую—„теоріею ассоціаціи“. Впрочемъ они не всегда являются строго раздѣленными между собой, какъ у самого Берклея. „Вообще логическая форма есть самая естественная и простая форма эмпиризма, потому что опытъ сводится къ сужденіямъ и выводамъ объ от-

¹⁾ Ibid стр. 713—714.

²⁾ Ibid. стр. 643.

ношеніяхъ предметовъ между собою. Берлей и большинство защитниковъ возрѣній среднихъ между нативизмомъ и эмпиризмомъ принимаютъ здѣсь „сознательную“ дѣятельность ума, которая замѣнена въ настоящее время „безсознательнымъ“ сужденіемъ и умозаключеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя мы можемъ привести относящіяся сюда явленія въ логическую форму, но они не бываютъ даны намъ непосредственно въ формѣ сужденій и умозаключеній. Признанію значенія этой безсознательной дѣятельности ума положили начало частію различіе Лейбницемъ смутнаго и яснаго представленія, — причемъ первое принадлежитъ чувственности, второе — уму, — частію логическій формализмъ Вольфа. Хотя Кантъ протестовалъ противъ этихъ возрѣній, сводившихъ разницу между чувственностію и разумомъ на простое различіе въ степени ясности представленій ¹⁾, но онъ самъ указывалъ въ опроверженіе Локка на существованіе смутныхъ и безсознательныхъ представленій ²⁾. Иную форму логическому эмпиризму далъ Шопенгауэръ, утверждавшій „интеллектуальность“, (а не чувственный характеръ) воспріятія, ибо оно основывается по его мнѣнію на прирожденномъ интеллектуальномъ законѣ причинности. „Независимо отъ него я“ говоритъ *Вундтъ*, „пытался доказать психологическую натуру процессовъ образованія зрительныхъ воспріятій и свелъ эти процессы къ процессу безсознательнаго умозаключенія, указавъ при этомъ на „творческую природу происходящаго здѣсь синтеза ощущеній, въ которой и состоитъ отличіе этого синтеза отъ обыкновенныхъ заключеній отъ опытныхъ данныхъ“ ³⁾. *Гельмгольцъ* еще раньше выставилъ на видъ то, что обманы зрѣнія и стереоскопическія воспріятія основываются на умозаключеніяхъ, несознаваемыхъ нами и произвольныхъ. Его общіе взгляды отличаются отъ моихъ только въ одномъ, но весьма существенномъ отношеніи. Гельмгольцъ сводитъ всѣ воспріятія къ заключеніямъ

¹⁾ Anthropol. Werke B. VII, 2, s. 28.

²⁾ Ibid. s. 21.

³⁾ Т. е. отличилъ трансцендентальную апперцепцію отъ опытной, какъ у Канта.

„по аналогіи“. Напримѣръ, впечатлѣнія правой половины сѣтчатки проецируются во внѣшнемъ пространствѣ въ лѣвую сторону потому, что въ безчисленномъ множествѣ случаевъ опытъ показалъ, что предметы, обуславливающіе эти впечатлѣнія, дѣйствительно лежатъ въ такомъ направленіи. Но здѣсь-то и заключается слабое мѣсто эмпирической теоріи. О каждомъ ощущеніи мы судимъ по аналогіи съ прежними опытами, но этимъ не объясняется первое происхожденіе опыта, которое уже предполагаетъ координированныя воспріятія. Гельмгольцъ устраняетъ это затрудненіе, говоря, что первыя пространственныя представленія образуются при помощи осязанія, вполне согласно съ воззрѣніями Берклея и Кондильяка, основателей эмпирической теоріи“ ¹⁾. „Допустимъ, что это такъ; тогда та же самая трудность является при объясненіи происхожденія осязательныхъ воспріятій. Такъ какъ здѣсь не можетъ быть рѣчи объ умозаключеніяхъ по аналогіи, то приходится принять прирожденность пространственнаго отношенія осязательныхъ ощущеній. Если же допускать это для ощущенія осязанія, то вѣтъ причины не допускать того же и для зрительныхъ ощущеній. Кромѣ того Гельмгольцъ, сходясь съ Шопенгауэромъ, считаетъ принципъ причинности прирожденнымъ и проявляющимся въ каждомъ отдѣльномъ актѣ воспріятія въ томъ, что мы относимъ наши ощущенія къ внѣшнему объекту какъ причинѣ ихъ“ ²⁾. Но здѣсь тоже самое, что съ процессомъ умозаключенія при нашихъ воспріятіяхъ. Рефлексія можетъ прилагать принципъ достаточной причины къ такимъ явленіямъ, которыя сами по себѣ вовсе не заключаютъ понятія о причинѣ. Первичное сознаніе ни мало не считаетъ внѣшнее раздраженіе причиною ощущенія, точно также не считаетъ объектъ воспріятія причиною послѣдняго ³⁾. Замѣчательно, что здѣсь

¹⁾ То же Берштейнъ: Физиол. органовъ чувствъ, стр. 25.

²⁾ Этого взгляда держится, повидимому, и Сѣченовъ, говоримъ, „повидимому“ потому, что въ сущности трудно сказать къ какому именно взгляду онъ примыкаетъ. Психол. этюды, стр. 186.

³⁾ Въ сущности и не можетъ, ибо мы знаемъ только ощущенія, значитъ не имѣемъ никакого предмета, чтобы считать его въ качествѣ причины ощущенія. Нужно знать предметъ помимо ощущенія, чтобы считать его причиною ощущенія.

эмпирическая теорія признаетъ прирожденность такого понятія, выведенность котораго изъ опыта гораздо очевиднѣе, чѣмъ происхожденіе отъ опыта чувственнаго воспріятія ¹⁾.

52. Обратимся теперь къ другому подраздѣленію генетическихъ теорій, именно къ теоріямъ ассоціаціи. Направленіе это развито, такъ называемою, шотландскою філософскою школою. Въ этой теоріи нужно различать два момента: во-первыхъ, выдѣленіе, чрезъ ассоціацію однородныхъ элементовъ ощущеній, общаго воспріятія пространства, и во-вторыхъ, соединеніе чрезъ ассоціацію разнородныхъ элементовъ различныхъ ощущеній въ различныя воспріятія. Теорія воспріятія пространства состоитъ въ слѣдующемъ: „Представленіе пространства возникаетъ изъ движеній. Поэтому, самое первоначальное представленіе есть представленіе движенія ²⁾, которое происходитъ отъ различныхъ по степени интенсивности мышечныхъ чувствъ, связанныхъ съ движеніемъ. Это возрѣніе составляетъ собственно дальнѣйшее развитіе теоріи Берклея. Но градативныя по интенсивности ощущенія сами по себѣ еще не заключаютъ пространственнаго порядка, поэтому *Бэнъ* выводитъ представленіе пространства изъ взаимодействія ощущеній движенія и представленія времени. Наше движеніе, смотря по своей быстротѣ, проходитъ чрезъ одни и тѣ-же градаціи интенсивности въ различные промежутки времени (т. е. при различной скорости остается одинъ и тотъ-же интенсивный рядъ мускульныхъ ощущеній); отъ представленія продолжительности (скорости) движенія обособляется, такимъ образомъ, представленіе объема движенія (пройденнаго разстоянія) или пространства ³⁾. Подобнымъ-же образомъ слагается пространственный порядокъ осязательныхъ ощущеній. Мы послѣдовательно осязаемъ (одинъ и тотъ-же) рядъ предметовъ съ различною быстротою (одинъ разъ скорѣе, въ другой медленнѣе); вслѣдствіе этого порядокъ впечатлѣній воспринимается независимо отъ ихъ послѣдовательности во времени, и поэтому впечатлѣнія должны быть

¹⁾ Ibid. стр. 715—717.

²⁾ *Тренделенбургъ* думаетъ тоже, но считаетъ первоначальное сознаніе движенія прирожденнымъ.

³⁾ См. Психологія, С. И. Б. 1881, стр. 27--28.

расположенными другъ подлѣ друга“. „Ошибка этой теоріи состоитъ въ томъ, что главнымъ факторомъ пространственнаго представленія она считаетъ представленіе времени. По этой теоріи извѣстный рядъ ощущеній становится частію пространства лишь потому, что послѣдовательность ощущеній развивается съ различною быстротою. Но такимъ образомъ можетъ возникнуть лишь представленіе быстроты, а не пространства, какъ это видно на другихъ ощущеніяхъ, напр., ощущеніяхъ слуха. Рядъ тоновъ различной интенсивности или различной высоты, повторяясь съ измѣняющеюся быстротою, никогда не даетъ представленія пространства. Такимъ образомъ за ощущеніями движенія оставляется то специфическое свойство, что интенсивности ихъ приводятся въ пространственный рядъ; это въ сущности приближается къ первоначальному воззрѣнію Берклея. Кромѣ того, эта теорія не объясняетъ, почему органъ осязанія, находясь въ покоѣ, способенъ локализовать свои впечатлѣнія и размѣщать ихъ въ пространствѣ. Для избѣжанія этого возраженія придется комбинировать эту теорію съ нижеслѣдующей: придется принять мѣстные знаки, съ помощію которыхъ можно было-бы снова узнать впечатлѣніе относительно мѣста, на которое оно дѣйствуетъ“¹⁾. Это о воспріятіи пространства. Что касается до качественно различныхъ воспріятій органовъ чувствъ, въ частности зрѣнія, то здѣсь „всякое зрительное представленіе, даже простое, напр., воспріятіе цвѣтной поверхности, считается сложнымъ, т. е. состоящимъ изъ простѣйшихъ представленій, тѣсно ассоціированныхъ между собою. Такъ Бѣнъ производитъ какъ зрительныя, такъ равно и осязательныя воспріятія изъ ассоціаціи специфическихъ чувственныхъ ощущеній съ мышечными чувствами. Представленіе линейной и плоскостной протяженности образуется вслѣдствіе того, что при движеніяхъ глазъ съ впечатлѣніями сѣтчатки ассоціируются различныя степени интенсивности мышечнаго чувства; представленіе-же глубины возникаетъ при помощи мышечныхъ чувствъ, съ которыми свя-

¹⁾ Вундтъ. Основ. физ. психол. стр. 563—564.

заны аккомодация и конвергенция ¹⁾. Эта форма эмпирическаго возрѣнія имѣеть то преимущество, что она приписываетъ зрительнымъ представленіямъ самостоятельное происхожденіе. Но ей можно возразить, что выраженіе „ассоціация“ едва-ли примѣнимо здѣсь, такъ какъ то соединеніе ощущеній, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, весьма отличается отъ обыкновенной ассоціаціи представленій“. „Теорія ассоціаціи смѣшиваетъ ассоціацію съ первичнымъ синтезомъ ощущеній, тогда какъ эти процессы явственно различаются наблюденіемъ“. „Существенная разница ихъ выражается въ томъ, что ассоціированныя представленія не теряютъ своихъ свойствъ, тогда какъ построеніе пространства (въ воспріятіи) вводитъ совершенно новый продуктъ (въ ощущаемый матеріаль). Это признается и главнымъ представителемъ ассоціонизма *Д. С. Миллемъ*, называющимъ происходящій здѣсь процессъ „психическимъ химизмомъ“, что тождественно съ нашимъ выраженіемъ „психическій синтезъ“ ²⁾ „Различныя формы эмпирической теоріи являются несостоятельными главнымъ образомъ при сопоставленіи съ тѣмъ необходимымъ выводомъ психологическаго анализа, что воспріятіе, служа почвою для опыта, само не можетъ вытекать изъ опыта ³⁾.

53. Въ сущности къ теоріямъ ассоціаціи принадлежит и теорія „мѣстныхъ знаковъ“, развитая *Лотце* въ критикѣ *Гербарта*. По мнѣнію Гербарта, представленіе пространства происходитъ изъ послѣдовательности ощущеній, которыя располагаются въ пространственномъ порядкѣ тогда, если рядъ ихъ можетъ быть пройденъ не только съ одного конца, но и съ другаго, т. е. не только въ прямомъ послѣдовательномъ порядкѣ, но и въ обратномъ“ ⁴⁾. „Въ частности зрительныя воспріятія Гербартъ выводилъ изъ свѣтовыхъ ощущеній, которыя

¹⁾ Тоже раньше (1811 г.) у *Штейнбуха*. (Аккомодация состоитъ въ томъ, что хрусталикъ глаза можетъ дѣлаться, смотря по разстоянію предмета, на который мы смотримъ, то менѣе выпуклымъ (плосче), то болѣе выпуклымъ (толще). Хрусталикъ становится тѣмъ толще, чѣмъ ближе рассматриваемый нами предметъ. Конвергенція—сведеніе зрительныхъ осей).

²⁾ *Вундтъ*, *ibid.* 717—718.

³⁾ *Ibid.* стр. 718.

⁴⁾ *Вундтъ* *ibid.* стр. 562.

послѣдовательно возникаютъ при движеніи глаза въ одну сторону и обратно, сливаясь съ воспроизведенными ощущеніями въ постепенной градаціи“¹⁾. „Противъ этой теоріи замѣчаютъ, что совершенно непонятно почему представленія, идущія въ обратномъ порядкѣ, должны составить что-нибудь другое, кромѣ ряда. По мнѣнію Лотце, мы легко можемъ найти рядъ, который долженъ-бы дать намъ представленіе пространства, напр., стоитъ спѣть гамму сверху внизъ и обратно,—но тѣмъ не менѣе при этомъ не получается никакого пространственнаго представленія²⁾. Поэтому Лотце вводитъ въ пространственныя воспріятія фізіологической элементъ. По его мнѣнію, всѣ ощущенія происходятъ изъ чисто интенсивныхъ возбужденій. Если они получаются въ пространственномъ порядкѣ, то это зависитъ отъ присоединенія нервнаго процесса, дающаго ощущенію опредѣленный знакъ, благодаря которому мы относимъ ощущеніе къ извѣстному мѣсту въ пространствѣ“³⁾. „Мы должны предположить, что ощущеніе всегда носитъ на себѣ отпечатокъ той отдѣльной нити, которою оно вызвано, что ощущеніе, вызванное однимъ и тѣмъ же давленіемъ, будетъ имѣть разные оттѣнки, смотря по тому, производится ли давленіе на извѣстную нить ноги, или на нить руки, что наконецъ даже смежныя нити при тѣхъ же условіяхъ вызываютъ нѣсколько различныя ощущенія“⁴⁾. Такимъ образомъ, одно и то же ощущеніе, но съ различными мѣстными знаками, мы должны будемъ относить къ различнымъ мѣстамъ пространства, и наоборотъ, два различныхъ послѣдовательныхъ ощущенія, но съ однимъ мѣстнымъ знакомъ, мы должны будемъ отнести къ одному мѣсту. „Самъ Лотце говоритъ, что его теорія не объясняетъ представленія пространства, потому что это представленіе присуще нашей душѣ à priori, но что она указываетъ вспомогательныя средства размѣщенія ощущеній“. Въ

¹⁾ Ibid. стр. 718.

²⁾ Однако *сверху внизъ* и обратно суть представленія пространственныя. Во-время нѣтъ ни верха, ни низа.

³⁾ Вундтъ, *ibid.* стр. 563.

⁴⁾ О внѣшнихъ чувствахъ, перев. съ нѣмецк. подъ ред. Баладина. С. П. Б. 1861, стр. 40.

приложеніи къ зрительнымъ воспріятіямъ эта теорія имѣеть такой видъ. „Положимъ, что изображеніями свѣтящихся точекъ (звѣздъ) раздражаются три мѣста сѣтчатки: a , b и c , лежація другъ надъ другомъ и притомъ въ области неяснаго зрѣнія (по бокамъ сѣтчатки глаза); тогда нижняя прямая мышца глаза, двигая желтое пятно (самое чувствительное мѣсто сѣтчатки) кверху, послѣдовательно переводитъ свѣтящіяся точки съ мѣстъ a , b , c въ область яснаго видѣнія. При этомъ получаютъ три различныя степени интенсивности иннерваціоннаго (мускульнаго) чувства— m , m^1 и m^2 . Въ мозговой корѣ a ассоціируется съ m , b —съ m^1 и c —съ m^2 . Тогда (т. е. вслѣдствіе этого) возбужденіе (мѣсть сѣтчатки) a , b или c вызываетъ (по ассоціаціи) чрезъ посредство ассоціаціонныхъ волоконъ иннерваціонное чувство, различное по интенсивности для каждаго и этихъ трехъ мѣстъ сѣтчатки“. Такимъ образомъ, въ сознаніи получается, такъ сказать, мозаикообразная непрерывность (въ пространствѣ), обусловленная непрерывностью различныхъ, измѣняющихся по интенсивности, мѣстныхъ знаковъ ¹⁾. „По моему мнѣнію“, говоритъ Вундтъ, „теорія эта вѣрна относительно вліянія иннерваціонныхъ чувствъ. Но она не объясняетъ, почему различія относительно двигательныхъ чувствъ по интенсивности сводятся нами на протяженіе въ пространствѣ. Возникаетъ вопросъ о первомъ возникновеніи пространственнаго порядка впечатлѣній“. Первое возникновеніе пространственныхъ представленій осязанія, по мнѣнію Вундта, лучше всего объясняется, повидимому, теоріею Бэна ²⁾, съ которою онъ и комбинируетъ теорію Лотце.

54. „Я еще раньше указывалъ“, говоритъ Вундтъ, „на необходимость принять, кромѣ интенсивной градаціи иннерваціонныхъ чувствъ, качественныя различія периферическихъ ощущеній; тогда изъ синтеза этихъ развородныхъ элементовъ можно произвести экстенсивную форму поля зрѣнія“. „Гельмгольцъ вообще присоединяется къ сказанному мною относитель-

¹⁾ Мейнертъ, Механика душевной дѣятельности, перев. Кандиаскаго, Москва 1880, стр. 18.

²⁾ Ibid стр. 563.

но построения поля зрѣнія. Отличіе его взгляда состоитъ въ томъ, что онъ считаетъ иннервационныя чувства и мѣстныя ощущенія независимыми другъ отъ друга факторами, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ можетъ обусловить пространственное воспріятіе. Кромѣ того онъ полагаетъ, что нѣтъ необходимости принимать непрерывный рядъ качественныхъ измѣненій въ мѣстныхъ знакахъ и думаетъ, что послѣдніе могутъ быть распределены по сѣтчаткѣ какъ угодно, такъ какъ только опытъ придаетъ каждому изъ нихъ значеніе. По этой теоріи пространственное воспріятіе не заключается въ первичномъ ощущеніи, но въ сущности она предполагаетъ это воспріятіе въ ощущеніи, и именно, какъ въ иннервационномъ чувствѣ, такъ и въ мѣстномъ знакѣ ¹⁾. Отъ этого недостатка свободна развиваемая нами теорія, которую, въ отличіе отъ другихъ формъ генетическаго воззрѣнія, можно назвать синтетическою теоріею. Мы старались доказать, что пространственное представленіе происходитъ изъ соединенія качественно различныхъ периферическихъ ощущеній съ качественно однородными иннервационными чувствами (мускульными), которыя по своей интенсивной градативности (разностепенности напряженія) могутъ быть общими мѣрилами величины. Этимъ дается возможность приведенія разнородности мѣстныхъ знаковъ къ однороднымъ измѣреніямъ, т. е. возможность приведенія ихъ въ пространственную форму. Качественное различіе приведенныхъ въ пространственную форму мѣстныхъ знаковъ дѣлаетъ возможнымъ различеніе отдѣльныхъ направленій и положеній въ пространствѣ. Въ каждомъ зрительномъ представленіи, такимъ образомъ, не только дается общая форма пространства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отношеніе впечатлѣній къ направленіямъ и отношенію въ пространствѣ. Конечно, мы

¹⁾ *Спенсеръ*, Основан. психол. III стр. 191 тоже полагаетъ, что ощущенія напр. звуковыя могутъ быть безпространственны; однако звукъ не можетъ-же звучать ни въ какомъ пространствѣ, т. е. *нидѣ*. Если я никуда его не отношу, онъ для меня не существуетъ. Если я отношу его къ извѣстному мѣсту посредствомъ ощущенія *движенія* (*ibid.* стр. 192), то вѣдь движеніе тоже не можетъ быть ощущаемо безъ воспріятія пространства.

предполагаемъ для „индивидуума“¹⁾ прирожденными извѣстными механизмы въ центральныхъ органахъ и въ органахъ чувствъ, во-первыхъ, регуляторные аппараты (центры) двигательной иннерваціи, во-вторыхъ, главнымъ образомъ непрерывность порядка мѣстныхъ знаковъ. Нативизмъ въ этомъ относителномъ смыслѣ вполнѣ основателенъ“²⁾. Т. е. сказать проще представленіе пространства апріорно и апріоренъ механизмъ размѣщенія въ немъ ощущеній, т. е. превращенія ихъ въ воспріятіе, хотя этотъ механизмъ и способенъ къ дальнѣйшему развитію подъ вліяніемъ опыта. Таковы главнѣйшія теоріи генетическія.

55. Итакъ, мы видимъ, что существуютъ у фізіологовъ четыре теоріи зрительныхъ воспріятій или представленій: двѣ нативистическія, или апріорныя, теорія тождественныхъ точекъ сѣтчатки и теорія геометрической проэкціи, и двѣ генетическія или апостериорныя,—теорія умозаключающей проэкціи и ассоціаціонной. Всѣ онѣ соединены Вундтомъ въ синтетической. Изъ всѣхъ этихъ теорій слѣдуетъ, что подъ именемъ зрительныхъ воспріятій разумѣется размѣщеніе ощущеній въ пространствѣ, дающее имъ образъ пространственныхъ предметовъ. Въ сущности мы не имѣемъ здѣсь ничего кромѣ однихъ ощущеній, такъ что видимыя нами тѣла суть не что иное, какъ простые комплексы ассоціированныхъ субъективныхъ состояній. Самая ассоціація или пространственно временный синтезъ опять есть не что иное, какъ субъективная дѣятельность сознанія, или на фізіологическомъ языкѣ, дѣятельность ассоціаціоннаго нервного аппарата. Тоже самое приложимо къ объективированію и всѣхъ другихъ ощущеній, а не однихъ только зрительныхъ. Ибо существо слуховыхъ, обонятельныхъ, вкусовыхъ и осязательныхъ воспріятій состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ именно въ извѣстномъ расположеніи ихъ въ пространствѣ, т. е. въ отнесеніи, въ приуроченіи ихъ къ извѣстнымъ пунктамъ въ пространствѣ. Всякое воспріятіе есть геометрическая

¹⁾ Но не для поколѣній. Ибо индивидуумъ, какъ полагаютъ, наследуетъ организацию, развивающуюся въ продолженіе поколѣній.

²⁾ Ibid. 718—719.

проэція ощущенія, совершающаяся подъ вліяніемъ мускульнаго ощущенія, при посредствѣ движеній размѣщающаго въ пространствѣ ощущенія органовъ чувствъ, отличающіяся другъ отъ друга мѣстными знаками. Поэтому, логически, психологически, психофизиологически или просто физиологически проэктируемъ мы свои ощущенія въ формѣ объектовъ, мы ничего здѣсь другаго не имѣемъ кромѣ субъективныхъ состояній. Такимъ образомъ мы опять приходимъ къ тому-же выводу, что мы подъ именемъ внѣшняго міра имѣемъ передъ собою только свои-же собственные представленія или пространственныя воспріятія. Конечно можно еще, повидимому, предположить, что за этими представленіями и воспріятіями лежитъ дѣйствительный міръ вещей въ самихъ себѣ. Но и этого допустить съ физиологической точки зрѣнія нельзя. Это было бы возможно, если-бы пространство, время, матерія и движенія были независимы отъ ощущенія, но этого фізіологія не допускаетъ и допустить не можетъ, какъ мы сейчасъ увидимъ.

X.

Міръ какъ представленіе.

56. Субъективность пространства.—57. Субъективность времени.—58. Субъективность пространственно-временнаго образа міра.—59. Между Кантомъ и Беркелемъ.—60. Міръ, какъ продуктъ сознанія.—61. Обзоръ и переходъ.

56. Если воспріятіе есть проэція или размѣщеніе ощущеній въ пространствѣ при посредствѣ мѣстныхъ знаковъ и мускульнаго чувства, то естественно, что отъ той или иной природы пространства будетъ зависѣть смыслъ и характеръ этого размѣщенія: если пространство существуетъ объективно, т. е. независимо отъ воспріятія, то и размѣщеніе будетъ имѣть характеръ объективный; если-же оно есть только наше представленіе, то и размѣщеніе совершается только въ представленіи. Физиологи держатся именно этого послѣдняго мнѣнія. „Вообще физиологическія изслѣдованія“, по словамъ Прейера, „ведутъ неминуемо къ тому, что представленія о пространствѣ не имѣютъ той достовѣрности, какъ, напримѣръ,

представленія о цвѣтахъ. Они не такъ непосредственны. Они основаны не прямо на ощущеніи, а на сужденіи о различіи ощущеній, на количествѣ нервныхъ окончаній органовъ чувствъ. Если-бы глазъ имѣлъ одно только нервное волокно съ точкообразнымъ окончаніемъ, то посредствомъ него можно было-бы отличать свѣтлое отъ темнаго, но нельзя было-бы различать ничего пространственнаго. Несмотря на то, что пространственное чувство не владѣетъ въ орудіяхъ чувствъ спеціальными органами, такіе органы находятся все-таки въ центральной нервной системѣ, т. е. тамъ, гдѣ перерабатываются возбужденія чувствующихъ нервовъ. Посредствомъ одного яда, именно гашиша, можетъ быть разстроено пространственное видѣніе, такъ что комната представляется безконечно-большимъ заломъ, соломинка—непреодолимымъ препятствіемъ, выемка въ половницѣ кажется ужасною пропастью. При извѣстныхъ душевныхъ болѣзняхъ и во снѣ происходитъ подобное-же; при другихъ болѣзняхъ и въ кошмарахъ происходитъ обратное: больнымъ кажется, что все окружающее ихъ придвигается къ нимъ все ближе и ближе какъ-бы для того, чтобы задавить ихъ, при чемъ сознаніе также не прекращается¹⁾. „Если-бы пространство дѣйствительно было внѣшнимъ объектомъ, какъ это принимается гипотезою реализма, то мозговой механизмъ, состоящій только изъ ощущающихъ клѣтокъ и проэкціонныхъ волоконъ, былъ-бы не въ состояніи воспринять такого пространства“, говоритъ Мейнертъ. „Отдѣльныя клѣтки не могли-бы воспринимать различныхъ мѣсть пространства какъ одну непрерывность; тѣмъ не менѣе пространство всегда является для насъ непрерывностью. Если мы даже расширимъ наше знаніе о мозговомъ механизмѣ и представимъ себѣ, что клѣтки мозговой коры соединяются между собою отростками, образующими сложную сѣть, то и тогда мозговая кора еще неспособна къ воспріятію даннаго пространственнаго образа. Сѣть взаимно соединяющихся отростковъ функціонально связываетъ состоянія возбужденія

¹⁾ Пять чувствъ человѣка, стр. 53. Цитата приведена съ поправкой въ переводѣ.

всѣхъ клѣтокъ; но при этомъ должны слиться отдѣльныя мѣста, въ которыя въ дѣйствительности всегда разрѣшается непрерывность пространства“. „Пространство вообще не есть объектъ, но только продуктъ нашего сознанія. Это видно уже изъ того, что и ничто воспринимается нами какъ пространство“¹⁾. „Только потому внѣшняя пустота или „ничто“ становится въ мозгѣ пространствомъ, только потому пространственный объектъ можетъ родить въ насъ пространственное представленіе, что мы имѣемъ умозаключающій мозговой механизмъ“²⁾ или ассоціаціонный, что у Мейнерта одно и тоже. Итакъ, сущность дѣла въ томъ, что мы не имѣемъ непосредственнаго ощущенія пространства, потому что не имѣемъ для этого органа. Мы познаемъ пространство посредственно и потому оно должно быть нѣчто болѣе субъективное, чѣмъ непосредственныя ощущенія органовъ чувствъ. Тотъ-же результатъ получится, если допустить въ органахъ чувствъ прирожденную способность проектировать пространство, ибо и здѣсь такія проэкціи могутъ возникать лишь послѣ специфическихъ качественныхъ возбужденій этихъ органовъ.

57. „Тоже самое наблюдается и относительно времени“, говоритъ Прееръ, „которое подобно пространству не есть нѣчто присущее предметамъ самимъ по себѣ, какъ предметамъ, но принадлежитъ вещамъ, насколько онѣ производятъ впечатлѣнія. Различіе двухъ одинаковыхъ ощущеній, передаваемыхъ однимъ и тѣмъ-же волокномъ, и есть различіе во времени. Ни одно нервное волокно не можетъ одновременно и находиться въ покоѣ, и дѣйствовать; одно и тоже мѣсто видѣть и освѣщеннымъ, и темнымъ. Эти явленія могутъ только слѣдовать другъ за другомъ. Простое чередованіе покоя и возбужденія есть время. Поэтому одного только зрительнаго волокна съ точкообразнымъ нако-

1) Механика душевн. дѣятельности, стр. 15.

2) Ibid. стр. 19. „Внѣшнее воспріятіе вызываетъ воспроизведенный образъ, т. е. образъ не связанный съ непосредственнымъ воспріятіемъ. Мозговой механизмъ совершаетъ здѣсь актъ умозаключенія“. Очевидно Мейнертъ здѣсь умозаключеніе понимаетъ какъ ассоціацію. Однако какимъ образомъ по ассоціаціи можно „воспринять“ ничто, или пространство? Пространство во всякомъ случаѣ не результатъ, а условіе ассоціаціи.

нечникомъ было-бы достаточно для познаванія времени; но этому могутъ способствовать и всѣ пять чувствъ, такъ какъ ни одно изъ нихъ не находится въ непрерывномъ покоѣ или непрерывной дѣятельности" ¹⁾. „Точно также и время не есть сущность“, говоритъ Мейвертъ, „не есть что-либо воспринимаемое чувствами. Относительно времени мы гораздо яснѣе, чѣмъ относительно пространства, видимъ, что оно создается нашимъ сознаниемъ. Только вслѣдствіе того, что ассоціационная система мозга нашего приводитъ въ одинъ связанный послѣдовательный рядъ, напр., отдѣльныя слова обращенной къ намъ рѣчи, и рѣчь становится для насъ явленіемъ, совершающимся во времени. Тѣми-же волокнами обуславливается связная послѣдовательность и нашихъ внутреннихъ рѣчей,—теченіе нашихъ мыслей. Вундтъ справедливо говоритъ: мышленіе и время одно и то же. Когда въ нашемъ мышленіи происходитъ перерывъ, обусловленный состояніемъ безчувственности (обморокомъ), то это время для насъ не существуетъ. Время, т. е. непрерывность послѣдовательности явленій, создается только непрерывностію соединеній, производимыхъ для всего мозга ассоціационными волокнами. Такъ называемые слѣды времени, напр., вывѣтриваніе кристаллической каменной породы, суть измѣненія въ явленіи, относительно которыхъ мы только предполагаемъ, что они совпадаютъ или могли-бы совпадать съ послѣдовательностію хода человѣческихъ мыслей. Гипотеза реализма, что міръ, являющійся въ мозгѣ, имѣлъ бытіе до существованія мозга и будетъ имѣть это бытіе и по окончаніи существованія мозга,—совершенно произвольна. Развивающійся мозгъ *создаетъ* міръ только благодаря своему строенію, и въ этомъ положеніи заключается отрицаніе реалистической гипотезы“ ²⁾.

58. Любопытны доказательства Эберти, что пространственно-временный образъ видимаго нами міра зависитъ отъ нашихъ органовъ чувствъ, отъ ихъ способности воспріятія, что самъ по себѣ міръ можетъ быть сосредоточенъ въ одно мгновеніе

¹⁾ Пять чувствъ человѣка, стр. 53—54.

²⁾ Механика душевн. дѣят. стр. 20—21.

времени и въ одну точку пространства. „Положимъ“, говорить онъ, „что отъ какого-нибудь момента, напримѣръ, отъ сегодняшняго дня, скорость движенія земли и всѣхъ небесныхъ тѣлъ увеличится вдвое, такъ что годъ будетъ длиться только 6 мѣсяцевъ, а каждое время года 6 теперешнихъ недѣль, день—12 теперешнихъ часовъ и т. д. Кромѣ того, одновременно съ этимъ пусть измѣняется такимъ-же образомъ скорость нашихъ жизненныхъ процессовъ, такъ что глубокая старость будетъ уже не въ 80, а въ 40 лѣтъ; наше дыханіе, біеніе пульса, качаніе маятника также начинаютъ совершаться съ двойною быстротой и это новое состояніе нашего организма пусть составляетъ нормальное состояніе его. Стрѣлки часовъ описываютъ полные круги уже не въ часъ и 12 часовъ, а въ 30 минутъ минутная стрѣлка, и въ 6 часовъ—часовая. Ростъ и развитіе растений и животныхъ также ускоряются вдвое противъ прежняго; вѣтеръ и молнія съ удвоенною быстротою пробѣгаютъ прежнія разстоянія“. „Это можно пояснить нагляднѣе: Баръ предполагаетъ, что съ быстротой кровообращенія измѣняется быстрота проводимости въ нервѣ, а въ силу этого маленькія животныя въ одну секунду могутъ переживать столько ощущеній отъ одного и того-же явленія сколько мы переживаемъ въ часъ“.— „Предположимъ-же, что все это произошло. Какъ-бы мы отнеслись къ этимъ переменамъ? Отвѣтъ: мы бы не замѣтили никакого измѣненія. Мы бы не имѣли ничего, что бы могло указать намъ на совершившуюся перемену. Въ самомъ дѣлѣ, мы измѣряемъ время только посредствомъ сравненій одного промежутка съ другимъ, а такъ какъ при нашихъ предположеніяхъ всякій промежутокъ времени, которымъ мы могли-бы воспользоваться для такого сравненія или измѣренія, уменьшился вдвое, то прежнія *отношенія сохранились-бы для насъ въ неизмѣнномъ видѣ во всѣхъ явленіяхъ*“¹⁾. По той-же причинѣ получается такой-же

¹⁾ Эберти, Сверхчувственные идеи съ научной точки зрѣнія, перев. съ нѣмед. I. А. К. СПб. 1887, стр. 28—29. То есть: всякая единица мѣры, уменьшившись во столько-же разъ, во сколько уменьшились всѣ временные процессы, содержалась-бы въ каждомъ отдѣлѣ уменьшившагося времени столько-же разъ,

результатъ при измѣненіи въ 4 раза, и при ускореніи всѣхъ движеній въ тысячу, въ миллионъ разъ, или, однимъ словомъ хоть въ *безконечное* число разъ, т. е. если-бы вся всемірная исторія была стянута въ одинъ неизмѣримо малый моментъ времени, то мы не только не замѣтили-бы никакого измѣненія, но и въ дѣйствительности никакой перемѣны не произошло-бы“ „Изъ всѣхъ этихъ разсужденій видно“, продолжаетъ Эберти, „что „время“ есть только способъ, посредствомъ котораго человѣческій умъ воспринимаетъ, съ помощію внѣшнихъ чувствъ, явленія міра, между тѣмъ какъ сами эти явленія могутъ происходить въ теченіи сколько угодно короткаго или долгаго времени, такъ что они отъ времени не зависятъ. Мысль, блеснувшая въ умѣ,—мгновенна. Тотъ, кому приходитъ въ голову какая нибудь идея, думаетъ о ней цѣликомъ, сразу ¹⁾. Но если онъ хочетъ сообщить ее другому, то для этого требуется нѣкоторое время; точно также нужно время, чтобы воспринять эту мысль со словъ другаго. Но это время нужно не для образования и существованія мысли, а только для воспріятія ея или для сообщенія другимъ: самая мысль существуетъ независимо отъ времени, точно также какъ можно и должно понимать и міръ какъ нѣчто независимое отъ времени“. „Обширное сновидѣніе, которое во снѣ казалось очень долгимъ“, прибавляетъ Эберти словами Маудсли, „при наблюденіи другими спящаго оказывается моментальнымъ“ ²⁾. Теперь, очевидно, тоже самое приложимо и къ пространственнымъ отношеніямъ, которыя такъ-же могутъ быть всѣ уменьшены въ безконечное

сколько содержалась неуменьшенная единица въ неуменьшенномъ времени. „Если-бы каждая частичка матеріальной вселенной, доступная нашимъ средствамъ наблюденія, въ данное время пзмѣнила свою скорость, такъ что явилась-бы новая скорость, одинаковая по величинѣ и направленію для каждой такой частицы, то всѣ относительныя движенія внутри системы продолжались-бы совершенно непрерывно, и ни астрономы, ни физики при помощи всѣхъ своихъ инструментовъ не были-бы въ состояніи узнать, что произошло какое нибудь измѣненіе“. *Клеркъ Максвелль, Матерія и движеніе, перев. Антоновича, СПб. 1885, стр. 33.*

¹⁾ Эта мысль Эберти есть уже у Аристотеля: *Metaph. XII, 9. Analyt. poster. I, 27*: точнѣе и первѣе такое познаніе, посредствомъ котораго мы познаемъ за-разъ вмѣстѣ что и почему, а не отдѣльно что и отдѣльно почему.

²⁾ *Ibid.* стр. 30.

число разъ и всѣ однако сохраняются. „Если-бы двояко-выпуклое стекло (волшебнаго фонаря), которымъ пользуются для полученія изображенія, было отшлифовано съ математическою точностію, если-бы оно было при этомъ установлено вполнѣ правильно, и стѣна (на которой получается изображеніе) была вполнѣ плоская, то, приблизивъ фонарь къ стѣнѣ настолько, чтобы фокусъ стекла попадалъ въ плоскость стѣны, мы получили-бы на этой стѣнѣ фокусъ въ видѣ свѣтовой *недѣлимой* точки. Въ этой единственной математической точкѣ заключается вся плоскость картины, и изъ этой недѣлимой точки расходится вся картина, если отодвинуть фонарь отъ стѣны. И такъ, вся разноцвѣтная поверхность картины, со всѣми ея составными частями формы, цвѣта, отдѣльныхъ фигуръ, словомъ вся картина *дѣйствительно, на самомъ дѣлѣ* заключается въ одной недѣлимой точкѣ; мы ее собрали въ одну точку, пользуясь преломленіемъ свѣта, и изъ этой-же точки она снова расходится“ ¹⁾. Ту же самую мысль Эберти можно подтвердить прямо уже съ фізіологической стороны. Извѣстно, что существуютъ глаза близорукіе и дальноворкіе. Но близорукимъ глазамъ всѣ предметы и разстоянія кажутся больше, чѣмъ дальноворкимъ. Близорукіе глаза увеличиваютъ, какъ увеличиваетъ бинокль, если смотрѣть въ малыя его стекла. Напротивъ, дальноворкіе глаза все уменьшаютъ, какъ уменьшаетъ бинокль, если смотрѣть въ его большія стекла. Очевидно одинъ и тотъ же міръ одному кажется бѣльшимъ, а другому мѣньшимъ. Вообразимъ себѣ глаза съ наименьшимъ увеличеніемъ, и тогда міръ, видимый этими глазами, долженъ пропорціоально уменьшиться. Но обладатель такихъ глазъ не будетъ подозрѣвать, что его глаза уменьшаютъ, какъ не подозрѣваютъ этого многіе изъ насъ. Можетъ быть существуетъ какая нибудь инфузорія, глаза которой сами, не занимающіе никакого замѣтнаго для насъ пространства, видятъ весь міръ въ математической точкѣ. „Если коловратка“, говоритъ Молепоттъ, „обладаетъ глазомъ, который состоитъ лишь изъ роговой оболочки, то не будетъ-ли она воспринимать другіе образы предметовъ, чѣмъ паукъ,

¹⁾ Ibid. стр. 32—33.

у котораго оказывается хрусталикъ и стекловидное тѣло“¹⁾. „И такъ, мы показали“, заключаетъ Эберти, „возможность такого представленія, при которомъ протяженіе въ пространствѣ является только какъ средство чувственнаго воспріятія того, что можетъ быть заключено въ одной недѣлимой точкѣ. Возможность такого взгляда имѣетъ для насъ потому неоцѣнимую важность, что мы, такимъ образомъ, непосредственно можемъ понять мысль Канта, которую онъ высказалъ въ известномъ положеніи, что пространство есть только форма человѣческаго воспріятія“²⁾. Отсюда-же, очевидно, слѣдуетъ и то, что временно-пространственный „образъ“ видимаго міра, какъ зависящій отъ нашей чувственности, есть субъективное чувственное представленіе.

59. Но если пространство и время суть лишь наши представленія и нисколько не существуютъ объективно, то отсюда прямо слѣдуетъ, что всѣ наши воспріятія предметовъ суть только лишь субъективныя проэкціи этихъ предметовъ въ субъективномъ же пространствѣ и времени. Здѣсь невольно возникаетъ вопросъ о такъ-называемыхъ „вещахъ въ себѣ“. Можетъ быть за этими субъективными воспріятіями вещей существуютъ объективныя вещи, которыя дѣйствуютъ на органы нашихъ чувствъ и производятъ впечатлѣнія, лежація въ основаніи этихъ воспріятій? На этотъ вопросъ отвѣтъ можетъ быть только одинъ, но фізіологи отвѣчаютъ на него двояко, смотря по тому, послѣдовательны-ли они, или себѣ противорѣчатъ. Выше излагая теоріи воспріятія, мы видѣли, что всѣ эти теоріи исторически примыкаютъ къ двумъ знаменитымъ метафизикамъ: Канту и Беркелею, къ первому—нативистическія теоріи, ко второму—эмпирическія. Фізіологія органовъ чувствъ дѣйствительно только развиваетъ идеи этихъ философовъ, или же нѣхотя подтверждаетъ ихъ, какъ сознаютъ это и сами фізіологи. „Фізіологія органовъ чувствъ“, по словамъ, напримѣръ, Прейера, „съ того времени, какъ Иммануилъ Кантъ проложилъ путь, то идетъ вмѣстѣ съ умозрительною философіею по многимъ равнообразно

¹⁾ Изъ „Круговорота жизни“. Цитата у Ламе: Исторія мат. II, стр. 105.

²⁾ Ibid. стр. 34.

переплетающимся дорогамъ, то исполняетъ предварительную работу. Главнѣйшее, въ чемъ обѣ онѣ согласны, это признаніе, что ни одинъ человѣкъ не можетъ ощущать ничего иного, кромѣ возбужденія накопечниковъ своихъ чувствующихъ нервовъ. Цвѣта, тоны, вкусы существуютъ только благодаря послѣднимъ; безъ нихъ не было-бы ничего свѣтлаго, горькаго, ничего теплаго, твердаго. Шопенгауэръ былъ правъ, говоря, что солнце нуждается въ глазѣ для того, чтобы свѣтить¹⁾. „Одинъ изъ самыхъ плодovitыхъ изслѣдователей, Гельмгольцъ, руководился взглядами Канта, какъ эвристическимъ принципомъ“²⁾, говоритъ Ланге. „По выраженію Шопенгауэра“, говоритъ Мейнертъ, „до Канта наша голова находилась въ пространствѣ, со времени же Канта—пространство заключилось въ нашей головѣ“³⁾, съ чѣмъ, конечно, какъ мы видѣли, согласенъ и самъ Мейнертъ. Съ другой стороны „никогда не могли вполне опровергнуть идеализмъ епископа Беркелея“, говоритъ Ланге⁴⁾. Такимъ образомъ мы видимъ въ современной положительной наукѣ колебаніе между двумя философіями, которые своимъ тонкимъ и провицательнымъ умомъ, своимъ методомъ—*horribile dictu!*—„метафизическимъ“, на цѣлое столѣтіе опередили „наuku“⁵⁾. Кантъ въ „трансцендентальной эстетикѣ“ имѣлъ много общаго съ Берклеемъ, что, повидимому, признавалъ онъ и самъ⁶⁾, но между ними было то различіе, что Кантъ за познаваемыми явленіями оставилъ непознаваемую вещь въ себѣ, за феноменами—ноумены (*νοούμενα*), тогда какъ Беркелей прямо отрицалъ такую вещь въ себѣ, потому что самую сущность вещей полагалъ въ ихъ воспріемлемости, за

1) Пять чувствъ человѣка, стр. 48.

2) Ланге, Истор. матер. II, 362.

3) Механика душевн. дѣят., стр. 10.

4) Исторія матер. II, стр. 364. Ср. Исторія философіи Льюиса, стр. 568 и слѣд. всю главу о Берклеей. См. разборъ попытокъ опровергнуть Берклея со стороны Гамильтона, Спенсера и Бэли, у Смирнова, философія Беркли, стр. 189 и слѣд.

5) Кантъ—на столѣтіе, а Беркелей—почти на два.

6) Критика чистаго разума, перев. Владислава С. П. В. 1867 стр. 49—50. Сравни замѣчаніе Куно Фишера объ отношеніи Канта къ Берклею въ „Исторіи новой философіи“ пер. Страхова, СПб. 1864, III, стр. 370.

которою уже ничего болѣе не остается. „*Esse* вещей—есть ихъ *percipi* 1)“. Именно въ этомъ пунктѣ и остается въ настоящее время колебаніе въ „наукѣ“: Одни допускаютъ непознаваемый субстратъ воспринимаемыхъ ощущеніемъ явленій, другіе, напротивъ, никакого субстрата болѣе не допускаютъ, т. е. совершенно отрицаютъ сущность, лежащую внѣ предѣловъ нашихъ воспріятій. Одни приближаются, слѣдовательно, къ Канту, другіе—къ Берклею. „Всѣ впечатлѣнія“, говоритъ Преьеръ, „основаны на ощущеніяхъ; эти же послѣднія являются только слѣдствіемъ нервнаго возбужденія. слѣдовательно, должно существовать *нѣчто*, что возбуждало-бы нервы“ 2). Однако самъ же Преьеръ говоритъ дальше: „кто разъ понялъ, что только возрѣнія и понятія, которыя они образуютъ, слѣдовательно, только представленія, могутъ быть предметомъ познанія, тотъ не станетъ искать *вещи за вещами*“ 3). Но что такое предполагать „нѣчто“ вмѣсто ощущаемой „вещи въ себѣ“, какъ не искать за предметомъ возрѣнія еще новаго какого-то непознаннаго предмета? Самое это „нѣчто“, которое вы предполагаете, какъ причину раздраженій, развѣ оно не есть ваше предположеніе и представленіе? 4) И если бы вы за этимъ „нѣчто“ предположили новое нѣчто въ качествѣ непознаваемаго вами субстрата, то все-таки вы не получили бы и здѣсь ничего кромѣ своего же собственнаго представленія. Въ сущности нѣтъ никакихъ основаній заключать отъ ощущенія къ какому-то лежащему за нимъ внѣшнему нѣчто. Наши знанія начинаются ощущеніями; но если мнѣ дано ощущеніе и если я ничего не могу знать кромѣ ощущенія, то откуда я возьму это „нѣчто“ лежащее за ощущеніями, которое очевидно уже не будетъ ощущеніемъ. Нѣчто есть абстракція отъ ощущеній, слѣдовательно, можетъ относиться только къ тѣмъ же ощущеніямъ. Словомъ, имѣя *одни* ощущенія, я въ нихъ ничего не могу найти, кромѣ самихъ же ощущеній, а за эти ощу-

1) Смирнова, Философія Беркли, Варшава, 1873 стр. 42.

2) Пять чувствъ челоѣка, стр. 61.

3) Ibid. стр. 67.

4) Ср. Льюиса, Истор. философ., перев. Спасовича, С. П. Б. 1865, стр. 585—6. Также: Милль, Логика, 1 стр. 70 и слѣд.

щенія, т. е. по ту сторону ощущеній, я заглянуть не могу, ибо если-бы даже это и случилось, я получилъ бы опять лишь ощущеніе, но только новое. Поэтому гораздо послѣдовательнѣе тѣ фізіологи, которые за ощущеніями болѣе не ищутъ никакихъ вещей въ себѣ. „Мы знаемъ, конечно, все для себя“, говоритъ Молешоттъ „мы знаемъ, какъ солнце сіяетъ для насъ, какъ цвѣтокъ пахнетъ для человѣка, какъ колебанія воздуха касаются уха человѣка. Это называли ограниченнымъ знаніемъ, человѣческимъ знаніемъ, обусловленнымъ чувствами,—знаніемъ, которое наблюдаетъ дерево лишь такимъ, каково оно для насъ. Этого мало, говорили, мы должны знать, каково дерево въ себѣ, чтобы не воображать уже, что оно таково, какимъ намъ является. Но гдѣ-же дерево въ себѣ, которое искали? Развѣ не каждое знаніе предполагаетъ знающаго, стало быть, и отношеніе предмета къ наблюдателю? Пусть наблюдателемъ будетъ червь, жукъ, человѣкъ, если существуютъ ангелы, то — ангель. Если существуютъ то и другое — дерево и человѣкъ,—то какъ для дерева, такъ и для человѣка необходимо, чтобы оно стояло къ нему въ нѣкоторомъ отношеніи, которое проявляется посредствомъ впечатлѣнія на глазъ. *Безъ отношенія къ глазу, въ который оно посылаетъ лучи, дерева не существуетъ.* Именно чрезъ это отношеніе существуетъ *дерево по себѣ*“¹⁾. То есть Молешоттъ хочетъ сказать, что никакого дерева независимо отъ глаза нѣтъ, но по свойствамъ своего мышленія, въ противорѣчіе съ собою, допускаетъ, что какое-то дерево, однако, посылаетъ въ глазъ лучи²⁾. Изъ Ланге мы узнаемъ, что въ полемикѣ съ нимъ и Бюхнеръ тоже отрицалъ кантовскую вещь въ себѣ³⁾, утверждая, что никакой вещи въ себѣ нѣтъ, ибо каждая вещь существуетъ лишь *въ отношеніи къ другимъ*. Впрочемъ и самъ Ланге, хотя отличаетъ ощущеніе отъ „вещи въ себѣ“ и защищаетъ это понятіе, однако считаетъ его лишь „послѣднимъ примѣненіемъ нашего созерцающаго мышленія“⁴⁾, которое, ко-

1) Изъ „Круговорота жизни“ у Ланге: Истор. матер. II, стр. 105—106.

2) Разборъ этого мѣста смотри у Ланге тамъ-же.

3) Ibid. стр. 106, прим. 58.

4) Ibid. стр. 384

нечно, и существуетъ лишь въ созерцающемъ-же мышленіи. Но если такъ, если объекты воспріятія даны въ самомъ-же воспріятіи или представленіи, или въ созерцающемъ мышленіи (у Шопенгауэра—разсудкѣ), то очевидно, *esse* вещей есть ихъ *percipi*, очевидно, вѣтъ воспріятія никакихъ вещей нѣтъ. На кантовскомъ языкѣ это называется признать объективную ихъ реальность, а на языкѣ Беркеля называется признать вещи воспринимаемыми идеями. Итакъ современная фізіологія органовъ чувствъ неминуемо ведетъ насъ къ тому результату, къ которому двѣсти лѣтъ тому назадъ пришелъ Беркелей, именно, что мы знаемъ только свои идеи или воспріятія, основанныя на ощущеніяхъ. Если дѣйствительно все наше знаніе имѣетъ своимъ первоначальнымъ источникомъ ощущенія органовъ чувствъ, и у насъ кромѣ ощущеній нѣтъ никакого непосредственнаго органа познанія вещей, то результатъ этотъ совершенно неизбеженъ. Тщетно Спенсеръ ¹⁾, котораго побѣдоносно опровергаетъ Бэнъ ²⁾, и Льюисъ ³⁾, пытаются доказать, что въ каждомъ явленіи есть и субъективная и объективная стороны, что познаваемое есть въ сущности субъектъ-объектъ, они не въ силахъ устранить того возраженія, что объектъ этотъ есть лишь предположеніе субъекта и заключенъ въ немъ-же. Самъ Льюисъ говоритъ, что „отдѣлить объектъ отъ субъекта или субъектъ отъ объекта возможно *не въ чувствѣ*, а только въ рефлексіи, а рефлексія есть процессъ не первичный, а производный“. Очевидно, это подтвержденіе, а не опроверженіе идеализма, какъ онъ полагаетъ ⁴⁾. Непознаваемый-же объектъ въ силу того, что онъ совсѣмъ *не входитъ* въ наше сознаніе, для насъ совсѣмъ *не существуетъ*, а потому и говорить про него совсѣмъ *нельзя*. Онъ играетъ такую же роль, какъ и несуществующее, какъ ничто.

¹⁾ Основанія психологіи, С. П. Б. 1876, т. IV, стр. 187.

²⁾ *Vain, The Senses and the Intellect, Appendif. E. p. 632.* По-русски у Смирнова, Философія Беркли, стр. 198—200, *Logic, I, p. 270,* по-русски *ibid. 197.*

³⁾ Вопросы о жизни и духѣ. С. П. Б. 1875. т. I, стр. 185—187.

⁴⁾ *Ibid. стр. 187.* Столь-же неудачно опроверженіе такъ-называемаго „идеализма“ въ пользу реализма, сдѣланное *Рилемъ*, который въ сущности не идетъ дальше Канта. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Переводъ Корша, Москва, 1888, стр. 62—72, 165—208.

60. Итакъ, если есть „вещь въ себѣ“, то она или есть мое-же представленіе, или совершенно не играетъ никакой роли въ познаніи. Вообще мы ничего не имѣемъ кромѣ своихъ представленій. „Сумма дѣятельностей головного мозга такова“, говоритъ Мейнертъ, „что мы должны сказать: общая картина міра не просто *воспринимается* мозгомъ, но прямо *создается* имъ. Этотъ взглядъ не принадлежитъ исключительно философамъ кантовской школы, но раздѣляется также знаменитѣйшими изъ современныхъ естествоиспытателей; такъ онъ выводится Гельмгольцемъ изъ анализа чувственного воспріятія, Рокитанскимъ—изъ предѣловъ естественно-научнаго міровоззрѣнія. Въ актовой рѣчи о самостоятельномъ значеніи званія Рокитанскій говоритъ: „объектъ не есть нѣчто данное независимо отъ познающаго субъекта; именно субъектомъ онъ и обуславливается“¹⁾. То-же самое, только другими словами, выражаетъ Вундтъ. „Подъ названіемъ представленія“, говоритъ онъ, „по обычному употребленію этого слова, разумѣется явившійся въ нашемъ сознаніи образъ предмета. Міръ, насколько мы его знаемъ, состоитъ только изъ нашихъ представленій. Послѣднія считаются въ непосредственномъ сознаніи тождественными съ обозначаемыми имъ предметами. Только научная рефлексія возбуждаетъ вопросъ, какъ относятся между собою данный въ представленіи образъ и самый предметъ“²⁾. „Каждый находится только въ такомъ мірѣ, какимъ онъ ему представляется“, говоритъ Прейеръ. „Для человѣка существуетъ только такой міръ, произведенный его чувствами и разумомъ. Это и есть настоящій міръ, законность и загадочность котораго, несмотря на то, что они суть человѣческія представленія, тѣмъ не менѣе требуютъ и заслуживаютъ удивленія и изслѣдованія“³⁾. „Для cadaго человѣка“, говоритъ Льюисъ,

¹⁾ Механика душевн. дѣят. стр. 9.

²⁾ Основ. фізіол. и психол. стр. 530.

³⁾ Пять чувствъ человѣка, стр. 58. „Для ума извѣстный предметъ существуетъ лишь въ представленіи ума“, говоритъ Пидеритъ, „и мы размышляемъ не о предметѣ въ самомъ себѣ, но о томъ лишь умственномъ образѣ предмета, который обусловленъ для насъ организаціей нашихъ чувствъ и мозга“. Мозгъ и его дѣятельность, стр. 68—69. Пидеритъ объясняетъ психическую дѣятельность по типу рефлексовъ.

„міръ—таковъ, какъ онъ дѣйствуетъ на него; у каждаго свой міръ. Пятьдесятъ зрителей видятъ на небѣ пятьдесятъ разныхъ радугъ, и всѣ воображаютъ, что видятъ одну и ту-же радугу. И это единодушіе не ошибочно; потому что „тождественность“ означаетъ здѣсь сходство сознательныхъ состояній. Станемъ-ли мы утверждать, что объективное существованіе какой-либо вещи отлично отъ аффекціи сознанія, или скажемъ, что извѣстный объектъ просто есть отраженіе сознанія, въ обоихъ случаяхъ мы объявляемъ, что объективный міръ для каждаго человѣка есть сумма его воображаемаго опыта,—бытіе, ограниченное отовсюду тѣмъ, что онъ чувствуетъ и мыслить,—форма созданная реакціями его организма. Міръ есть сумма явленій, а явленія суть аффекціи сознанія съ внѣшними знаками“¹⁾. Очевидно, по мнѣнію всѣхъ этихъ авторитетовъ, міръ, нами познаваемый, о которомъ мы только и можемъ говорить, есть не что иное, какъ субъективный продуктъ нашего сознанія.

61. Итакъ, изслѣдуя существо познаваемого нами, по сколько оно познается при посредствѣ ощущеній и воспріятій, фізіологическая психологія приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ, напоминающимъ собою положенія философіи Канта и Беркелея: 1) пространство есть субъективное воспріятіе, 2) время—тоже, 3) пространственно-временный образъ міра обусловленъ способомъ нашего чувственнаго познанія, 4) за воспріятіями не слѣдуетъ искать никакихъ вещей въ себѣ, и наконецъ, 5) какъ выводъ изъ всей фізіологіи органовъ чувствъ, то положеніе, что міръ, какъ представленіе, есть продуктъ нашего сознанія, или мозговой дѣятельности. Мы, слѣдовательно, получаемъ положенія крайняго идеализма. Пржеде мы поражались матеріалистическими выводами, когда дѣло касалось общей фізіологіи мозга, теперь, напротивъ, когда дѣло касается фізіологіи органовъ чувствъ, мы получаемъ совершенно противоположную крайность. Намъ это слѣдуетъ особенно запомнить, потому что результатъ этотъ даетъ намъ совершенно новую точку зрѣнія на дѣло, которая придаетъ

¹⁾ Вопросы о жизни и духѣ, I, стр. 201.

иное значеніе и совершенно новый смыслъ всей фізіологической психологіи. Намъ теперь слѣдуетъ приложить эту новую точку зрѣнія къ тому-же самому предмету, т. е. взглянуть съ этого пункта на объективный, или фізіологическій методъ, чтобы тѣмъ уяснить настоящій его смыслъ. Это тѣмъ болѣе поучительно, что новая точка зрѣнія, какъ мы видѣли, выработана самымъ-же объективнымъ методомъ. При этомъ, конечно, мы непремѣнно должны уже предчувствовать, что объективный „методъ“ и „положительная наука“ совершать здѣсь предъ нашими глазами самая головокружительная „кувыркавія“.

Л. Остроумовъ.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Іюля № 13. 1888 года.

Содержаніе: Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Комитета завѣдующаго продажою духовно-нравственныхъ книгъ и учебниковъ для церковно-приходскихъ школъ.— Разрядный списокъ учениковъ Харьковскаго духовнаго училища за 1887/8 учебный годъ.— Разрядный списокъ учениковъ Ахтырскаго духовнаго училища за тотъ-же годъ. Разрядный списокъ учениковъ Купянскаго духовнаго училища за тотъ-же годъ.— Епархіальныя извѣщенія.— Извѣстія и замѣтки.— Объявленіе.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Комитета, завѣдующаго продажою духовно-нравственныхъ книгъ и учебниковъ для церковно-приходскихъ школъ.

Согласно журнальному опредѣленію Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, Комитетомъ симъ посланы всѣмъ наблюдателямъ церковно-приходскихъ школъ (за исключеніемъ харьковскаго у.) учебники какъ для продажи, такъ и для безмездной раздачи школамъ, когда на то послѣдуетъ разрѣшеніе Училищнаго Совѣта. Завѣдующіе церковно-приходскими школами и школами грамотности, желающіе, за неимѣніемъ средствъ, получить учебники безмездно, должны присылать свои прошенія въ Харьковскій Епархіальный Училищный Совѣтъ съ прописаніемъ въ ономъ: времени открытія школы, числа учениковъ и ученицъ обучающихся въ оной и на какое количество суммъ испрашивается учебниковъ. Справедливость всего прописаннаго въ такомъ прошеніи должна быть непремѣнно засвидѣтельствована мѣстнымъ наблюдателемъ. По разрѣшенію такихъ прошеній Уч. Совѣтомъ и сообщеніи сему Комитету, Комитетъ сообщаетъ наблюдателю, для какой школы и на какую сумму опредѣлено выдать учебники. Наблюдатель извѣщаетъ о семъ завѣдующаго школою и выдаетъ изъ своего склада, по выбору его, нужные учебники, на ту сумму, какая будетъ ассигнована Уч. Совѣтомъ и, получивши отъ завѣдующаго школою росписку, немедленно представ-

ляетъ въ Училищный Совѣтъ ¹⁾. Въ Комитетъ же сей къ 15 іюня и къ 15 декабря наблюдатели представляютъ краткіе отчеты, какъ это уже изъяснено въ отношеніяхъ сего Комитета разосланныхъ въ мартъ сего года. Вмѣстѣ съ этимъ Комитетъ, не получая доселѣ отъ нѣкоторыхъ наблюдателей отвѣтовъ, на помянутыя свои отношенія, покорнѣйше проситъ немедленно представить таковыя.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

учениковъ Харьковскаго духовнаго училища, составленный училищнымъ Правленіемъ по окончаніи годичныхъ испытаній бывшихъ въ маѣ и іюнѣ 1888 г. и утвержденный Его Высокопреосвященствомъ въ 21 день іюня 1888 г.

Четвертый классъ. Разрядъ 1-й: Ковалевъ Петръ, Вербицкій Александръ, (эти два ученика награждаются книгами), Богословскій Евгений, Оружинскій Леонидъ, Василевскій Николай и Корнильевъ Димитрій. Разрядъ 2-й: Жадановскій Александръ, Крыжановскій Петръ, Рубинскій Тихонъ, Насѣдкинъ Михаилъ, Татаринъ Иванъ, Ильченко Борисъ, Ильинскій Иванъ, Домницкій Федоръ, Подлущій Иванъ, Иваницкій Григорій, Даниловъ Павелъ, Бортниковъ Петръ, Мухинъ Антоній, Корнильевъ Иванъ, Алексѣевскій Анатолій, Будянский Феодоръ и Булдовскій Венедиктъ. Всѣ эти двадцать три ученика признаются окончившими полный курсъ ученія въ духовномъ училищѣ съ правомъ поступленія въ первый классъ Духовной Семинаріи. Власовскій Павелъ, Вышемирскій Иванъ, Краснокутскій Евгений, Бугуцкій Іоакимъ, Пономаревъ Василій, Дюковъ Аѳанасій, Приходьковъ Николай и Фаворовъ Михаилъ. Разрядъ 3-й: Григорьевичъ Михаилъ, Македонскій Василій, Поповъ Андрей, Ширяевъ Николай, Максимовъ Александръ, Николаевскій Михаилъ и Кобыляцкій Василій, эти пятнадцать учениковъ не признаются достойными перевода въ первый классъ Семинаріи, на основаніи постановленія Правленія училища, утвержденного Его Преосвященствомъ 2 мая 1884 г., н. 1, но, согласно § 87 уст. дух. учил., получаютъ свидѣтельство объ окончаніи полнаго курса ученія въ духовномъ училищѣ. *Третій классъ.* Разрядъ первый: Иваницкій Димитрій, Дейнеховскій Ипполитъ, (эти два ученика награждаются книгами). Цоповъ Григорій, Бугуцкій Поликарпъ и Ястремскій Александръ. Разрядъ 2-й: Полницкій Владиміръ, Макаровскій Димитрій, Закрицкій Иванъ, Насѣдкинъ Яковъ, Поповъ Иванъ, Щепинскій Александръ, Евфимовъ Иванъ, Мухинъ Василій, Дюковъ Гавріиль, Захарьевъ Павелъ, Рудневъ Михаилъ, Измайловъ Владиміръ, Пономаревъ Владиміръ, Павловскій Сергій,

¹⁾ Въ роспискахъ этихъ непременно должно быть прописано, что учебники получены на счетъ суммъ, ассигнованныхъ Харьковскимъ Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ.

Романовъ Леонидъ, Поповъ Ѳеодоръ и Ковалевскій Николай, эти двадцать два ученика признаются достойными перевода въ четвертый классъ, Корнильевъ Дмитрій, Зубаревъ Василій, Кармановъ Николай, Мищенко Яковъ. Разрядъ третій: Мартыновъ Михаилъ, Ѳаворовъ Иванъ и Петинъ Константинъ—эти семь учениковъ могутъ быть также переведены въ четвертый классъ, если передержать экзамень: Корнильевъ Дмитрій, Зубаревъ Василій и Кармановъ Николай по русскому языку, Мищенко Яковъ—по латинскому языку, Мартыновъ Михаилъ и Ѳаворовъ Иванъ по русскому языку и по сочиненію и Петинъ Константинъ по латинскому языку и и ариѳметикѣ; Лобковскій Иванъ, Григоревичъ Георгій, Донченко Константинъ и Никаноровъ Николай—эти четыре ученика остаются на повторительный курсъ по малоуспѣшности; Поповъ Александръ, Бутковскій Иванъ, Рудневъ Дмитрій,—эти три ученика увольняются изъ училища: Поповъ Александръ и Бутковскій Иванъ—по прошенію родителей, а Рудневъ Дмитрій за малоуспѣшность. *Второй классъ.* Разрядъ первый: Медвѣдевъ Василій, (награждается книгою) Слѣпцовъ Аѳанасій, Киприановъ Петръ, Любарскій Меѳодій. Разрядъ второй: Яновскій Николай, Пономаревъ Сергій, Зумбакъ Александръ, Кобыляцкій Александръ, Новицкій Иванъ, Григоренко Георгій, Стеллецкій Александръ, Вербицкій Дмитрій, Македонскій Иванъ, Татариневъ Александръ, Поповъ Ѳеодоръ, Чернявскій Николай, Ольховскій Сергій, Куницынъ Евгений, Корнильевъ Иванъ, Стаховскій Николай, Измайловъ Николай, Носовъ Ниль, Сильванскій Михаилъ, Онадкій Михаилъ и Павловъ Владиміръ. Эти двадцать пять учениковъ признаются достойными перевода въ третій классъ. Приходьковъ Константинъ увольняется изъ училища по прошенію матери. Разрядъ 3-й: Виноградскій Александръ, Толмачевъ Иванъ, Власовскій Семень, Корнильевъ Матвѣй, Никитскій Евгений, Ольховый Алексѣй, Поповъ Антонъ, Протопоповъ Захарій, Рубинскій Павелъ, Рудневъ Андрей, Слуцкій Михаилъ, Созонтьевъ Андрей, Соколовскій Михаилъ, Титовъ Александръ, Хоручъ Илья, Чернивецкій Сергій, Чугаевъ Сергій—эти семнадцать учениковъ могутъ быть также переведены въ третій классъ, если передержать экзамены: Виноградскій Александръ—по русскому языку, письменному упражненію и церковному пѣнію, Толмачевъ Иванъ, Поповъ Антонъ, Соколовскій Михаилъ и Чернивецкій Сергій по русскому языку и письменному упражненію; Кароваевъ Матѳей, Рубинскій Павелъ и Слуцкій Михаилъ—по латинскому языку; Власовскій Семень и Созонтьевъ Андрей—по русскому языку, письменному упражненію и латинскому языку, Никитскій Евгений—по русскому и латинскому языкамъ, Чугаевъ Сергій—по русскому и греческому языкамъ и письменному упражненію, Хоручъ Илья и Рудневъ Андрей—по русскому языку, Титовъ Александръ и Протопоповъ Захарій—по церковному пѣнію и Ольховый Алексѣй по письменному упражненію, Владыковъ Александръ, Корнильевъ Георгій, Стеллецкій Іосифъ, Протопоповъ Иванъ и Любарскій Василій—эти пять учениковъ остаются по малоуспѣшности на повторительный курсъ;

Бойковъ Александръ, Власовъ Евгеній и Поповъ Иванъ, Таранскій Михаилъ и Шебатинскій Иванъ,—эти пять учениковъ увольняются изъ училища: Поповъ Иванъ, и Шебатинскій по прошенію родителей, Бойковъ Власовъ и Таранскій по малоспособности и малоуспѣшности, Чугаевъ Николай допускается экзамену послѣ каникулъ по всѣмъ предметамъ. *Первый классъ.* Разрядъ первый: Корнильевъ Василій (награждается книгою), Нѣмчиновъ Тихонъ, Посельскій Андрей, Закрицкій Іосифъ, Павловскій Макарій, Жадановскій Николай, Александровъ Иванъ, Щербининъ Владиміръ, Поповъ Григорій, Рубинскій Михаилъ, Насѣдкинъ Константинъ, Несторовъ Василій, Ѳедоровъ Григорій, Владыковъ Константинъ, Степурскій Василій и Поповъ Димитрій. Разрядъ второй: Роменскій Іосифъ, Рудинскій Тимоѳей, Басовъ Димитрій, Агнивцевъ Романъ, Евфимовъ Евгеній, Заграфскій Іосифъ, Николаевскій Димитрій, Крыжановскій Димитрій, Бутковскій Алексѣй, Мураховскій Григорій, Соболевъ Иванъ, Шокотовъ Григорій, Мураховскій Владиміръ, Протопоповъ Леонтій, Бѣликовъ Николай, Шебатинскій Сергій, Дахневскій Николай и Бобинъ Василій,—эти тридцать четыре ученика признаются достойными перевода во второй классъ; Андреевъ Николай, Зеленинъ Иванъ и Пономаревъ Николай; разрядъ третій: Владыковъ Сергій, Лагутинъ Александръ, Прядкинъ Василій и Щепинскій Сергій,—эти семь учениковъ могутъ быть также переведены во второй классъ, если передержать экзамены: Андреевъ и Пономаревъ — по русскому языку, Владыковъ Сергій—по русскому языку, письменному упражненію и церковному пѣнію, Зеленинъ по письменному упражненію, Прядкинъ Василій и Щепинскій Сергій—по русскому языку и письменному упражненію и церковному пѣнію; Донченко Александръ, Ковалевъ Петръ, Корнильевъ Георгій и Петинъ Петръ,—эти четыре ученика оставляются на повторительный курсъ по малоуспѣшности. *Троицкій Алексѣй* увольняется изъ училища по прошенію отца. *Приготовительный классъ.* Разрядъ первый: Иваницкій Иванъ (награждается книгою), Закрицкій Тимоѳей, Рубинскій Николай, Инниковъ Александръ, Антоновъ Тихонъ, Власовскій Яковъ, Котляровъ Иванъ, Червонецкій Алексѣй, Бочаревъ Александръ, Дейнеховскій Николай, Семеновъ Александръ, Рогальскій Михаилъ, Сильванскій Ѳеодоръ, Мухинъ Константинъ и Дюковъ Владиміръ. Разрядъ второй: Матвѣевъ Петръ, Стеллецкій Сергій, Василевскій Иванъ, Селезневъ Александръ, Пипенко Николай, Хоручъ Николай, Богдановъ Николай, Павловскій Василій, Склабинскій Василій, Чернивецкій Павелъ, Литкевичъ Михаилъ, Ходаковскій Иванъ, Баженовъ Семень, Давидовъ Георгій, Васильковскій Яковъ, Куницынъ Павелъ, Крыжановскій Константинъ, Шаховской Владиміръ, Копаревъ Яковъ, Корнильевъ Петръ, Созонтьевъ Василій, Краснокутскій Антоній, Соколовскій Константинъ, Пономаревъ Александръ, Грабовскій Иванъ,—эти сорокъ учениковъ признаются достойными перевода въ первый классъ; Омельченко Константинъ, Чумаковъ Иванъ,

Мухинъ Василій, разрядъ третій: Брайловскій Захарій, Калашниковъ Василій, Прядкинъ Вячеславъ,—эти шесть учениковъ могутъ быть также переведены въ первый классъ, если передержать экзамены: Омельченко, Чумаковъ и Мухинъ—по русскому языку, Брайловскій, Калашниковъ и Прядкинъ—по русскому языку и ариѳметикѣ; Кіавицынъ Владиміръ, Мокрынскій Иванъ, Васютинскій Николай, Поповъ Александръ и Шевченко Антонъ, эти пять учениковъ оставляются по малоуспѣшности на повторительный курсъ; Краснокутскій Михаилъ, Поповъ Петръ и Романовъ Михаилъ,—эти три ученика увольняются изъ училища за малоуспѣшность—и Лукашевъ Алексѣй—допускается къ экзамену по всѣмъ предметамъ послѣ каникулъ.

Приемные экзамены для поступающихъ въ приготовительный классъ имѣютъ быть 8 и 9 августа, переэкзаменовка 10 и 11 августа; начало ученія 13 августа.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ Ахтырскаго духовнаго училища, составленный Правленіемъ училища послѣ годичныхъ испытаній, бывшихъ въ маѣ и юнѣ мѣсяцахъ 1887—88 учебнаго года, утвержденный его Высокопреосвященствомъ 25 юня.

IV КЛАССА.

Удостоены перевода въ 1-й классъ Семинаріи.

1-го разряда: Александръ Абрамцевъ, Михаилъ Венгеровскій—награждены книгами, Иванъ Сокальскій, Иванъ Панкратьевъ, Ѳедоръ Вергунъ, Василій Станиславскій. *2-го разряда:* Георгій Полтавцевъ, Иванъ Найдовскій, Михаилъ Вербицкій, Николай Загоровскій, Андрей Матвѣевъ, Иванъ Калюжный, Ѳедоръ Ѳедоровскій, Сергѣй Могилянскій, Дмитрій Виноградскій, Михаилъ Яковлевъ.

Не удостоены перевода въ Семинарію съ правомъ остаться на повторительный курсъ.

Андрей Веселовскій,—по болѣзни, Николай Давидовъ—по малоуспѣшности. Получаютъ свидѣтельства объ окончаніи курса: Стефанъ Вербицкій и *3-го разряда* Гавріиль Сукачевъ.

III класса переводятся въ IV классъ.

1-го разряда: Алексѣй Васильковскій—награжденъ книгою, Петръ Заводовскій, Петръ Капустянскій, Александръ Давидовъ, Анатолій Мухинъ, Яковъ Чебановъ, Анатолій Снѣсаревскій. *2-го разряда:* Александръ Заграфскій, Александръ Поповъ, Иванъ Любицкій, Иванъ Заводовскій, Константинъ Котляровъ, Александръ Артюховскій.

Назначаются къ переводу въ IV классъ съ передержкою экзамена.

Антоній Козловскій, Онисимъ Семеновъ, Николай Чернявскій, Иванъ Хрупинъ, Стефанъ Крыжановскій, Владиміръ Леонтовичъ—по греческому языку, Макарій Быковъ—по греческому языку съ написаніемъ русскаго сочиненія, Феофилъ Ястремскій—по греческому языку устно и письменно по русскому языку.

Остаются на повторительный курсъ въ томъ-же классъ.

3-го разряда: Петръ Цоювъ, Петръ Огинскій, Даніилъ Пономаревъ, Петръ Бѣлицкій, Григорій Погорѣловъ, Алексѣй Москаленко, Иванъ Ѳедоровъ, Димитрій Давидовъ, Евменій Флоринскій.

Увольняются изъ училища.

Димитрій Подольскій и Василій Шенкъ, по просьбѣ родителей.

II-го класса переводятся въ III классъ.

1-го разряда: Алексѣй Алесандровъ, Михаилъ Сокальскій—награждены книгами, Иванъ Хижняковъ, Василій Ѳедоровъ, Григорій Ступницкій, Иванъ Збукаревъ, Евгений Проскурниковъ, Павелъ Стефановскій, Петръ Должанскій. *2-го разряда:* Андрей Наумовъ, Николай Ѳедоровъ, Иванъ Назаревскій, Сергѣй Ястремскій, Иванъ Лапоноговъ, Ѳедоръ Столяревскій, Кириллъ Поповъ, Петръ Кузнецовъ, Иванъ Крушедольскій, Александръ Вассаковскій, Павелъ Быковъ, Ѳедоръ Котляровъ, Александръ Ѳедоровъ.

Назначаются къ переводу въ III классъ съ передержкою экзамена.

Григорій Ѳоминъ, Константинъ Ковалевскій—письменнаго по русскому языку, Григорій Филоненко—по русскому языку, безъ написанія новаго сочиненія по тому же предмету, и по церковному пѣнію, Алексѣй Геневскій и Николай Стефановскій—по русскому языку, Стефанъ Вербицкій, Иванъ Кушниренко, Прокофій Петрусенко, Андрей Цанкратьевъ—первые три по греческому языку, а послѣдній по греческому языку и по церковному пѣнію.

Оставляются въ томъ-же классъ на повторительный курсъ.

3-го разряда: Николай Ѳедоровскій, Елпидифоръ Филиповъ, Иванъ Волковъ, Петръ Флоринскій, Александръ Гораистовъ, Иванъ Антоновъ, Василій Поповъ, Евфимій Родовскій, Николай Ленешкинъ, Евфимій Новомірскій, Иванъ Аристовъ, Арсена Ѳедоровскій. Увольняется изъ училища по малоуспѣшности, вслѣдствіе болѣзни, не лишаясь права держать экзаменъ для поступленія въ слѣдующій классъ, Михаилъ Волковъ, а Сергѣй Трипольскій по прошенію матери.

I класса переводятся во II классъ.

1-го разряда: Иванъ Строевскій, Василій Краснокутскій, — награждены книгами, Павелъ Красинъ, Ѳедоръ Клисенко, Николай Козловскій, Василій Грищенко, Василій Матвѣевъ, Константинъ Николаевъ, Константинъ Фіалковскій, Иванъ Луценко, Андрей Клисенко, Семень Лисанскій, Евгенийъ Давидовъ. *2-го разряда:* Александръ Карповъ, Григорій Поповъ, Александръ Чефрановъ, Дмитрій Люминарскій, Андрей Заводовскій, Михаилъ Малиженевскій, Михаилъ Чефрановъ, Михаилъ Петровскій, Леонидъ Бибиць, Михаилъ Артюховскій, Сергѣй Кривошеевъ.

Назначаются къ переводу во II классъ съ передержкою экзамена:

Семень Полтавцевъ по Священной Исторіи, Андрей Жуковскій по ариѳметикѣ, Василій Кучинскій — письменнаго по русскому языку, Александръ Щукинъ, Михаилъ Нестеренко по ариѳметикѣ съ написаніемъ новаго сочиненія по русскому языку. Допускается къ экзамену послѣ каникулъ по всѣмъ предметамъ 1-го класса, какъ не державшій экзамена по болѣзни, Павелъ Каравановъ. *3-го разряда:* Оставляются въ томъ-же классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности: Матвѣй Заводовскій, Василій Яблоновскій, Алексѣй Котляровъ, Петръ Насѣдкинъ, Павелъ Мигулинъ, Михаилъ Сидоренко, Юсифъ Ковалевскій, Петръ Браиловскій, Иванъ Филоненко, Михаилъ Бородаевскій, Петръ Торанскій, Василій Балановскій, Владиміръ Андреевко, Ѳедоръ Бѣлоусовъ. Увольняется изъ училища Василій Ѳедоровъ.

Назначаются къ переводу въ I-й классъ воспитанники приготовительнаго класса.

1-го разряда: Павелъ Александровъ, Веніаминъ Доброславскій, Григорій Шматовъ — награждаются книгами, Василій Пестряковъ, Сергѣй Ястремскій, Иванъ Фальченко, Евграфъ Поповъ, Михаилъ Венгеровскій, Александръ Цебенко, Сергѣй Николаевскій. *2-го разряда:* Владиміръ Лепешкинъ, Николай Стеллецкій, Николай Чумаковъ, Михаилъ Погорѣловъ, Яковъ Столяревскій, Иванъ Ильинъ, Ѳедоръ Калюжный, Николай Семеновъ, Викторъ Требуховъ, Алексѣй Гораинъ, Алексѣй Семеновъ, Александръ Проскурниковъ, Всеволодъ Полтавцевъ, Иванъ Бородаевскій.

Переводятся въ I-й классъ съ передержкою экзамена.

Вербицкій — по Закону Божію, Скляръ — по ариѳметикѣ. *3-го разряда:* Оставляются въ томъ-же классѣ на повторительный курсъ: Стефанъ Невядовскій, Павелъ Ковалевскій, Моусей Краснопольскій, Иванъ Полянскій, Ѳедоръ Сукачевъ, Тимофей Флоринскій, Петровскій и Ѳедоровъ — по болѣзни. Увольняется изъ училища по прошенію отца Александръ Торанскій.

Правленіе Ахтырскаго духовнаго училища объявляетъ, что съ 10 августа присутствіе Правленія училища открывается въ г. Сумахъ; 11, 12 и 13 августа назначаются на переэкзаменовку воспитанниковъ, получившихъ на годичныхъ испытаніяхъ неудовлетворительныя баллы; 17, 18 и 19 августа назначаются на приѣмныя испытанія вновь поступающимъ воспитанникамъ. Вмѣстѣ съ симъ Правленіе училища объявляетъ, что въ приготовительномъ классѣ для поступающихъ въ училище по вступительному экзамену имѣется 42 вакансіи и въ IV классѣ 17 вакансій; въ I-же, II и III классахъ свободныхъ вакансій не имѣется.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ.

воспитанниковъ Купянскаго духовнаго училища, составленный Правленіемъ училища послѣ годичныхъ испытаній за 1887/8 учебный годъ и утвержденный Его Высочайшимъ Высочайшимъ Высочайшимъ въ 19 день іюня 1888 года.

Ученики IV класса, окончившіе полный курсъ ученія и признанные достойными перевода въ I-й классъ Духовной Семинаріи. *Разрядъ 1-й:* 1. Поповъ Стефанъ—съ награжденіемъ книгою, Кувичинскій Владиміръ. *Разрядъ 2-й:* Лисенко Семень, Кошарновскій Александръ, 5. Шивоваровъ Платонъ, Слюсаревъ Семень, Поповъ Θεоктистъ, Козловскій Θεодоръ, Христіановскій Иванъ, 10. Посельскій Маркъ—подъ условіемъ передержки экзамена по латинскому языку, Кувичинскій Александръ и Самойловъ Михаилъ—передержка экзамена по географіи, Войтовъ Николай—передержка экзамена по русскому языку, Грековъ Георгій—передержка экзамена по русскому и латинскому языкамъ; не признанные достойными перевода въ I-й классъ Духовной Семинаріи. *Разрядъ 3-й:* 15. Обрѣзковъ Александръ, Твердохлѣбовъ Димитрій, Поповъ Павелъ, Самойловъ Павелъ и Чугаевъ Ивапъ. Оставляются на повторительный курсъ въ IV классѣ. 20. Ильинскій Евлампій и 21 Мухинъ Василій—оба по прошенію родителей.

Ученики III-го класса назначаются къ переводу въ IV классъ. *Разрядъ 1-й:* 1. Навродскій Григорій, Ковалевскій Михаилъ. *Разрядъ 2-й:* Волкисъ Михаилъ, Θεодоровъ Митрофанъ, 5. Скларовъ Павелъ, Христіановскій Θεодосій, Самойловъ Александръ, Тименовъ Владиміръ, Драновскій Григорій; назначаются къ переводу, если передержать экзамень: 10. Булгаковъ Яковъ—по ариѳметикѣ, Ветузовъ Александръ—по русскому устному и письменному, Лисимовъ Михаилъ—по ариѳметикѣ. *Разрядъ 3-й:* Торанскій Михаилъ—передержка экзамена по русскому, языку и ариѳметикѣ. Оставляются на повторительный курсъ по малоуспѣшности: Пантелеймоновъ Константинъ, 15. Кибальниковъ Яковъ, Поповъ Θεодоръ, Сулима Максимъ, Феневъ Михаилъ, Ермолаевъ Александръ, 20. Макухинъ Яковъ, Мухинъ Василій, Θεодоровъ Павелъ, Галкинъ Сергій, Грабовскій Θεодоръ, 25. Мухинъ Иванъ— послѣдній по болѣзни.

Увольняются изъ училища по малоуспѣшности въ теченіи 2-хъ лѣтъняго пребыванія въ этомъ классѣ: Сулима Парѣеній, Смирнскій Алексѣй, Шведовъ Пантелеймонъ, Поповъ Димитрій, Поповъ Тимофей, 31. Лонгиновъ Софроній. Допускается къ экзамену послѣ каникулъ, какъ не державшій онаго по болѣзни. 32. Кириченко Димитрій.

Ученики 2 класса назначаются къ переводу въ 3 классъ. *Разрядъ 1-й:* 1. Лисенко Павелъ. *Разрядъ 2-й:* Поповъ Викторъ, Поповъ Александръ—подъ условіемъ передержки экзамена по русскому письменному упражненію, Кувичинскій Сергій, 5. Власовъ Макарій, Ковалевскій Семенъ, Гогинъ Леонидъ—сей послѣдній если передержитъ экзаменъ по русскому письменному упражненію, Смирнскій Владиміръ, Филевскій Венедиктъ, 10. Липицкій Евгений, Смирновъ Алексѣй и Бертеловскій Василій; назначаются къ переводу, если передержатъ экзаменъ: Кошарновскій Владиміръ—по русскому письменному упражненію, Поповъ Евгений—по греческому и латинскому письменнымъ упражненіямъ, Юшковъ Александръ—по русскому письменному упражненію, Краснокутскій Викторъ—по латинскому письменному упражненію, 15. Паптелеймоновъ Тихонъ—по русскому языку и русскому письменному упражненію, Землянскій Тихонъ—по русскому языку и русскому и латинскому письменнымъ упражненіямъ, Ветуховъ Димитрій—по русскому языку и русскому письменному упражненію. *Разрядъ 3-й:* 20. Войтовъ Андрей—по русскому и латинскому языкамъ и русскому письменному упражненію. Оставляются на повторительный курсъ: Могиланскій Θεодосій, Климентовъ Гавріилъ, Волошиновъ Иванъ, Полницкій, Петръ, 25. Липицкій Александръ, Филевскій Иванъ, Краснокутскій Леонидъ, Павловъ Георгій, Филевскій Василій—по малоуспѣшности, 30. Анисимовъ Петръ—по прошенію отца, Бѣляевъ Макарій, Каплуненко Александръ, Яновскій Андрей—по болѣзни, Ильяшевъ Хрисанфъ—по малоуспѣшности. Увольняется изъ училища по малоуспѣшности въ теченіи 2-хъ лѣтъняго пребыванія въ этомъ классѣ, 35. Филевскій Антоній.

Ученики 1 класса назначаются къ переводу во 2 классъ.—*Разрядъ 1-й:* 1. Евфимовъ Иванъ, Шалаевъ Сергій, Лукашовъ Астерій, Марпопультцевъ Константинъ—всѣ четыре съ награжденіемъ книгами, 5. Дзюбановъ Антоній, Сальяръ Николай, Оранскій Яковъ, Торанскій Евлампій, Труфановъ Николай, 10. Паптелеймоновъ Григорій, Косьминъ Петръ, Вересовичъ Николай, Феневъ Яковъ. *Разрядъ 2-й:* Цебенко Григорій, 15. Пономаревъ Яковъ, Смирнскій Григорій, Подольскій Василій, Васютинъ Павелъ, Шишловъ, Димитрій, 20. Щепинскій Александръ, Поповъ Ѳедоръ, Заика Андрей, Чернявскій Поликарпъ, Сѣнцовъ Афанасій 25. Ветуховъ Николай, Чугаевъ Евгений, Подольскій Иванъ; назначаются къ переводу, если передержатъ экзаменъ: Дьяковъ Антоній и Сокальскій Сергій—по церковному пѣнію, 30. Николаевскій Леонидъ и Краснокутскій Владиміръ—по ариметикѣ, Бѣляевъ Парѣеній и Кошарновскій Павелъ—по русскому языку. Оставляются на повторитель-

ный курсъ по малоуспѣшности: Бугудкій Илларионъ, 35. Рубинскій Михаилъ, Сулима Евсеvй, Титовъ Иванъ. Чалый Димитрій, Селитренниковъ Θεодоръ а Котляревскій Хрисанфъ, Макухинъ Александръ и Поповъ Николай—по болѣзни. Увольняются изъ училища: Бондаренко Петръ—по прошенію отца, Молчановъ Петръ—по малоуспѣшности въ теченіи 2-хъ лѣтняго пребыванія въ этомъ классѣ. Допускается къ экзамену послѣ каникулъ, какъ не державшій онаго по болѣзни—45. Сукачевъ Димитрій.

Ученики приготовительнаго класса назначаются къ переводу въ 1-й классъ.—*Разрядъ 1-й*: 1. Спесивцевъ Антоній, Сальяръ Борисъ—оба съ награжденіемъ книгами, Нигровскій Николай, Соколовскій Николай, 5. Θεодоровъ Василій, Кожуховъ Александръ, Θεодоровскій Алексѣй, Макаровскій Алексѣй. *Разрядъ 2-й*: Поповъ Димитрій, 10. Оглоблинъ Николай, Сирятскій Михаилъ, Приходьковъ Алексѣй, Соболевъ Владиміръ, Лукашовъ Григорій, 15. Каташовъ Константинъ, Филевскій Михаилъ, Недсхлѣбовъ Василій, Поповъ Григорій, Филевскій Захарій, 20. Келебердинскій Николай, Аггеевъ Николай, Якубовичъ Димитрій, Григоровъ Гавріиль, Богдановъ Веніаминъ, 25. Любичскій Николай, Мухинъ Павелъ, Лаврентьевъ Иванъ, Власовъ Петръ, Мураховскій Михаилъ, 30. Петровъ Гавріиль, Бутковъ Сергій; назначаются къ переводу, если передержать экзамень: Войтовъ Иванъ. Косьминъ Петръ и Макаровскій Стефанъ—по ариѳметикѣ. 35. Бѣляевъ Мелетій—по русскому языку. Оставляются на повторительный курсъ: Горбачевъ Алексѣй и Климентовъ Николай—по малоуспѣшности, Захарьевъ Константинъ—по прошенію отца. Увольняются изъ училища по несоотвѣтствующему для класса возрасту (§ 9-й п. 8 уст. духовныхъ училищъ) Дзюбановъ Иванъ и 40. Романовъ Константинъ, а Исиченковъ Иванъ—по малоуспѣшности въ теченіи 2-хъ лѣтняго пребыванія въ этомъ классѣ. Допускается къ экзамену послѣ каникулъ, какъ не державшій онаго по болѣзни—42. Аристовъ Григорій.

Для переэкзаменовокъ назначить 2 и 3 числа будущаго августа, для пріемныхъ экзаменовъ въ приготовительный классъ 4 августа, въ прочіе-же классы 5 августа.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленный на священ. мѣсто при Рождество-Богородичной церкви с. Кольченкова, Сумскаго у., окончивъ курсъ въ Курской духовной семинаріи *Іоаннъ Ковалевскій* рукоположенъ во священника.

— На праздное священническое мѣсто къ Варваровской церкви села Райскаго, Изюмскаго уѣзда, опредѣленъ надзиратель-репетиторъ Харьковскаго духовнаго училища *Михаилъ Пономаревъ*.

— Іеродіаконы Ахтырскаго Свято-Троицкаго монастыря *Платонъ* и *Евлогій* рукоположены въ санъ іеромонаха и монахи того-же монастыря *Никонъ* и *Никодимъ* рукоположены въ санъ іеродіакона.

— Псаломщикъ Христо-Рождественской церкви села Бороваго, Зиіевскаго уѣзда, *Георгій Волобуевъ* опредѣленъ на діаконское мѣсто при Георгіевской церкви села Бѣловода, Сумскаго уѣзда.

— Священническій сынъ *Константинъ Стефановскій* опредѣленъ псаломщикомъ къ Покровской церкви сл. Минковки, Валковскаго уѣзда.

— На праздное псаломщицкое мѣсто къ Успенской церкви сл. Савионецъ, Изюмскаго уѣзда, опредѣленъ окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи воспитанникъ *Сергій Перцевъ*.

— На праздное псаломщицкое мѣсто къ Петро-Павловской церкви сл. Дружелюбовки, Купянскаго уѣзда, опредѣленъ окончившій курсъ семинаріи *Иванъ Котляревскій*.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ церквамъ—къ Харьковскому Успенскому Кафедральному собору на второе трехлѣтіе харьковскій купецъ *Константинъ Петровичъ Уткинъ*; Харьковской Воскресенской церкви на второе трехлѣтіе потомственный почетный гражданинъ *Иванъ Кирилловичъ Велиценко*; Николаевской слободы Высокополя, Валковскаго уѣзда, крестьянинъ *Антоній Чижко* и Покровской села Минковки крестьян. *Несторъ Пастышникъ*; Николаевской слоб. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, крестьянинъ *Игнатій Григорьевъ Дудченко*; Іоанно-Предтеченской слоб. Лукн, Сумскаго уѣзда, мѣщанинъ *Иванъ Оседоровъ Бобылевъ* и Вознесенской с. Бобрика крестьянинъ *Прокофій Стефановъ Чикаловъ*; Николаевской слоб. Терновъ, Лебединскаго уѣзда, крестьянинъ *Даніилъ Васильевъ Недогарокъ* и къ Иверско-Богородичной с. Бѣжевки, того-же уѣзда, крестьянинъ *Димитрій Никифоровъ Дегтяръ*; Георгіевской с. Воробьевки, Сумскаго уѣзда, крестьянинъ *Евдокимъ Трофимовъ Воробьевскій*; Николаевской слоб. Цареборисовой, Изюмскаго уѣзда, на первое трехлѣтіе отставной солдатъ *Семень Хижнякъ* и Рождество-Богородичной той-же слоб. крестьянинъ *Даніилъ Куликъ*; Покровской слоб. Алисовки, Изюмскаго уѣзда, на первое трехлѣтіе крестьянинъ *Семень Тенетка*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Значеніе юбилейнаго торжества девятисотлѣтія крещенія Россіи.— Важнѣйшіе центры торжества.—Участіе войска въ торжествѣ.—Распоряженіе австрійскаго правительства по поводу нашего торжества.—Сочувствіе къ нему славянъ.—Абиссинская депутація.—Почетнѣйшіе представители при кіевскомъ торжествѣ.—Открытіе фресковъ XII столѣтія въ Михайловскомъ монастырѣ.— 49 тиражъ 1-го внутренняго 5% съ выгрышами займа.—Объявленіе.

Сегодня, т. е. 15 іюля, наша Церковь торжествуетъ девятисотлѣтіе крещенія Руси. Событіе это имѣетъ величайшую важность въ исторической жизни нашего отечества. Первое и главнѣйшее благодареніе этого великаго событія, по словамъ нашихъ газетъ, заключается въ томъ, что изъ всѣхъ вѣроисповѣданій, предложенныхъ князю Владиміру, принята святая вѣра именно съ востока, отъ Церкви греческой, которая одна только сохраняла тогда во всей чистотѣ православіе; принята святая вѣра Христова въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она сообщена св. Апостолами своимъ ближайшимъ преемникамъ, какъ она опредѣлена и утверждена святыми вселенскими и помѣстными соборами. Такимъ образомъ величайшая милость Божія явилась для насъ главнымъ образомъ въ томъ, что мы русскіе, по выраженію святой Церкви, „яко дивія маслина къ благоплодному корени православія прицѣнихомся“ (Стихира изъ службы свв. Меодію и Кириллу). Самое принятіе русскимъ народомъ православной вѣры было совершенно непохоже на вѣрообращенія другихъ народовъ и заключало въ себѣ несомнѣнный залогъ обильнѣйшихъ благихъ плодовъ для насъ.

Князь Владиміръ принялъ православную вѣру послѣ неоднократнаго совѣщанія съ представителями своего народа, и по единодушному ихъ согласію принялъ ее не прежде, какъ предварительнo испыталъ чрезъ пословъ разныя вѣры и окончательно убѣдившись въ превосходствѣ ея предъ всѣми другими исповѣданіями, принялъ тогда, когда послы рассказали ему, что когда въ Царьградѣ ввели ихъ въ храмъ, гдѣ служатъ греки Богу своему, то они не знали, на небѣ-ли находились или на землѣ, потому что на землѣ нѣтъ такого благообразія и красоты и они не въ состояніи ихъ описать; они убѣдились, что тамъ съ людьми обитаетъ Богъ и что богослуженіе греческое лучше всѣхъ другихъ. Послѣ этого является естественнымъ, что вслѣдъ за княземъ и весь русскій народъ принимаетъ крещеніе въ православную вѣру. Возвратившись въ Кіевъ, по принятіи святаго крещенія въ Корсуни, великій князь

объявляетъ, чтобы въ извѣстный день и всѣ кіевляне крестились. Умилительнѣйшее зрѣлище является очамъ современниковъ; князь со священниками вышелъ на берегъ (Почайны); народъ весь былъ въ рѣкѣ: одни погружены были въ водѣ по шею, другіе по перси, отроки стояли ближе къ берегу, младенцевъ держали на рукахъ взрослые. Священники на берегу творили молитвы; князь являлъ въ лицѣ своемъ воспріемника своего народа отъ купели. Въ сіи священныя минуты, по замѣчанію лѣтописца, по-истинѣ радовались земля и небо множеству спасаемыхъ. Потомъ князь Владиміръ, какъ говорится въ житіи его, „повелѣ крестьяномъ ставити церкви по тѣмъ мѣстамъ, идѣже кумиры стояли... Повелѣ попомъ по градомъ и по селомъ люди ко крещенію приводити и дѣти учити грамотѣ“ (Житіе блажен. Володимера. соч. мниха Іакова). Такъ исполнилась всеблагая воля Божія о нашемъ отечествѣ. Русскому народу выпалъ высокій жребій быть носителемъ и хранителемъ православія въ христіанскомъ мірѣ. Видимымъ средствомъ, приведшимъ нашихъ предковъ къ такому свободному предпочтенію православной вѣры прочимъ вѣроисповѣданіямъ, для невидимаго, но несомнѣннаго промысленія Божія о насъ служили частыя и близкія сношенія нашихъ соотечественниковъ, особенно кіевлянъ, съ греками то по торговымъ дѣламъ, то по военнымъ предпріятіямъ. Нельзя не отмѣтити здѣсь многознаменательнаго совпаденія церковно-историческихъ событій. Въ то самое время, какъ одна изъ древнѣйшихъ отраслей Церкви вселенской, церковь западная, отпадаетъ отъ своего животворнаго корня, совершается утвержденіе другой истинно-православной Церкви на востокѣ Европы, въ нашемъ отечествѣ; въ одномъ и томъ-же окружномъ посланіи царградскаго патріарха и дѣлается приглашеніе епископовъ для суда о разныхъ нововведеніяхъ христіанскаго запада и сообщается первая вѣсть всему православному востоку объ утвержденіи христіанства среди насъ, руссовъ. Такимъ образомъ отечество наше является исполнителемъ въ составѣ тѣла Церкви вселенской отпаднаго въ немъ члена церкви римской и притомъ тогда, когда уже вѣроученіе православное, по поводу волновавшихъ Церковь Божию ересей, ясно и окончательно опредѣлилось и утвердилось всѣми семью вселенскими соборами.

Другое несомнѣнно важное обстоятельство, находящееся въ связи съ обращеніемъ нашихъ соотечественниковъ въ православную вѣру, состоитъ въ сообщеніи имъ на родномъ нарѣчій слова Божія, богослужебныхъ книгъ, нѣкоторыхъ твореній отцовъ и учите-

лей Церкви и другихъ душеспасительныхъ книгъ, а также и въ устроении Богослуженія на томъ-же родномъ языкѣ. Пользованіе словомъ Божиимъ и святоотеческими твореніями на понятномъ языкѣ какъ нельзя болѣе способствовало и лучшему наученію предковъ нашихъ въ вѣрѣ и болѣе глубокому усвоенію ими самаго духа христіанской вѣры, а равно также и самостоятельному разрѣшенію всѣхъ встрѣчающихся затрудненій и недоумѣній въ церковно-религіозной жизни. Присутствуя при Богослуженіяхъ, совершаемыхъ въ ново-созданныхъ храмахъ на родномъ нарѣчьи, слыша на немъ-же тѣ или другія молитвословія, предки наши получаютъ полную возможность принимать живѣйшее непосредственное участіе въ нихъ и обильно пользоваться благодатнымъ вліяніемъ Церкви, матери своей, при устроении своей жизни какъ частной личной, такъ и общественной. Православные храмы съ ихъ глубоконазидательными и возвышенными Богослуженіями на родномъ нарѣчьи служатъ самыми лучшими училищами для наученія съ благоговѣніемъ притекающихъ въ эти храмы въ религіозно-правственной благочестивой жизни. Здѣсь получаетъ удовлетвореніе умъ, питается воля, насыщается сердце; словомъ, никто изъ притекающихъ со страхомъ Божиимъ не отходитъ отсюда, не получивъ духовнаго удовлетворенія.

Далѣе, по принятіи православной вѣры изъ Византіи, предки наши естественнo вступили съ нею въ ближайшее общеніе, что должно было сопровождаться весьма важными послѣдствіями для нашего отечества. Въ Византійскомъ государствѣ просвѣщеніе въ то время находилось, благодаря личному содѣйствію императоровъ, (Феофила, Василья Македонянина, Льва Мудраго, Константина Багрянороднаго), на болѣе значительной высотѣ, нежели во всѣхъ прочихъ странахъ христіанскаго міра. Что же касается религіозно-правственной жизни, то она въ современныхъ греческихъ странахъ находилась положительно въ цвѣтущемъ состояніи. Самоотверженная любовь и преданность къ своей истинной вѣрѣ воодушевляла тогда всѣхъ сыновъ православной восточной Церкви, что и запечатлѣно драгоцѣнною кровію цѣлаго сонма мучениковъ,—ранѣе въ борьбѣ съ иконоборствомъ, тогда же съ исламизмомъ, уже тѣснившимъ Церковь Божию въ Малой Азіи, Сиріи и Египтѣ. Прoцвѣталъ на востокѣ и духъ строгаго благочестія. Лѣтописцы того времени свидѣтельствуютъ о высоко-нравственной жизни современныхъ предстоятелей церковныхъ; свидѣтельствуютъ о многихъ святыхъ мужахъ, о великихъ подвижникахъ, обладавшихъ различными духовными дарованіями. Сближеніе съ такой образованно

страной, какъ Византія, имѣло дѣйствительно большое вліяніе на развитіе нашего отечественнаго просвѣщенія тѣмъ болѣе, что византійское просвѣщеніе было вполне доступно нашимъ предкамъ чрезъ посредство болгаръ, имѣющихъ общее съ нами нарѣчіе и усвоившихъ уже тогда греческую образованность. Съ просвѣщеніемъ нашего отечества свѣтомъ православной вѣры, учреждаются подъ руководствомъ грековъ въ разныхъ мѣстахъ школы, въ которыхъ обученіе происходитъ по готовымъ уже руководствамъ, доставленнымъ намъ отъ болгаръ; появляются и распространяются во множествѣ книги, заводится Ярославомъ значительная бібліотека при Кіево-Софійскомъ монастырѣ, образуется письменная словесность; и въ предкахъ нашихъ, увидѣвшихъ воплощеніе своей рѣчи, своихъ взглядовъ и думъ въ собственныхъ письменахъ, раскрывается сознаніе себя, какъ народа отличнаго отъ прочихъ, пробуждается чувство самостоятельности; словомъ, съ этого времени несомнѣнно начинается и развивается наше отечественное просвѣщеніе. Россія становится не только самостоятельнымъ государствомъ, но и самостоятельнымъ культурнымъ типомъ просвѣщенія.

— Провинціальныя газеты полны извѣстій со всѣхъ концовъ Россіи о приготовленіяхъ къ юбилейному торжеству крещенія Руси. Но повсемѣстно, какъ говоритъ „Нов. Вр.“ духовная сторона праздника беретъ перевѣсъ надъ государственнымъ значеніемъ его и вездѣ духовенство является главнымъ распорядителемъ и составителемъ программы празднованія. Къ нему лишь въ качествѣ второстепенныхъ дѣятелей примыкаютъ городскія думы и земства, да и то не повсюду. Такъ, напр., даже Севастополь, въ предѣлахъ котораго находится одинъ изъ великихъ памятниковъ юбилейнаго дня—купель св. князя Владиміра, хранящаяся въ Херсонескомъ монастырѣ—отказался принять матеріальное участіе въ предстоящемъ торжествѣ. За то чисто русскій Нижній-Новгородъ охотно взялъ на себя часть расходовъ по сооруженію хоругви для подарка кіевскому собору св. Владиміра и назначилъ шесть лицъ изъ думской среды для откомандированія въ Кіевъ въ качествѣ представителей Нижняго-Новгорода. Словомъ, и въ этомъ несложномъ дѣлѣ—въ празднованіи 900-лѣтняго крещенія отечества—русское общество сказало въ своемъ обычномъ видѣ—одни восторгаются имъ до увлеченія, другіе совсѣмъ отрицаютъ его и нѣтъ ни въ чемъ хотя бы тѣни единства или согласія—этихъ главныхъ признаковъ взрослогаго пониманія дѣла...

Есть данныя полагать, что праздникъ будетъ имѣть три центра.

Въ Кіевѣ предположено исключительно церковное торжество; въ немъ, какъ и въ Москвѣ, не разрѣшены торжественныя засѣданія славянскихъ обществъ, а потому не будетъ тамъ и мѣста для рѣчей политическаго характера. Въ Крыму предположено собрать по возможности всѣхъ южно-русскихъ епископовъ для торжественной процессіи и службы въ Херсонескомъ монастырѣ, гдѣ наканунѣ праздника будетъ произведено освященіе предѣла св. Ольги и отслужена вселенская панихида. Москва—не впервые ли въ своей жизни?—остаётся на заднемъ планѣ въ день всероссійскаго историческаго праздника; въ Петербургѣ, кромѣ крестнаго хода, въ субботу, 16-го іюля, предполагается торжественное засѣданіе Славянскаго общества.

За-границей не даромъ интересуются русскимъ праздникомъ. Славянская идея должна сказаться на немъ, а славянская анархія на Балканскомъ полуостровѣ естественно подогрѣваетъ и самую идею, и общій интересъ къ ней. Между славянами Запада и Востока установилось молчаливое, но вполне натуральное соглашеніе на раздѣлъ въ торжествѣ. Балканскіе славяне, имѣющіе *volens volens* политическую программу славянизма, избрали главнымъ пунктомъ сбора Кіевъ. Славяне же Запада, представители австрійскаго славянизма, отказались отъ первоначальнаго предположенія о поѣздкѣ въ Кіевъ; они остаются въ Петербургѣ, и, какъ намъ передавали, изъ нихъ лишь одинъ г. Живной намѣренъ сказать рѣчь въ торжественномъ засѣданіи петербургскаго Славянскаго общества. Программа же г. Живнаго, какъ извѣстно, имѣетъ столь миролюбивый характеръ и такъ далека отъ всякихъ политическихъ тенденцій, что самая длинная рѣчь этого почтеннаго дѣятеля чеховъ не можетъ, конечно, вызвать ни одного темнаго облачка на челѣ перваго министра Австріи графа Кальноки. Такимъ образомъ наше торжество совершенно напрасно интересуется и пугаетъ австрійскихъ дипломатовъ—оно, напротивъ, обѣщаетъ пройти безъ малѣйшей тѣни чего-либо похожаго на политическую манифестацію и Европѣ предстоить еще разъ наглядно убѣдиться, что Россія не принадлежитъ къ числу любителей праздныхъ словъ.

— Государь Императоръ, въ 28 день минувшаго мая, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: къ празднованію, 15 будущаго іюля, высокознаменательнаго событія девятисотлѣтія крещенія русскаго народа, привлечь всѣ воинскія части, освободивъ ихъ въ сей день отъ запятій. Участіе войскъ въ торжествѣ будетъ заключаться въ расположеніи ихъ, въ мѣстахъ квартированія, шпалерами по одну

сторону пути слѣдованія крестнаго хода мѣстнаго кафедральнаго причта (а въ лагеряхъ—военнаго) для водоосвященія.

При прохожденіи крестнаго хода войсками будетъ отдана установленная честь, музыка исполнитъ гимнъ „Коль славенъ“, и при погруженіи креста въ воду—послѣдуетъ салютъ въ 101 выстрѣлъ.

Дальнѣйшія подробности участія войскъ въ празднованіи, для каждаго изъ городовъ особо предоставлено установить начальникамъ гарнизоновъ по соглашенію съ мѣстнымъ гражданскимъ и духовнымъ начальствомъ.

— Изъ Кракова сообщаютъ газетѣ „Neues Wiener Tageblatt“, что, въ виду поступившихъ отъ австро-венгерскихъ славянъ многочисленныхъ заявленій о желаніи принять участіе въ празднованіи девятисотлѣтняго юбилея крещенія Руси, русскимъ пограничнымъ властямъ предписано официально заявлять ѣдущимъ въ Россію славянамъ, что они могутъ быть допущены къ участію въ празднествѣ лишь въ качествѣ простыхъ гостей, а не представителей какой-либо славянской національности, такъ какъ означенное празднество носитъ исключительно русской характеръ. Для однихъ лишь русинскихъ гостей изъ Австро-Венгріи будетъ сдѣлано исключеніе, такъ какъ ихъ предки приняли святое крещеніе въ 988 году одновременно съ остальной Русью.

— Въ газетѣ „Кромерижскія Новины“ напечатано открытое письмо слѣдующаго содержанія: „Православнымъ братьямъ св. Руси къ чествованію 900-лѣтней годовщины крещенія кіевлянъ при святомъ равноапостольномъ князѣ Владимірѣ.

Изъ славянской земли, изъ той земли, гдѣ тысячу лѣтъ тому назадъ стоялъ славный Велеградъ, гдѣ епископствовалъ св. Меѳодій, первоучитель славянъ, гдѣ покоятся святыя мощи славянскаго равноапостола, гдѣ солунскіе братья, совершая на славянскомъ нарѣчій Божественную литургію, духовно возносили нашихъ отцовъ въ надземный міръ, гдѣ царствуютъ вѣчный покой и вѣчная любовь; изъ земли моравской, гдѣ была введена святыми братьями славянская литургія и гдѣ была изобрѣтена ими Кириллица, какъ символъ духовнаго единенія всѣхъ славянъ; изъ той земли гдѣ развращенный Западъ, въ порывахъ своей корыстной вражды къ славянству, уничтожилъ угодное Богу святое дѣло кирилло-меѳодіевское и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уничтожилъ и нашу народную жизнь—изъ этой-то земли, мы, потомки нашихъ набожныхъ праотцевъ, пробужденныхъ отъ тысячелѣтняго сна, приносимъ вамъ, милые братья русскіе, въ память 900-лѣтія крещенія кіевлянъ: вѣру, что

и мы также были кирилло-меѳодіевскими христіанами и что въ недалекомъ будущемъ такими же будутъ всѣ славяне. Мы приносимъ вамъ надежду, что въ кирилло-меѳодіевской вѣрѣ мы обрящемъ не только вѣчное спасеніе, но и твердое огражденіе отъ посягательствъ на нашу народность. Наконецъ, мы приносимъ вамъ любовь, которая соединитъ насъ другъ съ другомъ искренне и безкорыстно, какъ братьевъ во Христѣ, какъ дѣтей одной матери Славы и да будетъ эта любовь никогда неизсякающимъ источникомъ, источающимъ неослабное утвержденіе въ вѣрѣ и надеждѣ въ свѣтлую будущность славянъ, послѣдователей св. Меѳодія и Кирилла. Ради утвержденія этого духовнаго единства, я послалъ въ Св. Синодъ въ январѣ текущаго года одинъ 5⁰/₁₀₀ билетъ внутренняго съ выигрышами займа, 1886 года, серія 6452, № 13, и нынѣ посылаю второй такой-же билетъ 1864 г., серія 4628, № 12 съ 12 купонами, на постройку православной церкви, или-же хотя-бы часовни, на томъ мѣстѣ древняго Велеграда, гдѣ почиваетъ нашъ общій апостоль, св. Меѳодій. О, если-бы Господь Богъ услышалъ горячія молитвы вѣрныхъ св. Кирилла и Меѳодія и почитателей, которые ежегодно, въ количествѣ 100,000—150,000 паломниковъ, путешествуютъ къ св. Велеградскимъ мѣстамъ, чтобы воздать честь и славу святымъ братьямъ, пришедшимъ съ дальняго Востока просвѣтитъ насъ Христовою вѣрою, и помогъ имъ довершить ихъ святое начинаніе. О, если-бы славянскій православный храмъ уже скоро вознесъ къ небесамъ свои золотыя главы и вѣщалъ народамъ, что чрезъ тысячу лѣтъ не угасла въ славянахъ, да, пока будетъ жить славянство, Богъ дастъ, и не угаснетъ во вѣки вѣковъ, дѣтская любовь къ безсмертнымъ братьямъ солунскимъ“.

Письмо это подписалъ Іосифъ Войтекъ, православный славянинъ, купецъ изъ города Прерова на Моравѣ.

— „Новое Время“ сообщаетъ, что въ Петербургъ прибыла, въ сопровожденіи г. Ашинова, абиссинская депутація изъ духовныхъ лицъ, присланная по желанію негуса Іоанна. Какъ видно изъ удостовѣренія, выданнаго депутаціи отъ нашего генеральнаго консула въ Іерусалимѣ, она прибыла въ Россію для принесенія поздравленія своимъ единовѣрцамъ съ 900-лѣтіемъ крещенія Руси. Депутація пробудетъ въ Петербургѣ нѣсколько дней, а затѣмъ отправится въ Кіевъ, гдѣ и будетъ присутствовать на всѣхъ юбилейныхъ торжествахъ. Депутація имѣетъ цѣлюю заключить, или утвердить союзъ съ Русскою Церковію, и проситъ помощи въ дѣлѣ просвѣщенія своего народа. Одинъ изъ священниковъ хорошо говоритъ по-рус-

ски. По словамъ „Кіевл.“, депутація эта еще ранѣе ожидалась въ Кіевѣ, проѣздомъ ея въ С.-Петербургъ, который она должна была посѣтить ранѣе торжества юбилея. „Новости“ передаютъ, что приѣхавшая въ Россію абиссинская депутація состоитъ изъ іеромонаха Григорія и іеродіакона Михаила. Депутація привезла съ собою абиссинскія книги, писанныя на пергаментѣ: посредствомъ ихъ она намѣрена выяснить и утвердить тождество абиссинской церкви съ нашею православною католическою. Абиссинцы стремятся къ духовному общенію съ Россіей и, какъ мы слышали, нѣсколько лѣтъ тому назадъ просили о присылкѣ къ нимъ епископа.

— Къ 15 іюля ожидается прибытіе въ Кіевъ представителей отъ духовенства, городовъ, духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеній и ученыхъ обществъ. Предполагается также прибытіе въ Кіевъ, въ качествѣ гостей, православнаго румынскаго митрополита вмѣстѣ съ четырьмя епископами, Черногорскаго владыки Иларіона и нѣсколькихъ духовныхъ лицъ изъ Болгаріи. Къ этому-же числу ожидаютъ прибытія въ Кіевъ и Черногорскаго героя, князя Николая.

— По полученнымъ „Кіев. Словомъ“ свѣдѣніямъ, г. оберъ-прокуроръ св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ на время празднованія 900-лѣтія крещенія Руси тоже прибудетъ въ Кіевъ изъ Франценсбада. Къ этому времени прибудетъ въ Кіевъ также и управляющій канцеляріей св. Синода В. К. Саблеръ.

— „Нов. Вр.“ сообщаетъ, что Кіевъ обогатился вновь открытыми 22 іюня фресками XII столѣтія, въ Михайловскомъ монастырѣ, при снятіи верхнихъ ярусовъ исправляемаго иконостаса. На крестообразныхъ столбахъ, поддерживающихъ алтарную арку, настоятель монастыря, преосвященный Іеронимъ, замѣтивъ живопись подъ слоемъ обвалившейся извести, немедленно увѣдомилъ о своемъ открытіи проф. А. В. Прахова, который убѣдился, что это дѣйствительно фрески, занимающіе средину между фресками Кіево-Софійскаго собора и Кирилловской церкви, съ чисто-греческими надписями переходной эпохи, что доказываетъ ихъ современность съ постройкой храма, сооруженнаго въ 1108 г. вел. кн. кіевскимъ Святополкомъ-Михаиломъ Изяславичемъ, правнукомъ Владиміра Святаго. Къ вечеру 24-го іюня, подъ непосредственнымъ руководствомъ проф. Прахова, открыта площадь фресковъ, 226 кв. саж., на западной сторонѣ столбовъ алтарной арки, подъ иконостасомъ, входящія углы коихъ покрыты свѣтлыми византійскими орнаментами разнообразной формы. Есть основаніе предполагать, что и боковыя стороны арки покрыты фресками, такъ какъ вчера подъ шту-

катуркою обнаружены одежда и ноги. Но дальнѣйшее изслѣдованіе арки отложено до установки лѣсовъ.

Всѣхъ фресокъ пока открыто 8, а именно: изображенія пророка Захарія и пророка Самуила, на 1½ сажени отъ полу, вышиною въ сажень, архангела Гавріила и Богоматери въ 2 арш. 13 верш. вышиною, 2-хъ святителей безъ надписей и 2-хъ поясныхъ изображеній неизвѣстныхъ святыхъ, также безъ надписей, въ 1 арш. 7 верш. діаметра, расположенныхъ въ зеленыхъ кругахъ надъ изображеніями Божіей Матери и архангела Гавріила.

Латинская надпись, выцарапанная на фрескѣ Богоматери и состоящая изъ сокращенной монограммы Христа „I. H. S.“ съ шестиконечнымъ крестомъ по буквою Н. съ подписью „Besel“ даетъ поводъ предполагать, что фрески были замазаны известкой во время владычества уніатовъ въ Михайловскомъ монастырѣ, въ 1612 г., при польскомъ королѣ Сигизмундѣ, отдавшемъ монастырь въ руки уніатскаго кievскаго митрополита Ипатія Поцѣя. Проф. Праховъ начнетъ надняхъ, какъ только освободятся фрески изъ подъ извѣсти, упрочивать ихъ по способу, примѣненному имъ въ Кирилловской церкви, и есть надежда, что вся работа будетъ окончена къ 15-му іюля. Краски на фрескахъ хорошо сохранились, кромѣ плаща пророка Захарія, отъ котораго осталось только одно ярко-багряное пятно. Грустно видѣть, что въ нашъ просвѣщенный XIX вѣкѣ кievская дума обращается съ памятниками древности по уніатски: такъ она покрыла Ярославовы золотыя ворота новенькими кирпичами съ ярко-зелеными кровельками, якобы для поддержанія разваливающихся воротъ, что просто рѣжетъ глаза и можетъ привести въ изступленіе археологовъ и цѣнителей древности. Неужели нельзя было, не полагаясь на свой собственный дурной вкусъ, посоветоваться съ какимъ-нибудь специалистомъ въ архитектурномъ искусствѣ, на примѣръ, который могъ-бы указать способъ сохранить первобытный характеръ этой исторической цѣнной развалины, такъ много говорящей русскому сердцу о сѣдой старинѣ богатырскаго вѣка матери городовъ русскихъ?.. Вѣдь умѣютъ-же пѣмцы реставрировать полуразрушенные средневѣковые замки, не обезобразивая ихъ живописной красоты современными безобразными пристройками.

49-й тиражъ 1-го внутренняго 5⁰/₀ съ выигрышами займа, произведенный 1-го сего іюля 1888 года. Главные выигрыши пали на слѣдующіе №№:

№ серій.	№ билета.	Выг-рышъ.	№ серій.	№ билета.	Выг-рышъ.	№ серій.	№ билета.	Выг-рышъ.	№ серій.	№ билета.	Выг-рышъ.
7079	47	200,000	13282	36	8,000	7830	32		16648	27	
13468	15	75,000	18845	16	8,000	4735	37		1286	12	
14194	37	40,000	7712	16		19324	37		4214	48	
732	11	25,000	38	4		11674	37		4865	46	
2715	31	10,000	2162	15		17117	2		9967	49	
12045	29	10,000	6992	23		14634	23		8707	42	
5432	23	10,000	12587	11		8109	38		13340	16	
5097	48	8,000	13517	16		11223	32		13143	37	
11841	2	8,000	15651	2		15085	16		3182	37	
2801	41	8,000	15470	49	По 5,000 рублей	17847	15	По 1,000 рублей.	11536	29	По 1,000 рублей.

Выигрыши въ ПЯТЬСОТЪ РУБЛЕЙ пали на слѣдующіе билеты:

№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.
2987	1	10447	6	15618	12	7529	19	18584	24	2109	33	16562	37
5046	1	11373	6	6293	13	10260	19	7122	25	3746	33	17903	37
6897	1	13987	6	7543	13	18103	19	236	26	10932	33	2323	38
7387	1	1975	7	7608	13	18224	19	946	26	11853	33	9980	38
9335	1	3190	7	12296	13	4238	20	958	26	12064	33	69	39
11237	1	6782	7	6904	14	5696	20	3713	26	17951	33	5246	39
12022	1	15539	7	15820	14	6919	20	7007	26	18252	33	6079	39
15563	1	15865	7	18236	14	8162	20	11119	27	2943	34	11560	39
16167	1	11914	8	19805	14	13339	20	12348	27	7892	34	13136	39
16817	1	14032	8	3041	15	14219	20	1284	28	13649	34	16334	39
4126	2	16454	8	4791	15	6258	21	1536	28	15353	34	17523	39
6138	2	19862	8	5891	15	7439	21	2165	28	18192	34	1320	40
12639	2	3804	9	16329	15	15514	21	5656	28	18484	34	5586	40
17595	2	5563	9	8643	16	16536	21	8288	28	7273	35	14590	40
413	3	12231	9	9339	16	17473	21	10424	28	12643	35	15842	40
1885	3	19534	9	13577	16	19576	21	17828	28	1955	36	17770	40
3864	3	1045	10	13835	16	16727	22	19545	28	3464	36	19226	40
10139	3	5450	10	16671	16	18315	22	592	29	4742	36	423	41
10163	3	9585	10	1278	17	1718	23	1941	29	8621	36	7482	41
10643	3	10630	10	2586	17	4396	23	4303	29	14207	36	7751	42
13423	3	11714	10	4746	17	5249	23	7571	29	16810	36	11383	42
19169	3	15651	10	8306	17	17183	23	14758	29	16905	36	11725	42
8501	4	5200	11	11402	17	17657	23	1610	30	18063	36	4350	43
17149	4	16672	11	13444	17	17810	23	3385	30	18979	36	5344	43
17835	4	17874	11	14386	17	17964	23	3665	30	19734	36	7328	43
2503	5	972	12	5886	18	18923	23	4483	30	3722	37	10994	43
5474	5	3591	12	9960	18	1494	24	5360	30	5661	37	4414	44
15262	5	4689	12	13017	18	2761	24	12754	30	10993	37	6844	44
19442	5	4963	12	14412	18	3412	24	10952	31	11829	37	7487	44
19787	5	8861	12	17007	18	6215	24	799	32	12802	37	11890	44
759	6	9234	12	17697	18	8883	24	13065	32	13588	37	7094	45
1904	6	9517	12	1816	19	12000	24	1720	33	15263	37	11327	45
3732	6	10531	12	5277	19	15018	24						

Уплата выигрышей бюджетъ производится исключительно въ банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го октября 1888 года.

Таблица серий билетовъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1864 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ правленіи Государственнаго Банка 1 іюля 1888 г.

Нумера серий.

13287	457	14188	13464	9086	15448	19187	3668	17964	13062
1811	14269	742	3622	2605	12902	10537	12960	16847	16366
2474	2233	14167	18931	15014	9998	14283	6409	4800	13032
15939	18215	5645	12805	12004	13739	6270	7683	18920	11475
7527	16425	111	8890	14960	8339	12747	7575	3716	17546
19074	7159	12365	3469	14338	13362	9606	7700	8424	14963
12078	17111	4817	13573	10034	1198	11564	14614	7913	16660
17993	4948	6379	14519	8047	12705	10428	227	2789	16405
17002	54	14724	7620	4971	17385	13902	13585	11844	13274

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ по 125 рублей за билетъ будетъ производиться съ 1 октября 1888 г. въ государственномъ банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я

Отъ Московской Экспедиціи собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА канцеляріи по учрежденіямъ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ,

на основаніи духовнаго завѣщанія штабъ-лекаря, надворнаго совѣтника Николая Игнатьевича *Томашевскаго*, пожертвовавшаго капиталъ Московскому Опекунскому Совѣту, объявляется, что родственники завѣщателя, а въ случаѣ невки ихъ, однофамильцы его, желающіе воспользоваться опредѣленными завѣщаніемъ выдачами изъ процентовъ съ капитала Томашевскаго, могутъ адресовать свои заявленія въ означенную Экспедицію, находящуюся на Солянкѣ, въ зданіи Опекунскаго Совѣта.

1888 г.

годъ III.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКІЙ СЛѢПЕЦЪ

Журналъ для обсужденія вопросовъ, касающихся улучшенія положенія слѣпыхъ.

выходитъ ежемѣсячно.

Подписная цѣна на годовое изданіе: съ доставкою и пересылкою внутри Россійской Имперіи 1 р., съ пересылкою за границу 1 р. 50 к.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Казанская ул., д. № 5, въ Канцеляріи Маріинскаго Попечительства для призрѣнія слѣпыхъ.

Объявленія принимаются за строчку или занимаемое ею мѣсто по 15 к.

Программа журнала. Обсужденіе всѣхъ вопросовъ, относящихся до улучшенія положенія слѣпыхъ: цѣли раціональнаго образованія и призрѣнія слѣпыхъ, принципы воспитанія и образованія, психологія, методы обученія, учебныя программы, учебныя пособія, организація заведеній, техническое образованіе, занятія и ремесла для слѣпыхъ, попеченіе объ окончившихъ ученіе слѣпыхъ (патронатство), призрѣніе неспособныхъ къ труду слѣпыхъ, статистика и т. д.; окулистическіи-медицинскіе вопросы; мѣры къ предупрежденію слѣпоты; иностранная литература и заграничныя періодическія изданія о слѣпыхъ.—Объявленія.

Редакторы-издатели: | В. Н. Семчевскій.
| О. К. Адеркасъ.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.

Редакторъ, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ Кратировъ.